НАУКА О ДУХѢ.

НАУКА О ДУХѢ

ОБЩІЯ СВОЙСТВА И ЗАКОНЫ

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ДУХА

М. Троицкаго.

ТОМЪ II.

Изданіе П. А. Абрикосова.

МОСКВА.
Типографія А. Гатцука, Никитскій бульв., соб. д.
1882.

Пров 384

Пров. 1955

р.

БИБЛИОТЕКА
ДВАЛИНСТИЧЕСКОЙ
ИНСТИТУТ
210855

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

(продолженіе)

ГЛАВА VI

Соотносительность въ области мышленія.

§ § *Стр.*

250. Два порядка соотношеній въ области мышленія. Идеи и понятія 3

СООТНОШЕНІЯ ИДЕЙ.

251. Образованіе вторичныхъ идей изъ первичныхъ Вторичныя идеи звуковъ Вторичныя идеи зрительнаго характера 4

252 Пассивное образованіе вторичныхъ идей.—Обратныя преобразованія вторичныхъ идей. Научные примѣры обратныхъ преобразованій 5

СООТНОШЕНІЯ ИДЕЙ И ПОНЯТІЙ.

253. Элементы понятій. Ихъ классы. Три типа общихъ понятій, представляющіе три момента преобразованія идей 6

254. Преобразованія понятій въ идеи 8

СООТНОШЕНІЯ ПОНЯТІЙ.

255. Соотносительность нѣкоторыхъ понятій, въ смыслѣ ихъ неразрывности. Соотношенія понятій въ процессахъ обобщенія, дѣленія и опредѣленія ихъ . . . —

§ § Стр

ПРЕДѢЛЫ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ПОНЯТІЙ.

256 Предѣлы обобщенія понятій. Категоріи 10

ОБЩІЕ ПРЕДѢЛЫ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ИДЕЙ.

257. Раздѣльность или разность идей, какъ предѣлы ихъ превращенія другъ въ друга. — Анализъ идей сходныхъ. Отношенія равенства въ арифметикѣ, геометріи. Отношенія разности. 11

258. Анализъ идей различныхъ. Классы различныхъ понятій.—Понятія разнородныя. Разнородность понятій, какъ извѣстная непревращаемость ихъ. Понятія логически-соотносительныя.—Разница послѣднихъ. . 12

259 Понятія противоположныя — Отличіе ихъ отъ логически-соотносительныхъ. — Разница противоположныхъ понятій другъ отъ друга.—Понятія противныя.— Ихъ образованіе Крайняя разница противныхъ понятій 14

260 Понятія подчиненныя и сподчиненныя.—Опредѣленіе сподчиненныхъ понятій. Ихъ примѣры въ разсмотрѣнныхъ прежде видахъ понятій. Указаніе подчиненныхъ понятій. Разница между понятіями подчиненными и подчиняющими. Система общихъ понятій, съ точки зрѣнія ихъ соотносительности 16

261 Общее сознаніе корреляціи идей.—Чувства сходства и разницы. Умственныя операціи обобщенія и различенія 17

ГЛАВА VII.

Соотносительность въ области мышленія.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ИДЕЙ И УМСТВЕННЫХЪ ОПЕРАЦІЙ, И ВЗАИМНЫЯ СООТНОШЕНІЯ ПОСЛѢДНИХЪ.

262 Взаимная зависимость идей и умственныхъ операцій. Важнѣйшіе виды ихъ соотносительности 19

§§ Стр

Природа логической очевидности

263. Опредѣленіе логической очевидности Виды ея . . . 20

Природа логической очевидности предложеній

— Виды логически-очевидныхъ предложеній. Предложенія полнаго сходства. Ихъ примѣры. — Формальное начало тожества. Формула начала тожества . . . . . —

264 Предложенія противорѣчія. Примѣры ихъ. Логическое начало противорѣчія. Формула его 22

265 Примѣры самоочевидныхъ предложеній не указываемыхъ въ логикахъ·—предложеній полнаго сходства; предложеній полной разности. . . . . —

266 Логически-очевидныя предложенія: логической соотносительности; противоположности, разнородности; сподчиненности и подчиненности 23

267 Предложенія, типомъ которыхъ служитъ такъ-называемое начало исключеннаго третьяго или средняго Очевидныя предложенія исключенія. Неочевидность нѣкоторыхъ. Разница между первыми и послѣдними. 24

268. Источникъ логической очевидности предложеній. Повѣрка содержащихся въ нихъ утвержденій и отрицаній. Доказательства ея присутствія 28

269 Соотносительныя или обратныя предложенія, для самоочевидныхъ предложеній Повѣряющая роль обратныхъ предложеній 29

Природа логической очевидности умозаключеній.

270 Ближайшее опредѣленіе логически-очевидныхъ умозаключеній.—Виды послѣднихъ. Логически-очевидныя умозаключенія: полнаго сходства; противорѣчія; логической соотносительности; противоположности; разнородности; сподчиненности. 30

271 Кажущееся тожество логической очевидности предложеній и умозаключеній. Разница послѣдней въ тѣхъ и другихъ. Ссвенныя логически-очевидныя умоза-

§§ Стр.

ключенія: полнаго сходства, логической соотносительности, подчиненности 33

272. Важнѣйшая разница логической очевидности предложеній и умозаключеній. Умозаключенія непосредственныя, истинныя логически и ложныя реально. Умозаключенія косвенныя, истинныя логически и ложныя реально. Умозаключенія ложныя логически, и реально вѣрныя. 34

273 Источникъ логической очевидности умозаключеній Повѣрка умозаключеній, сообщающая имъ логическую очевидность. 36

Природа реальной очевидности.

274. Отличіе очевидности реальной отъ логической. Реальная очевидность предложеній. Границы реальной очевидности логически-очевидныхъ предложеній. Повѣрка логически-очевидныхъ предложеній, сообщающая имъ реальную очевидность. 37

275. Реальная очевидность предложеній, не обладающихъ очевидностью логическою 39

276. Реальная очевидность умозаключеній. Повѣрка послѣднихъ Повѣрка посылокъ логически-очевидныхъ умозаключеній. Прямыя умозаключенія, обладающія, при логической очевидности, и реальною. Умозаключенія косвенныя, обладающія тѣмъ же: умозаключенія полнаго сходства, логической соотносительности; подчиненности 40

277. Повѣрка заключеній въ умозаключеніяхъ, не обладающихъ логическою очевидностью. Реальная очевидность наведеній. Наведенія популярныя, и гипотетическія Источникъ реальной очевидности наведеній 43

278. Реальныя дедукціи до повѣрки ихъ заключеній. Анализъ явленій, свойствъ и законовъ. Гипотетическій или популярный характеръ реальныхъ дедукцій. Условія ихъ научной строгости 45

§§ Стр

279. Необходимость, и немыслимость предложеній. Отношеніе обоихъ свойствъ къ очевидности предложеній —Необходимость умозаключеній.—Необходимость и немыслимость въ области реальной очевидности. Необходимость наведеній и дедукцій 47

280. Природа мыслимости —Виды мыслимости. Опредѣленіе логической мыслимости. Логическая мыслимость предложеній и умозаключеній 48

— Реальная мыслимость 49

Природа вѣроятности.

281. Опредѣленіе вѣроятности Вѣроятность предложеній. Вѣроятность умозаключеній. Отношеніе вѣроятности къ мыслимости 50

282. Соотносительность фактовъ потенціальныхъ и актуальныхъ психическихъ отношеній. Корреляціи психическихъ готовностей, съ чувствами, идеями и дѣйствіями. Корреляціи психическихъ способностей и психическихъ актуальныхъ отношеній 51

283. Соотносительность фактовъ прямыхъ и возвратныхъ психическихъ отношеній 53

§§ *Стр.*

ПСИХИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИВНОСТЬ.

284 Предварительныя замѣчанія — Явленія психической рефлексіи. Свойство психической рефлексивности. Отношеніе его къ психической относительности и соотносительности. Отдѣлы психической рефлексіи . 57

ГЛАВА I

Рефлексія психической дѣйствительности въ мышленіи.

285 Мысленная умственная рефлексія психической дѣйствительности Виды этой рефлексіи 59

УМСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСІЯ ТЕКУЩЕЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

— Идеи текущей психической дѣйствительности. Первоначальный видъ умственнаго самосознанія 60
286. Доказательства присутствія идей текущей дѣйствительности. — Акты средніе между внѣшними наблюденіями и идеями . . . . . —
— Явленія усвоенія на память, повѣряемыя въ минуты ихъ теченія 61
287 Пріобрѣтеніе цѣльнаго взгляда на сложныя картины.—Умственная рефлексія текущаго, наблюдаемая въ актахъ сравненія, отожествленія, различенія, воображенія. — Законы возникновенія и продолженія идей текущаго 62

УМСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСІЯ ПРОШЛОЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

288 Мышленіе какъ рефлексія прошлой логической дѣйствительности Основныя направленія его. Управляющіе имъ законы 64

Стр.

289 Законы ассоціаціи. Законъ смежности. Законъ сходства. Подчиненіе имъ основныхъ направленій мышленія 65

Происхожденіе историческаго направленія человѣческаго мышленія.

290. Историческое направленіе мышленія, и законъ смежности. Основныя явленія историческаго мышленія Подчиненіе ихъ закону смежности 66

Единичныя идеи реальныхъ психическихъ фактовъ.

291 Обособляющее значеніе единичныхъ идей. Опредѣленіе ихъ. Классы единичныхъ идей 67

ЕДИНИЧНЫЯ ИДЕИ ОЩУЩЕНІЙ.

292. Единичныя идеи ощущеній слуха.—Образованіе ихъ по закону смежности. Сравненіе идей прошлыхъ ощущеній слуха съ идеями текущихъ. Вопросъ объ условіяхъ послѣднихъ 6

293. Отношеніе единства, или недѣлимости, и постоянства единичныхъ идей 70

294 Законъ смежности какъ опредѣленныя границы стремленій мышленія. Прямая повѣрка существованія такихъ границъ 71

295 Законъ смежности какъ стремленіе мышленія къ рефлексіи дѣйствительности, въ порядкѣ ея непосреднаго преемства. Скрытное умственное сознаніе дѣйствительности 72

296. Единичныя идеи остальныхъ классовъ ощущеній. Единичныя идеи ощущеній зрительныхъ и осязательныхъ Идеи ощущеній какъ удовольствій и страданій 73

ЕДИНИЧНЫЯ ИДЕИ РЕАЛЬНЫХЪ ПСИХИЧЕСКИХЪ ФАКТОВЪ ОСТАЛЬНЫХЪ ПОРЯДКОВЪ.

297. Единичныя идеи волненій, реальныхъ дѣйствій, психическихъ готовностей. Вторичныя единичныя идеи.

§§ Стр

Ихъ историческій характеръ. Общія и единичныя идеи страха, гнѣва, совѣта, любви 75

Умственная рефлексія прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, въ порядкѣ ихъ внѣшней зависимости и внутренней связи.

298. Умственная рефлексія обстановки пережитыхъ фактовъ. — Первичныя связи единичныхъ идей. Коренное явленіе этихъ связей 78

299. Умственная рефлексія внѣшней зависимости психическихъ фактовъ Первичныя связи единичныхъ идей ощущеній. Отдѣлы этихъ связей Связи идей ощущеній однородныхъ. Ряды и группы зрительныхъ идей 79

300. Первичныя связи единичныхъ идей ощущеній разнородныхъ Преемство и современность этихъ идей . 81

301. Умственная рефлексія внутренней связи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ. Значеніе этой связи для оправданія закона смежности. Рефлексія отрицательныхъ условій реальныхъ фактовъ, и ихъ послѣдствій 82

302. Умственная рефлексія положительныхъ реальныхъ внутреннихъ условій, и ихъ послѣдствій 84

303. Переплетенія общихъ психическихъ фактовъ съ другими, и раздробленность ихъ теченія въ порядкѣ времени. Рефлексія такого теченія многихъ реальныхъ психическихъ фактовъ 85

Идеи индивидуальныхъ вещей, и умственная рефлексія ихъ индивидуальныхъ отношеній.

304. Идеи индивидуальныхъ вещей, сравнительно съ единичными идеями прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ Идеи реальныхъ произведеній самого человѣка Идея мраморной статуи. 87

305. Индивидуальныя идеи вещей неорганическихъ и органическихъ,—растеній, животныхъ, людей Образованіе такихъ идей по смежности 89

§§ Стр.

306 Умственная рефлексія индивидуальныхъ отношеній между единичными вещами. Виды этихъ отношеній. Умственная рефлексія сосуществованія индивидуальныхъ вещей;—современности ихъ; и причинной связи 90

— Свойства умственной рефлексіи индивидуальныхъ отношеній между единичными вещами. 93

Явленія умственной антиципаціи дѣйствительности

307. Отношеніе умственной антиципаціи дѣйствительности къ воспоминаніямъ объ ней. Явленія умственной антиципаціи. 94

308 Умственное продолженіе неоконченныхъ реальныхъ фактовъ 95

— Умственная антиципація изложенія, или словесной передачи, реальныхъ фактовъ. 96

309. Умственное превращеніе реальныхъ внѣшнихъ явленій въ индивидуальныя вещи, и ихъ измѣненія.— Превращенія зрительной панорамы 96

310 Умственная антиципація въ формѣ ожиданій и предчувствій. Два класса ожидаемыхъ событій. Предчувствія сбывающіяся и не сбывающіяся 97

Нѣкоторыя явленія умственнаго перенесенія психической дѣйствительности.

311 Виды умственнаго перенесенія чувствъ и психическихъ готовностей, съ ихъ прямыхъ условій на косвенныя. 99

312 Умственное перенесеніе чувствъ и психическихъ готовностей на другія послѣдствія вызвавшихъ ихъ причинъ.—Перенесеніе ихъ же, съ вызвавшихъ ихъ дѣйствій, на среду послѣднихъ, и ихъ случайныя сопровожденія 100

Нѣкоторыя явленія погрѣшностей мышленія.

313 Погрѣшности вытекающія изъ дѣйствій закона смежности. Явленія умственной отсталости. Явленія ошибочной умственной антиципаціи. 101

§§ *Стр.*
314. Популярные термины историческаго мышленія . . . 102
— Память — Объемъ и степень умственной рефлексіи по смежности. Стремленіе закона смежности; дѣйствіе закона сходства. . . . . —
315. Факты оправдывающіе теорію умственной рефлексіи. Бодрственное сознаніе здороваго человѣка Степени его ясности. Главное значеніе народнаго слова память. 104
316 Народныя употребленія словъ: память и сознаніе Отличіе памяти отъ умственныхъ операцій —Потеря памяти. 105
317. Воспоминаніе, какъ умственная операція. Отличіе его отъ памяти. Преобразованіе памяти въ воспоминаніе. 106
318. Обыкновенное значеніе слова забвеніе. Неотчетливость воспоминанія. Не состоявшіяся воспоминанія . . . 107
319. Припоминаніе Переходъ припоминанія въ воспоминаніе. Его условіе 108
— Представленія.—Смыслъ . . . . . —
320. Воображеніе. Участіе закона смежности въ работѣ воображенія. Двойственный характеръ поэтическаго творчества 110
321. Забвеніе, объясняющее нѣкоторыя разницы сознанія. Отвлеченная идея времени. Прошлое, будущее, настоящее 111

ГЛАВА II.

Рефлексія психической дѣйствительности въ мышленіи.

(продолженіе).

Происхожденіе логическаго направленія человѣческаго мышленія.

322. Обобщающее направленіе мышленія. Начало всякаго обобщенія. Главныя явленія обобщенія 112

§ § *Стр.*

Явленія узнаванія текущей дѣйствительности.

323 Значеніе явленій узнаванія, въ ряду другихъ явленій логическаго направленія мышленія.—Обобщеніе дѣйствительности; его объемъ или широта, его содержаніе. Элементы явленій узнаванія. 114

— Узнаваніе какъ обобщеніе прошлыхъ реальныхъ фактовъ съ текущими —Два условія отожествленія прошлыхъ фактовъ съ текущими. Присутствіе, въ процессѣ узнаванія, идей тѣхъ и другихъ фактовъ. . . . . —

324. Тожество идей прошлыхъ реальныхъ фактовъ съ текущими, какъ условіе узнаванія послѣднихъ —Явленія неузнаванія; полуузнаванія 115

325 Обобщеніе, въ процессѣ узнаванія, прошлыхъ реальныхъ фактовъ другъ съ другомъ Случайныя сближенія прошлыхъ сходныхъ фактовъ, въ процессѣ узнаванія текущихъ. Отожествленіе прошлыхъ реальныхъ фактовъ другъ съ другомъ, зависящее отъ ихъ отожествленія съ текущими 117

326 Трудности изслѣдованія указаннаго отожествленія прошлыхъ фактовъ.—Законъ сходства, какъ одно изъ условій образованія идей индивидуальныхъ вещей Отожествленіе вещи какъ единой; какъ постоянной. 119

327. Отношеніе второго рода отожествленія индивидуальныхъ вещей, къ явленіямъ ихъ узнаванія. Сознаніе каждымъ личнаго тожества 121

Явленія умственнаго ретроспекта

328. Важность явленій умственнаго ретроспекта. Условія ихъ 122

329. Явленія узнаванія, какъ основа пробужденія и бодрствованія. Ихъ непрерывность въ теченіе послѣдняго. Умственныя ретроспекціи, какъ послѣдствіе явленій узнаванія. Самоузнаваніе, и его роль въ ретроспекціяхъ 123

§§ Стр.

Явленія умственной коллигаціи реальныхъ фактовъ.

330 Опредѣленіе умственной коллигаціи реальныхъ фактовъ Ея значеніе для образованія вторичныхъ единичныхъ идей. Источникъ умственной коллигаціи . . 125

Умственныя явленія сравненія дѣйствительности.

331. Опредѣленіе явленій сравненія. Отличіе ихъ отъ явленій узнаванія и умственной коллигаціи 127
332. Явленія сравненія, какъ произведенія закона сходства Обстоятельства обусловливающія сравненіе: сходные факты, или ихъ идеи, въ явленіяхъ сравненія. Предѣлы сравненія. Факты сравнимые 128
333 Факты несравнимые. Переходъ фактовъ несравнимыхъ въ сравнимые. Уподобленія. 130
334 Дѣйствіе закона сходства въ явленіяхъ сравненія. Сравненія текущихъ фактовъ. Сравненія какъ сближенія прошлыхъ фактовъ съ текущими, и съ другими прошлыми Важнѣйшія умственныя произведенія сравненія дѣйствительности. Обобщенія неограниченнаго объема. 131

Общія идеи индувидуальной дѣйствительности.

335 Общія идеи какъ произведенія сравненія. Неограниченность объема общихъ идей Неограниченность въ смыслѣ необозримости и безграничности. Потенціальный характеръ неограниченности общихъ идей . . . 133
— Образованіе новыхъ классовъ. Общія идеи какъ умственные типы явленій и вещей 134
336. Связность всѣхъ общихъ идей не объяснима безъ помощи сравненія единичныхъ явленій и вещей. . . 136
337. Совпаденіе случайныхъ произведеній сравненія съ общими идеями. Сравненія случайныхъ аггрегатовъ вещей. Перераспредѣленіе ихъ по группамъ 137
338. Прямой анализъ общихъ идей реальныхъ явленій, и вещей.—Общія идеи психическихъ явленій, какъ ре-

§§ Стр.
зультаты сравненія послѣднихъ. Общія идеи вещей искуства и природы. 138

Общія умственныя рефлексіи реальныхъ отношеній.

339. Разница между общими, и единичными, умственными рефлексіями реальныхъ отношеній. Три рода постоянства реальныхъ отношеній, умственныя рефлексіи ихъ.—Отношеніе общихъ идей и общихъ рефлексій. Происхожденіе послѣднихъ 140
340. Неограниченность объема общихъ умственныхъ рефлексій. Умственные типы реальныхъ отношеній. Разница между обобщеніемъ идей и умственныхъ рефлексій. 141

Явленія умственнаго анализа дѣйствительности.

341. Опредѣленіе явленій умственнаго анализа. Умственный анализъ какъ сопровожденіе сравненій. 142
342. Первый видъ умственнаго анализа. Единичныя идеи и ихъ связи, какъ орудія различенія 143
343. Второй видъ умственнаго анализа. Умственные типы дѣйствительности, какъ орудія различенія. Анализъ индивидуальной дѣйствительности посредствомъ общихъ идей и общихъ умственныхъ рефлексій. Подведеніе общихъ идей и рефлексій подъ болѣе общія. Предѣлы умственнаго анализа . . . . . —

Умственныя явленія абстракціи или отвлеченія.

344. Отвлеченіе въ популярномъ смыслѣ. Научныя значенія термина отвлеченіе. Отвлеченіе какъ источникъ отвлеченныхъ идей и рефлексій. 146
— Преобразованіе единичныхъ идей, изъ конкретныхъ, въ отвлеченныя. — Такое же преобразованіе идей общихъ. . . . . —
345. Отрѣшенность отвлеченныхъ идей не можетъ быть признана ни безусловною, ни постоянною. Различныя степени отвлеченности. Возвращеніе отвлеченнымъ идеямъ конкретной формы. 148

§§ *Стр.*

346. Разница актовъ отвлеченія или абстракціи. Отвлеченіе, какъ источникъ отвлеченныхъ единичныхъ идей. Отвлеченіе какъ источникъ отвлеченныхъ общихъ идей. 149

— Отвлеченныя умственныя рефлексіи отношеній, единичныя и общія 151

Нѣкоторыя явленія умственнаго перенесенія психической дѣйствительности.

347. Умственныя перенесенія по сходству. Перенесенія чувствъ. Перенесенія психическихъ готовностей. . . —

Явленія симпатіи.

348 Роль закона сходства въ явленіяхъ симпатіи. Гипотетическая рефлексія чужихъ чувствъ Оправданіе или опроверженіе послѣдней — Пониманіе чужихъ чувствъ, и симпатическія чувства 153

Явленія увѣренности

349 Первоначальныя условія увѣренности. Разрушеніе и возрастаніе первоначальной увѣренности. Предѣлы человѣческой увѣренности относительно явленій . . 155

Нѣкоторыя погрѣшности мышленія

350. Ошибочныя обобщенія.—Ошибки узнаванія. Иллюзіи Театральные эффекты. — Ошибочныя обобщенія умственныхъ рефлексій 156

---

351. Популярные термины логическаго мышленія —Умъ Значенія этого термина. Массивныя умственныя сближенія по сходству. Логическое освѣщеніе содержанія памяти. 157

352. Переходы и скачки изъ однихъ воспоминаній въ другія. Явленія воображенія, по сходству. Патетическія ассоціаціи идей. . . . . —

§ § Стр.
353 Дѣйствіе закона сходства въ явленіяхъ отвлеченнаго воображенія извѣстной дѣйствительности 160
— Остроуміе. Одушевленія и олицетворенія 161
354. Соображеніе. Сравненіе дѣйствій съ ихъ различными обстоятельствами 162
— Явленія догадки Явленія антиципаціи, какъ совмѣстныя произведенія законовъ смежности и сходства. Заключенія отъ частнаго къ частному.—Заключенія отъ общаго къ частному.—Общій или здравый смыслъ. 163

ГЛАВА III.

Рефлексія психической дѣйствительности въ мышленіи.

(продолженіе.)

Происхожденіе трансцендентнаго направленія человѣческаго мышленія.

355. Опредѣленіе трансцендентнаго направленія мышленія. Законы образованія этого направленія. Основныя формы мысленной трансценденціи явленій . . . 165

Трансценденціи общаго или здраваго смысла.

356. Трансценденціи явленій въ идеяхъ вещей. Источникъ этихъ трансценденцій. 166

ТРАНСЦЕНДЕНЦІИ ЯВЛЕНІЙ ВЪ ИДЕЯХЪ ВЕЩЕЙ МАТЕРІАЛЬНЫХЪ

357 Трансценденціи явленій въ идеяхъ матеріальныхъ отношеній. Содержаніе трансцендентной рефлексіи матеріальныхъ отношеній. 168
358. Стадіи умственной трансценденціи явленій въ идеяхъ матеріальныхъ отношеній. Скрытное сознаніе данности этихъ отношеній. Сочетаніе идей матеріальныхъ отношеній съ идеями внѣшнихъ явленій . . 169
359. Трансценденціи явленій въ идеяхъ самыхъ матеріальныхъ вещей. Исходный пунктъ этихъ трансценденцій.

§§ *Стр.*

Ихъ условія. Сходство трансцендентнаго знанія матеріальныхъ отношеній и матеріальныхъ вещей 171

360. Разница трансценденцій въ идеяхъ матеріальныхъ отношеній и вещей. Реальное начало матеріальныхъ отношеній. Матеріальныя свойства. Матеріальная субстанція 172

361. Трансценденціи явленій, въ узнаваніи внѣшнихъ вещей . . . . . —

ТРАНСЦЕНДЕНЦІИ ЯВЛЕНІЙ ВЪ ИДЕЯХЪ ВЕЩЕЙ ДУХОВНЫХЪ.

362. Культурный характеръ трансценденцій явленій въ идеяхъ вещей духовныхъ. Содержаніе трансцендентнаго знанія духа Реальное начало и связь извѣстныхъ психическихъ свойствъ 176

ТРАНСЦЕНДЕНЦІИ ВООБРАЖЕНІЯ.

363. Виды трансценденцій воображенія. Трансценденціи явленій въ міровоззрѣніяхъ патетическихъ Нефеноменальная дѣйствительность какъ чувствующая, и дѣйствующая подъ вліяніемъ чувствъ 179

364. Происхожденіе трансценденцій въ патетическихъ міровоззрѣніяхъ. Умственный процессъ одушевленія природы; поводы къ нему 180

365. Трансценденціи явленій въ міровоззрѣніяхъ поэтическихъ. Процессы поэтическихъ преобразованій наблюдаемой дѣйствительности 182

366. Содержаніе поэтическихъ трансценденцій воображенія. Множество индивидуальныхъ нефеноменальныхъ дѣятелей. Анимизмъ. 183

367. Происхожденіе общихъ формъ поэтическихъ трансценденцій. Олицетворенія трансцендентнаго характера. Условія такихъ умственныхъ сочетаній 184

368. Происхожденіе спеціальныхъ формъ поэтическихъ трансценденцій, представляемыхъ анимизмомъ. Тѣни и отраженія. Состоянія сна и пробужденія 185

369. Преобразованіе душъ людей въ духовъ анимизма. От-

§ § Стр.

личіе поэтическихъ трансценденцій отъ патетическихъ 187

Трансценденціи увѣренности

370. Опредѣленіе трансценденцій увѣренности. Относительное содержаніе реальныхъ міровоззрѣній. Происхожденіе трансценденцій въ религіозныхъ міровоззрѣніяхъ. 188

371. Отношеніе религіозныхъ міровоззрѣній къ разсмотрѣннымъ формамъ трансцендентнаго мышленія. Безконечность и единство нефеноменальной дѣйствительности. 189

372. Исторія религіозныхъ міровоззрѣній. Ея періоды — Исторія развитія народной мифологіи. Переходной характеръ мифологіи 190

373. Виды богословія. Содержаніе отрицательнаго богословія. Конечная идея отрицательнаго богословія . . 191

— Стремленіе положительнаго богословія. Центральныя религіозныя идеи. Условія связанной съ ними увѣренности.— Собственный источникъ трансцендентныхъ идей религіознаго міровоззрѣнія. 192

Трансценденціи ума.

374. Опредѣленіе трансценденній ума. Метафизическія міровоззрѣнія. Задача ихъ. Разница міровоззрѣній метафизическихъ и религіозныхъ. Характеръ метафизическихъ трансценденцій мышленія. Основные типы метафизическихъ трансценденцій 193

ТРАНСЦЕНДЕНЦІИ МАТЕРІАЛИЗМА.

375. Раннія направленія матеріалистическихъ міровоззрѣній. Два періода исторіи матеріализма. Первые опыты матеріалистической метафизики. Матеріализмъ во второмъ періодѣ развитія. 195

376. Происхожденіе метафизики матеріализма. Душа и

§§ *Стр.*

духи какъ матеріальныя субстанціи. Отожествленіе субстанцій духовныхъ съ матеріальными 196

ТРАНСЦЕНДЕНЦІИ СПИРИТУАЛИЗМА.

377. Два періода развитія спиритуализма. Опредѣленіе духа какъ противоположности тѣлу. Дуализмъ. Отрицаніе матеріальныхъ субстанцій 198

ТРАНСЦЕНДЕНЦІИ ИДЕАЛИЗМА.

378. Идеалистическія опредѣленія нефеноменальной дѣйствительности. Стремленіе идеализма. Затрудненія спиритуализма. Поддержки ученія объ идеяхъ. Идеалистическое ученіе о матеріи. 199

ТРАНСЦЕНДЕНЦІИ МЕТАФИЗИЧЕСКАГО ФЕНОМЕНАЛИЗМА.

379. Стремленія метафизики феноменализма. Ея важнѣйшія положенія. Происхожденіе ихъ 202
380. Взаимное отношеніе опредѣляющихъ формъ трансцендентнаго мышленія 204

ГЛАВА IV.

Рефлексія мышленія въ психической дѣйствительности

381. Рефлексія идей въ реальныхъ фактахъ психическаго существованія. Главные виды реальной рефлексіи мышленія. Законы послѣдней 205

РЕФЛЕКСІЯ МЫШЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ЕГО СПОСОБНОСТЯХЪ РЕАЛЬНЫХЪ ПСИХИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

382. Способности реальныхъ психическихъ отношеній. Образованіе вторичныхъ способностей этихъ отношеній. Его законы 207

§§ *Стр*

Образованіе вторичныхъ способностей ощущеній.

383. Условія ощущеній: первичныя, вторичныя. Произведенія сочетаній тѣхъ и другихъ условій. 208
384. Законы образованія вторичныхъ способностей ощущеній. Воспроизведеніе прошлыхъ ощущеній по сходству и смежности. Замѣщеніе новыхъ ощущеній идеями. Превращенія текущихъ ощущеній. Виды вторичныхъ способностей ощущеній. 209

Образованіе чувства пространства.

385. Конкретныя и отвлеченныя идеи пространства.—Вторичный характеръ чувствъ пространства. 211
386. Чувство пространства какъ вторичная способность ощущеній. Роль идей ощущеній мускульныхъ, осязанія и зрѣнія. Мускульныя ощущенія движеній. Условія раздѣльности ощущеній пространства 212
387. Первоначальное содержаніе ощущеній осязанія и зрѣнія. Линейное измѣреніе пространства. 213
388. Преобразованіе осязаемыхъ и видимыхъ линій въ поверхности.—Третье измѣреніе пространства. Пустое пространство. Перспектива 214
389. Слухъ, обоняніе и вкусъ, какъ чувства пространства . 215

Образованіе чувства внѣшности вещей.

390. Пространство нетожественно съ внѣшностью вещей . Условія чувства внѣшности. 216

Образованіе чувства мѣстности психическихъ явленій.

391. Чувство распространенія, или помѣщенія, психическихъ явленій. Прямые и косвенные объекты этого чувства. Вторичный характеръ чувства мѣстности . . 218
392. Условія образованія чувства мѣстности органическихъ ощущеній . . . . . —

§ §

Образованіе вторичныхъ способностей чувствъ называемыхъ волненіями.

393. Развитіе чувствъ называемыхъ волненіями. Образованіе вторичныхъ способностей волненій 220
394. Первичныя и вторичныя условія волненій. 221
395. Законы образованія вторичныхъ способностей волненій. 222

Развитіе умственныхъ чувствъ

396. Разницы умственной впечатлительности. Образованіе умственныхъ чувствъ. Общія условія умственной впечатлительности. Умственный анализъ дѣйствительности. 223
397 Первичныя и вторичныя условія умственныхъ чувствъ. Первоначальная грубость умственнаго анализа. Высшая форма послѣдняго —Образованіе развитой чувствительности къ вѣсу 224

Развитіе эстетическаго или художественнаго чувства.

398. Разницы эстетической впечатлительности. Условія ея развитія. Реальный характеръ первичныхъ условій чувствъ красоты. Элементы эстетическихъ сочетаній. Роль реальныхъ условій красоты—въ области художествъ. 226
399. Мысленныя условія красоты Эстетическая символика. Ея мѣсто. Преобразованіе реальныхъ условій эстетическихъ впечатлѣній 227
400. Эстетическія ассоціаціи идей. Гармонія идей съ дѣйствительностью.— Качество идеальныхъ элементовъ эстетическихъ сочетаній 229
401. Явленія узнаванія,— въ основѣ художественныхъ ассоціацій идей. 230

§§ Стр.

Развитіе нравственнаго чувства.

402. Предметъ нравственнаго чувства. Первое образованіе нравственнаго чувства. Воспитаніе нравственнаго чувства Ступени развитія нравственной чувствительности 231
403. Составъ первичныхъ условій нравственныхъ чувствъ. Идеи дѣйствій. Культурныя побужденія къ нимъ Свойство нравственнаго чувства. 232
404 Привитіе дитяти нравственнаго чувства. Вторичныя условія послѣдняго Нравственныя убѣжденія. . . . 233

Образованіе вторичныхъ способностей реальныхъ психическихъ готовностей.

405 Реальныя психическія готовности. Положительныя и отрицательныя условія ихъ. Преобразованіе первичныхъ способностей реальныхъ готовностей. Факты образованія вторичныхъ способностей къ послѣднимъ . 235

Скрытное возрастаніе волненій, оканчивающееся аффектами.

406. Опредѣленіе аффектовъ. Задержка развитія волненій. Скрытное возрастаніе волненій 236
407. Условія скрытнаго возрастанія волненій. Накопленіе чувствъ Скрытное возрастаніе гнѣва. 237
408. Ускоренное разрѣшеніе гнѣвнаго напряженія 239

Скрытное образованіе склонностей.

409. Опредѣленіе склонностей. Виды реальной дѣятельной готовности. Формы реактивной готовности Формы активной готовности 240
410. Условія образованія склонностей 241
411. Любовь къ лицу. Влеченье. Нѣжныя чувства. Возрастаніе нѣжнаго влеченья.—Привязанность къ любимому лицу 242
— Образованіе властолюбія Его условія. 243

§§ *Стр*

Образованіе вторичныхъ способностей реальной дѣятельности.

412. Два періода образованія произвольной дѣятельности Первичныя и вторичныя условія реальныхъ дѣйствій. 244
413. Навыки дѣйствій. Условія ихъ образованія. Главные порядки навыковъ реальныхъ дѣйствій 245

Образованіе высшихъ навыковъ несимволическихъ дѣйствій.

414 Умѣнья и искуства Виды умѣній. Условія образованія умѣній. 247
415. Добрые нравы. Виды ихъ Опредѣленіе. Условія ихъ образованія. Условія ихъ воспитанія. Процессъ воспитанія добрыхъ нравовъ. 248
— Добрые обычаи. Обычаи гостепріимства. Ихъ происхожденіе и поддержаніе 250

Образованіе навыковъ символическихъ дѣйствій.

416. Виды навыковъ символическихъ дѣйствій.—Навыки рѣчи. Виды навыковъ рѣчи. Слова. Ихъ первоначальное происхожденіе. Воспитаніе навыковъ словъ. Постепенность образованія навыка къ слову . . . . —
417. Навыки употребленія словъ какъ названій Ассоціаціи словъ съ индивидуальными вещами. Обратныя ассоціаціи. Обобщенія названій. Ошибочныя называнія и перенесенія именъ. Образованіе общихъ понятій. 252
418. Навыки предложеній. Формы дѣтскихъ предложеній. Предложенія взрослыхъ. Образованіе правильныхъ предложеній 255
419. Навыки письма. Ихъ элементы . . . . . .
— Техника изящныхъ искуствъ 256
420. Преобразованіе навыковъ психическихъ въ свойства органическія. Наслѣдственность. . . . . —

§ §

Стр.

ГЛАВА V

Рефлексія мышленія въ психической дѣйствительности.

(продолженіе)

РЕФЛЕКСІЯ МЫШЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ЕГО СИМВОЛИЧЕСКАГО ТВОРЧЕСТВА.

421. Творчество человѣка. Произведенія творчества: реальныя; умственныя. Творчество символическое. Символы или знаки. Сочетанія знаковъ и обработка ихъ. Характеръ символическаго творчества 258

422. Полнота рефлексіи мышленія въ реальныхъ произведеніяхъ символическаго творчества. Символическія произведенія—первичныя и вторичныя.—Произвольность психической рефлексіи въ произведеніяхъ символическаго творчества 260

423. Законы управляющіе реальною рефлексіею мышленія въ символическихъ произведеніяхъ. — Вдохновеніе: страдательное; дѣятельное. Законы вдохновенія . . . 261

424. Символическое творчество какъ дѣятельность произвольная. Ея законы. Виды направленій символическаго творчества 262

Происхожденіе невольныхъ направленій символическаго творчества человѣка

425. Направленія вдохновенія. Виды направленій. Виды реальной символики 263

Реальная символика фактовъ или мысленныхъ обособленій дѣйствительности

426. Реальная символика фактовъ. Описательная символика дѣйствительности 264

427. Виды реальной символики фактовъ. Конкретная сим-

§§ Стр.

волика фактовъ. Отвлеченная символика единичныхъ описаній 265

428 Единичныя описанія природы и человѣка 266

Реальная символика типовъ, или мысленныхъ обобщеній дѣйствительности.

429. Реальная символика умственныхъ типовъ дѣйствительности. Виды ея 267

— Символика народной мудрости 268

430. Символика науки Виды ея. Основныя формы отвлеченной символики науки. — Общія описанія. Науки описательныя и сравнительныя 269

431 Дефиниціи или опредѣленія — Научныя доказательства 270

432 Основные отдѣлы отвлеченной символики науки. Науки умозрительныя. Науки практическія 271

433 Конкретная символика науки: графическая; пластическая. Коллекціи образцовъ 272

434. Художественная символика типовъ. Двѣ ступени развитія изящнаго искуства. Виды художественной символики. 273

435 Виды художественной символики типовъ. Сравнительное достоинство конкретной, и отвлеченной, художественной символики типовъ 274

436. Собственныя формы художественной символики типовъ. Описательныя произведенія изящнаго искуства Поэзія дидактическая; эпическая и драматическая 275

Реальная символика идей бытія нефеноменальнаго.

437. Виды реальной символики нефеноменальнаго. Простая символика идей нефеноменальнаго: отвлеченная; конкретная 277

— Художественная символика нефеноменальнаго бытія: отвлеченная; конкретная 278

438. Первичная и вторичная реальная символика. Виды вторичной . . . . . —

§§ Стр
439. Спеціальныя черты вдохновенія въ фактахъ символическаго творчества 279

Образованіе произвольныхъ направленій символическаго творчества.

440. Источникъ произвольности символическаго творчества. Характеръ послѣдняго какъ дѣятельности произвольной. Послѣднія цѣли символическаго творчества. Виды произвольныхъ направленій символическаго творчества 281

Консервативныя направленія символическаго творчества.

441. Консервативныя направленія символическаго творчества какъ виды консервативно-личнаго направленія произвольной дѣятельности 282
442. Исторія отдѣльныхъ реальныхъ произведеній символическаго творчества. Развитіе творческихъ ассоціацій идей въ опредѣленной реальной формѣ 283
443. Источникъ гарантій сохраненія отдѣльныхъ явленій символическаго творчества. Роль чувствъ стѣсненія и свободы въ процессѣ символическаго творчества . 284
444. Происхожденіе чувствъ стѣсненія въ явленіяхъ символическаго творчества 286
445. Условія освобожденія отъ стѣсненій въ процессѣ символическаго творчества. Традиціонный характеръ реальныхъ произведеній этого творчества 288
446. Исторія символической производительности отдѣльныхъ лицъ. Подражательное начало символическаго творчества. Стремленіе къ оригинальности или самобытности 289

Прогрессивныя направленія символическаго творчества.

447. Культура произведеній символическаго творчества. Приспособленія реальной символики къ достиженію сторонннхъ ей цѣлей. Положительныя и отрицатель-

§§ Стр.

ныя черты полнаго идеала произвольной дѣятельности. 291

448 Развитіе личности. Безличныя цѣли, какъ его естественные предѣлы 292

449. Предѣлы совмѣстимости развитія личности съ достиженіемъ безличныхъ цѣлей. Подчиненіе работы безличныхъ законовъ—личной власти человѣка . . . —

450 Культура личности въ предѣлахъ требуемыхъ безличными цѣлями. Подчиненіе человѣка сиѣ безличныхъ законовъ Раздѣльное выраженіе высшаго идеала произвольной дѣятельности. Культурныя направленія основныхъ видовъ реальной символики 294

451. Культурныя направленія реальной символики фактовъ. Виды этихъ направленій 295

452. Культурныя направленія реальной символики типовъ. Роль науки въ достиженіи идеала произвольной дѣятельности. Культурное значеніе народной мудрости, и художественной символики типовъ Спеціальныя черты культуры реальной символики типовъ. 296

453. Культурныя направленія реальной символики идей нефеноменальнаго бытія 298

ГЛАВА VI

Простѣйшія разницы явленій психической рефлексіи, и ихъ условія

454. Виды простѣйшихъ разницъ психической рефлексіи . 299

Простѣйшія разницы интенсивности психической рефлексіи

455. Виды условій простѣйшихъ разницъ интенсивности явленій психической рефлексіи. 300

Интенсивность реальныхъ психическихъ фактовъ, и идей, какъ условіе интенсивности ихъ рефлексіи.

— Интенсивность прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ . . . . . —

§§ Стр.

456. Темная область умственнаго сознанія. Ея содержаніе. Факты доказывающіе присутствіе темнаго сознанія 301

457 Вмѣшательство данныхъ реальныхъ фактовъ въ теченіе идей. 303

458. Живость идей обусловливающихъ явленія рефлексіи. 304

459 Наглядные случаи вліянія идей, вызывающихъ умственную рефлексію прошлыхъ фактовъ 305

460. Такъ-называемый законъ оживленія идей текущими впечатлѣніями . . . . . —

Скорость умственныхъ операцій, какъ условіе интенсивности идей, или страдательной умственной рефлексіи.

461 Скорость теченія идей, въ умственныхъ операціяхъ. Ея увеличеніе и уменьшеніе 306

462 Скрытное присутствіе идей, неразличимыхъ при скорости ихъ теченія въ умственныхъ операціяхъ . . . 307

ПРОСТѢЙШІЯ РАЗНИЦЫ ТВЕРДОСТИ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСІИ.

463 Условія твердости психической рефлексіи. Образованіе навыковъ дѣйствій и движеній 308

464 Навыки движеній нечленораздѣльныхъ 309

465. Элементарное воспитаніе и обученіе 310

ПРОСТѢЙШІЯ РАЗНИЦЫ СКОРОСТИ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСІИ.

466. Условія разницъ скорости психической рефлексіи. . 312

Повтореніе отражаемыхъ фактовъ въ порядкѣ ихъ смежности, какъ условіе скорости ихъ рефлексіи.

— Наблюденіе въ области реальной рефлексіи. . . . . —

467. Наблюденія въ области умственной рефлексіи. Превращеніе послѣдовательности въ современность. . . 313

§ § *Стр.*

468. Навыки современнаго воспроизведенія наблюдаемаго преестесвенно 314

Количество смежныхъ отношеній отражаемаго факта, какъ условіе скорости его рефлексіи.

469. Количество фактовъ, напоминающихъ по смежности какой нибудь прошлый фактъ Факты запоминанія . 315

Интенсивность и объемъ отражаемыхъ фактовъ, какъ условіе скорости ихъ теченія.

470 Вліяніе интенсивности отражаемыхъ фактовъ, на скорость ихъ рефлексіи въ умственныхъ операціяхъ. Такое же вліяніе ихъ объема 316

Сходство текущихъ фактовъ съ отражаемыми (прошлыми), какъ условіе скорости ихъ рефлексіи.

471. Явленія узнаванія. Ихъ сравненіе съ другими явленіями обобщенія. 317

472. Послѣдствія различной скорости умственной рефлексіи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ. Возвращеніе прошлыхъ фактовъ въ идеяхъ: при равной скорости; при различной. 319

473. Различная скорость умственной рефлексіи, какъ основаніе различныхъ типовъ общихъ идей и понятій —

ПСИХИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ.

(Продолжение)

ПСИХИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

ГЛАВА VI.

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ОБЛАСТИ МЫШЛЕНІЯ.

Соотношенія идей. — Соотношенія идей и понятій. — Соотношенія понятій. — Предѣлы соотносительности понятій — Предѣлы соотносительности идей вообще.

250. Соотносительность психическихъ фактовъ, не выходящая изъ предѣловъ мышленія, наблюдается въ соотношеніяхъ *идей* и *умственныхъ операцій*, или вообще страдательныхъ и дѣятельныхъ отношеній человѣка къ дѣйствительности, имѣющихъ чисто мысленный характеръ.

Терминъ *идеи* обнимаетъ собою всѣ мысленныя *страдательныя* отношенія, каковы бы ни были ихъ *формы*,— т. е. будутъ ли послѣднія *общими* человѣку и животнымъ, или *спеціальными*, свойственными только людямъ; но послѣдній классъ идей имѣетъ и свое спеціальное названіе, именно—*понятій*, или *всеобщихъ*, универсальныхъ, понятій. Поэтому, изучая соотносительность въ области идей, мы разсмотримъ. во-первыхъ, соотношенія *идей* и *понятій*; и во-вторыхъ, *предѣлы* этихъ соотношеній.

СООТНОШЕНІЯ ИДЕЙ.

251. Взаимная зависимость идей весьма наглядна въ фактахъ образованія *вторичныхъ* идей изъ *первичныхъ*, и обратнаго преобразованія первыхъ въ формы послѣднихъ.

Преобразованія однѣхъ идей въ другія, получая характеръ произвольности, кажутся самымъ наглядным доказательствомъ широкой власти человѣческаго духа надъ своими мыслями. Такъ называемая свобода умственнаго творчества означаетъ преимущественно ту легкость съ какою одни идеи преобразуются въ другія. Въ начальной главѣ этого сочиненія (§ 12) было показано, что всѣ идеи человѣка, съ точки зрѣнія ихъ происхожденія, могутъ быть раздѣлены на два порядка: *первичныя*, образующіяся изъ *реальныхъ* психическихъ фактовъ, и *вторичныя*, образующіяся изъ идей, конечно прежде всего первичныхъ. Вторичныя идеи образуются изъ первичныхъ вслѣдствіе *разложенія* послѣднихъ, *сложенія*, *умноженія*, *перемѣщенія*, *выдѣленія*, *превращенія*; и т. д.

Такимъ образомъ, звуки животныхъ, какъ *ревъ*, *мяуканье*, *вой*, *блѣянье*, и т. п., получаемые какъ одно протяжное ощущеніе, отмѣченное одною соотвѣтственною идеею, могутъ быть мысленно раздѣлены на нѣсколько послѣдовательныхъ тоновъ, составляющихъ повышеніе и пониженіе, усиленіе и ослабленіе голоса животныхъ.

Точно также, два небольшія пространства, занятыя садами принадлежащими двумъ владѣльцамъ, мы можемъ въ мысляхъ *соединить* въ одинъ большой садъ. Это будетъ новая идея, полученная путемъ сложенія двухъ оригинальныхъ предыдущихъ. — Созданный такимъ образомъ

садъ можетъ быть въ мысли *увеличенъ* вдвое, втрое, и т. д., мы можемъ сдѣлать *перестановку* содержащихся въ немъ предметовъ; иные изъ нихъ, напр. прудъ, или плодовыя дерева, совсѣмъ *исключить*, обративши садъ въ огромный цвѣтникъ, или паркъ: и т. д. Дѣлая всѣ эти перемѣны, мы продолжаемъ преобразованія оригинальныхъ или первичныхъ идей двухъ небольшихъ садовъ то *слагаемъ* ихъ, то *умножаемъ*, то измѣняемъ ихъ *положеніе* въ ряду другихъ идей, то *превращаемъ* до неузнаваемости.

252. Всѣ подобныя преобразованія однѣхъ идей въ другія могутъ быть производимы путемъ умственныхъ операцій; но за этими операціями всегда скрыты оригинальныя измѣненія идей по законамъ ассоціаціи. Такія измѣненія не всегда и закрываются вмѣшательствомъ дѣятельности. Такимъ образомъ, въ разсказѣ о какомъ нибудь событіи, часто противъ воли и ожиданія, то раздѣляютъ одно обстоятельство на два, то два обстоятельства смѣшиваютъ въ одно, то увеличиваютъ, то уменьшаютъ число вещей, то перепутываютъ дни и лица, то опускаютъ важныя подробности, то извращаютъ порядокъ событій, и т. д.

Указанныя нами умственныя явленія образованія вторичныхъ идей изъ первичныхъ имѣютъ свои обратныя преобразованія. *Раздѣленіе* ихъ можетъ сопровождаться обратнымъ *сложеніемъ* или *соединеніемъ*,—*сложеніе* — обратнымъ *дѣленіемъ*; — *умноженіе*—*уменьшеніемъ*; *перемѣщеніе*, *превращеніе* — *возстановленіемъ* прежняго вида или порядка, *выдѣленіе* — *включеніемъ*, и т. д.—Такимъ образомъ, преемство тоновъ, на которые мы можемъ разлагать въ мысли какой нибудь животный звукъ, не мѣ-

шаетъ намъ возвращаться къ его цѣльной идеѣ какъ—*мяуканья*, *рева;* и т. д. — Точно также преобразованіе въ мысли двухъ пространствъ занятыхъ садами, вызвавшее въ насъ непріятныя чувства, своимъ несоотвѣтствіемъ нашимъ вкусамъ, желаніямъ, позволяетъ намъ возвратиться назадъ, къ предыдущему шагу, вновь разлагая сложенное, уменьшая увеличенное, возвращая на прежнее мѣсто перемѣщенное, включая исключенное, возстановляя въ прежнемъ видѣ превращенное. Все это будутъ обратныя преобразованія, претерпѣваемыя идеями въ силу законовъ ассоціаціи, или вслѣдствіе умственныхъ операцій надъ ними. Въ наукѣ, примѣромъ прямого и обратнаго преобразованія идей могутъ служить умственныя дѣйствія математиковъ надъ *линіями*, *числами*, *алгебраическими знаками*,—филологовъ — надъ элементами рѣчи,—*словами*, *выраженіями*. Потому что работа, напр. надъ *линіями*, означаетъ, у математиковъ, работу только надъ *идеями* линій; а работа надъ *словами* означаетъ, у филологовъ, работу надъ *идеями* словъ.

СООТНОШЕНІЯ ИДЕЙ И ПОНЯТІЙ.

253. Выше (Ч. 1, Гл. II) было показано, что *понятія*,—*всеобщія*, *универсальныя понятія*, составляютъ специальную форму человѣческаго мышленія, получаемую послѣднимъ вслѣдствіе его исторической культуры. Универсальныя понятія суть общія всѣмъ людямъ, ассоціаціи *идей* съ *знаками* или *символами*, образующіяся вмѣстѣ съ образованіемъ послѣднихъ,—т. е. элементовъ человѣческаго *языка*.

Понятія могутъ быть раздѣлены на *общія*, *частныя*

и *единичныя*,—понятія *классовъ* вещей и отношеній, нѣкоторой *части* классовъ, и наконецъ единичныхъ *вещей*, *лицъ*, и ихъ *отношеній*, или *событій*. Ассоціаціи идей съ знаками или словами, сопровождаемыя нѣкоторыми привычными умственными операціями, опредѣляющими ихъ объемъ или границы, и составляющія всеобщія или универсальныя понятія, представляютъ сочетанія *трояка́го типа:* во-первыхъ, *знака*, или *слова*, и *множества* отдѣльныхъ сходныхъ идей, составляющихъ его значеніе по употребленію; во-вторыхъ, *знака*, или *слова*, и *одной* изъ многихъ идей, какъ *образцовой* между ними, и въ-третьихъ, *знака*, или *слова*, и *общаго содержанія* отдѣльныхъ сходныхъ идей. Одно и тоже понятіе можетъ быть различнаго типа, у различныхъ лицъ, и у одного и того же лица—при различныхъ обстоятельствахъ. Потому что три типа строенія понятій представляютъ *три момента преобразованія* идей въ понятія. Первый типъ понятія получается, когда знакъ или слово вызываетъ по ассоціаціи связанныя съ нимъ отдѣльныя идеи — не разомъ, а *послѣдовательно*, одну за другою; второй типъ получается тогда, когда, при такомъ послѣдовательномъ вызовѣ, одна идея выдается между другими, какъ лучшая представительница ихъ, и это обстоятельство отзывается позднѣе на самомъ вызовѣ ихъ, сообщая ему извѣстную *исключительность;* третій типъ понятія получается, когда идеи вызываемыя знакомъ или словомъ, выступаютъ, или точнѣе, стремятся выступить разомъ, и вслѣдствіе того на первое время позволяютъ выступать ясно только общему, или сходному, ихъ содержанію. Всѣ эти типы понятій могутъ пріобрѣтать характеръ умственныхъ *навыковъ*, которые измѣняются съ большимъ трудомъ, подъ вліяніемъ какихъ нибудь соб-

ственныхъ замѣчаній, или указаній со стороны. Но на точность пониманія, эта разница типовъ въ строеніи понятій, не имѣетъ никакого замѣтнаго вліянія, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ.

254. Преобразованію идей въ понятія отвѣчаетъ обратное умственное явленіе,—преобразованіе *понятій въ идеи*, т. е., переходъ понятій въ ассоціаціи идей, не имѣющія историческаго иначе культурнаго характера, или точнѣе, не составляющія употребительнаго значенія или смысла словъ. Такой переходъ отъ понятій къ идеямъ совершается всякой разъ, какъ только ассоціаціи идей съ знаками, разрѣшаются въ ассоціаціи идей безъ отношенія къ какимъ бы то ни было знакамъ. Такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ общаго содержанія сходныхъ идей мы переходимъ къ ихъ разницамъ, отъ идеи образцовой къ идеямъ ею представляемымъ, и отъ однѣхъ сходныхъ идей къ другимъ, руководствуясь не связью идей съ знакомъ или словомъ, а ихъ сходствомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, мышленіе человѣка оставляетъ свою спеціальную, историческую форму понятій, и принимаетъ общія формы теченія идей.

СООТНОШЕНІЯ ПОНЯТІЙ

255. Соотносительность нѣкоторыхъ понятій составляла издавна предметъ вниманія ученыхъ,—а именно, соотносительность въ смыслѣ нѣкоторой *неразрывности* ихъ. Къ такимъ понятіямъ принадлежатъ. понятія *причины* и *дѣйствія*; понятія *праваго* и *лѣваго;* понятія *близкаго* и *отдаленнаго;* и т. д. Сюда же конечно слѣдуетъ отнести и такія понятія, соотносительность которыхъ дознана пу-

темъ научнаго анализа,—какъ понятія *долга* и *права*.— Всѣ соотносительныя понятія этого класса находятся очевидно во взаимной зависимости другъ отъ друга, и именно какъ понятія объ одномъ изъ двухъ членовъ одного и того же отношенія. Такимъ образомъ, нельзя имѣть понятіе о причинѣ, не имѣя понятія о дѣйствіи,—и наоборотъ; потому что причина и дѣйствіе суть два члена одного и того же отношенія причинности: причина есть причина дѣйствія, дѣйствіе есть дѣйствіе причины.—Въ силу того же обстоятельства, *долгъ*, или *обязанность*, влечетъ за собою *право*, и *право* влечетъ за собою *долгъ*. *Долгъ* даетъ агéнту *право*, какъ возможность осуществленія долга; *право* агéнта опредѣляетъ *долгъ* реагéнта, какъ возможность осуществленія *права*.

Другой видъ соотносительности понятій заключается въ *логическихъ переходахъ* однихъ понятій въ другія, заключающихся, съ одной стороны, въ *обобщеніи* понятій,— съ другой, въ ихъ *раздѣленіи* и *опредѣленіяхъ*.

Какова бы ни была историческая постепенность образованія общихъ понятій, несомнѣнно, что мы въ состояніи составить изъ этихъ понятій *систему*, въ которой можемъ переходить, во-первыхъ, отъ понятій менѣе общихъ къ болѣе общимъ, — отъ *видовъ* къ *родамъ*, *отдѣламъ*, *порядкамъ*, *царствамъ;* и т. д.; и во-вторыхъ, отъ бобѣе общихъ къ менѣе общимъ,—отъ *царствъ* къ *порядкамъ*, *отдѣламъ*, *родамъ*, *видамъ*; и т. д. Мы дѣлаемъ первый переходъ черезъ постепенное *исключеніе*,—а второй — черезъ такое же *введеніе*, нѣкоторыхъ признаковъ обнимаемыхъ понятіями классовъ. Слѣдовательно, въ логическихъ пріемахъ *обобщенія* и *раздѣленія* понятій мы имѣемъ дѣло съ ихъ *превращеніями*, или лучше съ двумя

рядами превращеній, имѣющими видъ умственнаго восхожденія къ болѣе общимъ понятіямъ, и нисхожденія къ менѣе общимъ. Логическій пріемъ *дефиниціій* или *опредѣленій* однороденъ съ *раздѣленіемъ* понятій, какъ превращеніе понятій *родовыхъ* въ *видовыя*.

ПРЕДѢЛЫ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ПОНЯТІЙ

256. Факты превращенія однихъ понятій въ другія,—менѣе общихъ въ болѣе общія, вызываютъ вопросъ. какъ далеко идутъ такія превращенія?—Анализъ показываетъ, что превращенія, называемыя обобщеніемъ понятій, имѣютъ свой предѣлъ въ такихъ понятіяхъ, которые не подлежатъ дальнѣйшему превращенію въ этомъ направленіи, т. е. дальнѣйшему обобщенію. Такія *предѣльныя* или *пограничныя* понятія получили названіе *категорій*.

Такимъ образомъ, категоріи составляютъ *предѣлы* соотносительности общихъ понятій, и именно, пограничные пункты ихъ *обобщенія*. Чтобы начертать систему понятій, отвѣчающую ихъ соотносительности, необходимо найти *категоріи*, какъ высшіе пункты такой системы, способные стать и ея исходными пунктами, въ обозрѣніи всего богатства универсальныхъ понятій. Вслѣдствіе соотношенія понятій, въ процессахъ обобщенія и раздѣленія ихъ, нельзя убѣдить въ значеніи нѣкоторыхъ понятій въ смыслѣ *категорій*, не представивши самой системы понятій, съ такими категоріями во главѣ.

По нашимъ изслѣдованіямъ, всѣ общія понятія людей могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ, — категоріи *вещей* и категоріи *отношеній*,—путемъ тѣхъ стадій обобщенія, какія были указаны въ *таблицѣ* понятій, предста-

вленной нами при изслѣдованіи предѣловъ логической очевидности умозаключеній (§ 91.)

ОБЩІЕ ПРЕДѢЛЫ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ИДЕЙ

257. Общіе предѣлы соотносительности идей обозначены въ понятіяхъ ихъ *раздѣльности*, или *разности*.

Выше была показана соотносительность идей вообще, и понятій какъ ихъ спеціальной формы,—данная въ фактахъ ихъ *взаимнаго превращенія* другъ въ друга.—Теперь, если бъ это превращеніе не имѣло предѣловъ, то всѣ идеи человѣка сливались бы, въ концѣ, въ одну нераздѣльную идею. Между тѣмъ, такая слитность идеи не свойственна психическому существованію человѣка, или его страдательному мышленію послѣднее раздѣляется на множество различныхъ идей; эта-то *раздѣльность* или *разность* идей человѣка и является, такимъ образомъ, доказательствомъ существованія нѣкоторыхъ общихъ *предѣловъ* ихъ соотносительности въ формѣ превращенія,—которые до сихъ поръ указаны не были.

Что *разность* идей означаетъ *предѣлы* ихъ превращенія другъ въ друга, это можетъ быть доказано прежде всего косвенно,—анализомъ ихъ *сходства*.

Идеи *сходны*, когда *сходятся* одна съ другою, *совпадаютъ* одна съ другою, *отвѣчаютъ* одна другой, — кратко, *превращаются* одна въ другую, или обладаютъ свойствомъ такой *взаимной превращаемости*. *Полное* сходство идей означаетъ ихъ полное совпаденіе или взаимное превращеніе,—т. е. превращеніе одной въ другую *безъ остатка*. Полное сходство носитъ въ логикѣ названіе *тожества*, въ *математикѣ—равенства*. Возь-

мемъ примѣры полнаго математическаго сходства, или *равенства*.

$4 = 2 + 2$. Это значитъ, что число *четыре* превратимо въ число *два* и *два*, и что число *два* и *два* превратимо въ число *четыре*. Здѣсь превращеніе безъ остатка, слѣдовательно, сходство полное, или *равенство*.

Въ геометріи, *равенство линій* доказывается между прочимъ черезъ *наложеніе* одной линіи на другую, обнаруживающее ихъ *совпаденіе* по всей длинѣ. Совпаденіе линій означаетъ здѣсь тотъ же видъ корреляціи идей двухъ линій. идея одной линіи переходитъ или превращается въ идею другой линіи, и это превращеніе одной линіи въ другую, безъ остатка,—и есть признакъ ихъ *равенства*, или полнаго сходства ихъ длины.—

Если сходство идей означаетъ ихъ взаимную превращаемость однѣхъ въ другія. то *разность* идей можетъ означать только *предѣлы* такой превращаемости ихъ. Разность между числомъ 4 и числомъ $2+2+1$ заключается въ единицѣ; такъ какъ числа 4 и $2+2$ равны, или взаимно превратимы одно въ другое. Такимъ образомъ, разность между 4 и $2+2+1$ означаетъ предѣлъ взаимнаго превращенія этихъ чиселъ другъ въ друга.

Итакъ, разницы тоже что̀ остатки непревратимаго содержанія идей, — то̀ до чего доходитъ, но чего не переступаетъ ихъ превращеніе одной въ другую;—слѣдовательно, *предѣлы* взаимной превращаемости идей.

258. Тоже доказывается прямымъ анализомъ *различныхъ* идей,— напр., *понятій* человѣка. Къ *разнымъ* или *различнымъ* понятіямъ относятся во-первыхъ, *разнородныя*, во-вторыхъ, *логически-соотносительныя*; въ-третьихъ, *противоположныя* и *противныя*; и въ-чет-

вертыхъ, *подчиненныя* и *соподчиненныя*. Разсматривая эти разницы понятій, найдемъ, что онѣ означаютъ предѣлы ихъ взаимной превращаемости.

Понятія *разнородныя* связаны съ названіями классовъ не составляющихъ видовъ того же рода; таковы, напр., понятія *видимой формы* и *вѣса*,—*цвѣтовъ* и *тоновъ*,—*мысли* и *движенія*. *Видимая форма* есть видъ ощущеній *зрительныхъ*, — *вѣсъ* есть видъ ощущеній мускульныхъ; слѣдовательно, *видимая форма* и *вѣсъ* суть виды различныхъ родовъ, или *разнородны*. Тоже съ *цвѣтами* и *тонами*. Цвѣта—видъ ощущеній зрительныхъ; тоны—слуховыхъ; слѣдовательно, опять разнородны.

Разсматривая разнородныя понятія съ точки зрѣнія ихъ взаимной корреляціи, найдемъ, что разница этихъ понятій сводится къ ихъ неспособности прямого взаимнаго превращенія однихъ въ другія. Понятіе видимой формы нельзя перевести въ понятіе вѣса; понятіе цвѣтовъ нельзя перевести въ понятіе тоновъ или звуковъ. И наоборотъ. Эта-то взаимная непревращаемость однихъ понятій въ другія и составляетъ свойство понятій *разнородныхъ*, представляемое важною степенью *разности* между ними.

Понятія признаваемыя въ логикѣ *соотносительными*, принадлежатъ также къ *различнымъ;* таковы понятія *вещей* и *отношеній*, *причинъ* и *дѣйствій*, *количества* и *качества*, *цѣлаго* и *частей;* и т. д. Понятія «соотносительныя» представляютъ *сходство* или нѣкоторую способность превращенія другъ въ друга, доказываемую существованіемъ подчиняющихъ ихъ понятій,—каковы для

вещей и отношеній—понятіе *дѣйствительности* или *существованія;*—для *причины* и *дѣйствія*—понятіе *причинной связи;* для *цѣлаго* и *частей* — понятіе *количества;* и т. д. Но дальше этихъ понятій, подчиняющихъ логически-соотносительныя понятія, не идетъ ихъ способность взаимнаго превращенія другъ въ друга. «Соотносительныя» понятія сходны, но не тожественны, въ нихъ есть остатокъ отъ взаимнаго превращенія ихъ,—свидѣтельствуемаго высшими или подчиняющими ихъ понятіями,—который не допускаетъ болѣе такого превращенія, или составляетъ предѣлъ послѣдняго. Этотъ остатокъ заключается въ разности—вещей отъ отношеній, и отношеній отъ вещей, причинъ отъ дѣйствій, и дѣйствій отъ причинъ; цѣлаго отъ частей, и частей отъ цѣлаго. Понятія логически-соотносительныя *размѣрны*, насколько не допускаютъ перехода или превращенія другъ въ друга.

259. Понятія логически-соотносительныя часто смѣшиваются съ понятіями *противоположными*. Послѣдніе, дѣйствительно, близко подходятъ къ первымъ, но отличаются отъ нихъ двумя чертами. Понятія логически-соотносительныя не допускаютъ дѣйствительной *средины;* между *вещами* и *отношеніями, причиною* и *дѣйствіемъ, цѣлымъ* и *частями* нѣтъ средины. Между тѣмъ понятія *противоположныя* допускаютъ такую средину, между представляемыми ими крайностями. Между понятіями *тяжолаго* и *легкаго*, *тепла* и *холода, удовольствія* и *страданія*, *любви* и *ненависти*, *приближенья* и *удаленья*, и т. д., есть свои среднія понятія —средняго *вѣса*, средней *температуры*, чувствъ *нейтральныхъ*, *равнодушія*, *остановки* на одномъ пунктѣ; и т. под.—Далѣе, понятія

логически-соотносительныя не представляютъ той *цѣпи* или *ряда переходовъ* изъ одной *степени* въ другую, какіе свойственны содержанію понятій противоположныхъ. Такимъ образомъ, понятіе *тепла* есть понятіе о цѣломъ рядѣ степеней температуры, или обнимаетъ собою всю скалу ея до нуля; такой же рядъ степеней, отъ нуля, обнимаетъ собою понятіе *холода*. Отсюда, противоположныя понятія представляютъ всегда пункты соприкосновенія.

Подобно понятіямъ логически-соотносительнымъ, *противоположныя* допускаютъ нѣкоторое взаимное превращеніе, какъ это доказывается существованіемъ подчиняющихъ ихъ понятій:—напр., понятія *вѣса*—для понятій *тяжолаго* и *легкаго*;—*температуры*—для *тепла* и *холода*;—*чувства* для *удовольствій* и *страданій*;—*движенія*—для *приближенья* и *удаленья*. Но это превращеніе имѣетъ свои предѣлы; понятіе *холода* не превратимо всецѣло въ понятіе *тепла*; понятіе *удовольствія*—въ понятіе *страданія*; и т. д. И эти-то предѣлы взаимной превратимости понятій и суть то что̀ дѣлаетъ ихъ *различными*.

Перейдемъ къ понятіямъ *противнымъ*. Понятія противныя связаны съ положительными и отрицательными именами. Таковы—понятія: *человѣкъ*, *не-человѣкъ*; *существо*, *не-существо*; *добродѣтель*, *не-добродѣтель*; *число*, *не-число*; *бытіе*—*не-бытіе*. Очевидно, что понятія противныя суть также *положительныя* и *отрицательныя*; т. е. представляютъ всегда фактъ *понятія*, съ фактомъ его умственнаго *устраненія*. Понятія противныя считаются взаимно исключающими; т. е. не переходящими другъ въ друга. Потому что всякое превращеніе понятій состо-

итъ въ *измѣненіи* послѣднихъ, сообщающемъ имъ какія нибудь новыя черты, но не устраняющемъ ихъ, и неспособномъ устранить. Понятія противныя, такимъ образомъ, не допускаютъ никакого взаимнаго превращенія, — что доказывается наглядно тѣмъ, что они не имѣютъ, подобно напр. противоположнымъ, понятій ихъ подчиняющихъ. понятія *человѣка* и *не-человѣка*, *числа* и *не-числа*, *бытія* и *небытія*, не подчинены никакимъ, высшимъ ихъ понятіямъ. Эта-то полная непревратимость противныхъ понятій другъ въ друга и кладетъ между ними самыя рѣзкія границы, или составляетъ ихъ выдающееся, своею крайностью, различіе.

260. Обратимся, наконецъ, къ понятіямъ *сподчиненныхъ* и *подчиненныхъ*. Понятія сподчиненныя какому нибудь высшему или болѣе общему, представляются *равнообщими*, или суть понятія видовъ того же рода, — подклассовъ того же класса. Такую сподчиненность понятій мы наблюдали уже въ двухъ примѣрахъ, — въ примѣрѣ понятій *логически-соотносительныхъ*, и въ примѣрѣ понятій *противоположныхъ*. Оба примѣра показываютъ, что разность сподчиненныхъ понятій означаетъ предѣлы ихъ взаимной соотносительности, въ смыслѣ превращенія однихъ въ другія. — Что касается понятій *подчиненныхъ* другимъ, какъ менѣе общихъ болѣе общимъ, то ихъ переходъ другъ въ друга отмѣченъ впереди, въ процессахъ ихъ логическаго *обобщенія* и *раздѣленія*. Если понятія менѣе общія, переходя въ болѣе общія, не утрачиваютъ своей самостоятельности, или продолжаютъ сохранять свои разницы, то это доказываетъ, что превращеніе понятій менѣе общихъ въ болѣе общія также имѣ-

есть свои предѣлы, которые не трудно объяснить. Переходъ понятій въ болѣе общія никогда не бываетъ переходомъ *одного,* менѣе общаго, въ какое нибудь другое, болѣе общее, а всегда—*двухъ* или *нѣсколькихъ*, *равно-общихъ*, въ болѣе общее. Переходъ равно-общихъ въ болѣе общее есть ничто иное, какъ превращеніе равно-общихъ понятій другъ въ друга. болѣе общее понятіе всегда выражаетъ собою степень взаимной превращаемости другъ въ друга понятій равно-общихъ. Отсюда, разницы между понятіями подчиненными и подчиняющими выражаютъ въ одно и тоже время—предѣлы превращенія подчиненныхъ понятій *другъ въ друга*, какъ понятій *сподчиненныхъ*,—и предѣлы превращенія *подчиненныхъ* понятій въ *подчиняющія.*—Понятія представляющія высшія степени общности, служатъ показателями взаимной превратимости другъ въ друга понятій, представляющихъ низшія степени общности. Такимъ образомъ, система общихъ понятій человѣка должна представлять собою *степени* или *предѣлы* взаимной соотносительности ихъ, въ смыслѣ ихъ взаимной превратимости другъ въ друга

261. Соотносительность человѣческихъ идей, въ смыслѣ взаимнаго превращенія однѣхъ въ другія, есть, прежде всего, предметъ научнаго анализа,—но предметъ весьма близкій и общему сознанію людей. Общее сознаніе разсматриваемыхъ нами фактовъ корреляціи идей имѣетъ двѣ формы *страдательную* и *дѣятельную.* Страдательную форму сознанія этихъ фактовъ представляютъ *чувства сходства* и *разности*—идей или понятій. Всякое превращеніе одной идеи въ другую, или одного понятія въ другое, сопровождается *чувствомъ сходства*

этихъ идей, или понятій; и всякая неспособность ихъ къ такому превращенію, иначе, всякій предѣлъ такого превращенія, сопровождается *чувствомъ разности*. Чувства сходства и разности, вызываемыя такими отношеніями идей, обладая качествомъ пріятности, должны (§ 240) имѣть обратное дѣйствіе на эти идеи, сообщая своимъ отношеніямъ къ нимъ характеръ нѣкоторыхъ умственныхъ операцій, обнаруживающихся въ формѣ умственнаго *отожествленія*, или *обобщенія* идеи, и въ формѣ ихъ *различенія*, или умственнаго *раздѣленія*. Логическія операціи обобщенія и раздѣленія понятій суть вѣтви этихъ широкихъ умственныхъ дѣйствій обобщенія и различенія. Обобщеніе и различеніе, какъ два момента одного и того же умственнаго процесса,—дѣятельнаго превращенія одѣхъ идей въ другія, полнаго или неполнаго, даже ограниченнаго простыми попытками такого превращенія,—носятъ часто общее названіе *сравненія*.

ГЛАВА VII

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ОБЛАСТИ МЫШЛЕНІЯ.

(продолженіе)

Соотносительность идей и умственныхъ операцій, и взаимныя соотношенія послѣднихъ.—Природа *логической* очевидности —предложеній, умозаключеній.—Природа *реальной* очевидности —предложеній, умозаключеній.—Природа *вѣроятности*.—Соотносительность психическихъ отношеній. потенціальныхъ и актуальныхъ; прямыхъ и возвратныхъ.

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ИДЕЙ И УМСТВЕННЫХЪ ОПЕРАЦІЙ, И ВЗАИМНЫЯ СООТНОШЕНІЯ ПОСЛѢДНИХЪ.

262. Взаимная зависимость идей и умственныхъ операцій открывается на самыхъ фактовъ ихъ образованія. Зависимость *умственныхъ операцій* отъ идей доказывается и *общею исторіею* ихъ образованія (§ 13), и *спеціальною исторіею* возникновенія ихъ *культурныхъ* формъ (§ 42).— Обратная зависимость *идей* отъ умственныхъ операцій доказывается: во-первыхъ, образованіемъ *первичныхъ* идей этихъ операцій (§ 11); и во-вторыхъ, дѣятельнымъ образованіемъ всѣхъ идей *вторичныхъ* (§ 12).

Чтобы показать важное значеніе соотносительности идей съ умственными операціями, и однѣхъ умственныхъ операцій съ другими, разсмотримъ ее въ слѣдующихъ ум-

ственныхъ явленіяхъ во-первыхъ, въ фактахъ *очевидности;* и во-вторыхъ, въ фактахъ *вѣроятности.*

Такъ какъ очевидность дѣлится на *логическую* и *реальную* (§§ 89—92), то обратимся, прежде всего, къ фактамъ *логической очевидности.*

Природа логической очевидности.

263. *Очевидностью* вообще мы называемъ *очевидную истинность*, и *очевидную ложность*, утвержденій и отрицаній.

Логическая очевидность утвержденій и отрицаній есть ихъ *самоочевидность*. Утвержденія и отрицанія логически очевидны, когда истинность и ложность ихъ усматривается изъ самыхъ понятій, связанныхъ съ ихъ терминами, или безъ помощи новыхъ понятій,—не входящихъ въ составъ этихъ утвержденій и отрицаній.

Логическою очевидностью обладаютъ во-первыхъ, нѣкоторыя *предложенія;* и во-вторыхъ, нѣкоторыя *умозаключенія*. Обратимся сначала къ логически-очевиднымъ предложеніямъ.

природа логической очевидности предложеній.

Предложенія бываютъ логически очевидны, или самоочевидны, когда утверждаютъ или отрицаютъ *отношенія* понятій *соотносительныхъ* и *несоотносительныхъ*, *вполнѣ*, или въ *извѣстныхъ предѣлахъ*;—слѣдовательно, отношенія *полнаго сходства* понятій, *полной разности* ихъ, и различныхъ видовъ *неполной разности*, сопровождающей *неполное сходство*

Такимъ образомъ, къ самоочевиднымъ предложеніямъ принадлежатъ, *во-первыхъ*, утвержденія и отрицанія *полнаго сходства* одного изъ соотносительныхъ понятій съ другимъ,—слѣдовательно, отношенія *тожества* или *равенства* (§ 257). Примѣрами такихъ предложеній могутъ служить, поэтому, всѣ такъ-называемыя *тожественныя* предложенія, каковы *камень есть камень; человѣкъ есть человѣкъ; существо есть существо*; *вещь есть вещь; бытіе есть бытіе*, *что̀ есть*, *то̀ есть; знакъ есть знакъ; знакъ A есть знакъ A*; и т. д. — Что эти предложенія тожества суть предложенія полнаго сходства понятій *камень* и *камень*, *человѣкъ* и *человѣкъ*, *бытіе* и *бытіе*, *знакъ* и *знакъ*, доказывается тѣмъ, что *тожество* всѣхъ преемственныхъ психическихъ фактовъ, — слѣдовательно, и фактовъ мышленія или понятій, есть только *полное сходство* послѣдующаго съ предыдущимъ, или *повтореніе* предыдущаго въ послѣдующемъ, не заключающее въ себѣ никакихъ отступленій отъ перваго (§ 58).—Примѣрами тѣхъ же предложеній могутъ служить, далѣе, всѣ предложенія *равенства*, каковы 1=1 ; 4=2+2 ; 10=5+5 ; a=a , или b=b, какъ общія выраженія предложеній числового равенства; и т. д. — Типъ такихъ самоочевидныхъ предложеній называется, въ логикахъ, *логическимъ* или *формальнымъ началомъ тожества*. Самые общіе примѣры предложеній такого типа называются въ логикахъ *формулами* начала тожества: это—самыя общія предложенія тожества и равенства, каковы. *бытіе есть бытіе*, или *что̀ есть*, *то есть; A есть A; A=A*.

264. Къ предложеніямъ логически-очевиднымъ относятся, *во-вторыхъ*, утвержденія и отрицанія *полной разности* одного понятія съ другимъ,—каковая находится между всѣми понятіями *противными*, или *противорѣчащими* другъ другу, связанными съ именами положительными и отрицательными. Примѣрами такихъ самоочевидныхъ предложеній могутъ служить всѣ *отрицательныя* предложенія, въ которыхъ сказуемое есть имя отрицательное, образованное изъ положительнаго имени подлежащаго,—каковы: *камень не есть не-камень; человѣкъ не есть не-человѣкъ; существо не есть не-существо; вещь не есть не-вещь; бытіе не есть не-бытіе*, или: *что̀ есть, то не можетъ въ то же время не быть, знакъ не есть не-знакъ; А не есть не-А*; и т. д. — Типъ такихъ самоочевидныхъ предложеній носитъ, въ логикахъ, названіе *формальнаго* или *логическаго начала противорѣчія* (— точнѣе было бы сказать, *отрицанія противорѣчія*); формулами его считаются общія предложенія: *бытіе не есть не-бытіе; что̀ есть, то не можетъ въ то же время не быть; А не есть не-А*.

265. По поводу этихъ двухъ классовъ логически-очевидныхъ предложеній, мы должны сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Указанными нами видами самоочевидныхъ предложеній этихъ классовъ, далеко не исчерпывается весь ихъ порядокъ. Такимъ образомъ, примѣрами очевидности полнаго сходства понятій могутъ быть и слѣдующія предложенія: *не-камень есть не камень; не-вещь есть не-вещь; небытіе есть небытіе; не-А есть не-А*; и т. д.; примѣрами очевидности полной разности могутъ служить слѣдующія предложенія. *не камень не*

есть камень; небытіе не есть бытіе; не-А не есть А.—Далѣе, во всѣхъ, приведенныхъ нами до сихъ поръ, примѣрахъ мы ограничивались, слѣдуя обычаю логиковъ, утвержденіями и отрицаніями обладающими логическою очевидностью, или самоочевидностью, своей *истинности*; но есть также логическая очевидность, или самоочевидность, *ложности* нѣкоторыхъ предложеній. Къ предложеніямъ логически-очевиднымъ по своей ложности относятся, прежде всего, предложенія полнаго сходства понятій несоотносительныхъ, — каковы. *человѣкъ есть не-человѣкъ; бытіе есть небытіе*; *А есть не-А*; во-вторыхъ, предложенія *полной разности* понятій тожественныхъ или совершенно соотносительныхъ, — каковы *человѣкъ не есть человѣкъ; бытіе не есть бытіе.* или *что есть, того нѣтъ; единица не равна единицѣ; дважды два не четыре*, и т. д.

266. Къ логически-очевиднымъ предложеніямъ принадлежатъ, *въ-третьихъ*, всѣ предложенія утверждающія или отрицающія отношенія понятій: *логически-соотносительныхъ*, *противоположныхъ*, *разнородныхъ*, *сподчиненныхъ* и *подчиненныхъ*

Логически-соотносительныхъ. Очевидно-истинныя предложенія:

Причина есть причина дѣйствія. Дѣйствіе есть дѣйствіе причины; или, *дѣйствія не бываетъ безъ причины. Причина впереди дѣйствія. Причина не дѣйствіе.*

Цѣлое состоитъ изъ частей. Часть не есть цѣлое; часть не равна цѣлому; часть меньше цѣлаго; или, *цѣлое больше части.*

Свойства суть свойства существа. Свойство не существо. — Очевидно-ложныя

Дѣйствія бываютъ безъ причины. Дѣйствіе впереди причины. Часть больше цѣлаго. Свойство есть существо; и т. д.

Противоположныхъ. Очевидно-истинныя *свѣтъ не тьма*; *добро не зло. Тепло не холодъ.* Очевидно-ложныя: *свѣтъ есть тьма; добро тоже что зло*; и т. д.—

Разнородныхъ. Очевидно-истинныя *кругъ не звукъ*; *добродѣтель не животное*; *мысль не мускулъ.* Очевидно-ложныя *Добродѣтель есть животное. Мысль есть мускулъ.*

Сподчиненныхъ. Очевидно-истинныя: *Прямыя и кривыя линіи — все же линіи. Треугольникъ не квадратъ*; *квадратъ не кругъ.* Очевидно-ложныя *треугольникъ есть квадратъ*, или *квадратенъ*; *квадратъ есть кругъ, или кругълъ.*

Подчиненныхъ. Очевидно-истинныя *Человѣкъ есть животное. Правители люди.* Очевидно-ложныя: *человѣкъ не животное; правители не люди.*

267. Представленныя нами классы логически очевидныхъ предложеній вполнѣ отвѣчаютъ *соотносительности* понятій, и ея *степенямъ* и *предѣламъ*. Логическая очевидность предложеній есть очевидность *слитности* и *раздѣльности* понятій. Логическая очевидность предложеній не простирается за предѣлы взаимной превратимости понятій другъ въ друга, и степеней послѣдней. Подтвержденіе тому мы встрѣчаемъ въ предложеніяхъ, которыя въ логикѣ занимаютъ третье мѣсто, въ ряду самооче-

видныхъ предложеній, и типъ которыхъ носитъ названіе *формальнаго* или *логическаго начала исключеннаго третьяго* или *средняго*. Къ такимъ предложеніямъ относятся всѣ предложенія исключающія *третье* или *среднее* между понятіями *противными*, какъ—*человѣкъ* и *не-человѣкъ*, *бытіе* и *небытіе*, *А и не-А*. Мы не говорили до сихъ поръ объ этихъ предложеніяхъ потому, что самоочевидность такихъ предложеній, какъ они обыкновенно излагаются въ логикахъ, весьма ограничена. Такъ какъ понятія противныя не допускаютъ средины, то всѣ предложенія утверждающія или отрицающія этотъ простой фактъ ихъ полной несоотносительности, будутъ очевидными, или самоочевидными. Таковы предложенія: между понятіями *человѣкъ* и *нечеловѣкъ* нѣтъ третьяго или *средняго*. Между понятіями *добра* и *недобра* нѣтъ средняго. Между понятіями *свободы* и *несвободы* нѣтъ третьяго. Между *смертью* и *безсмертіемъ* нѣтъ средняго понятія, — точно также, какъ и между понятіями *бытія* и *небытія*. Такія предложенія *исключенія* очевидны. Но въ формальныхъ логикахъ они объясняются примѣрами другого рода, по формулѣ *А есть или В или не-В*:—*Петръ или уменъ*, *или неуменъ;* человѣкъ или *свободенъ* или *несвободенъ;* или *отвѣтственъ за свои дѣйствія*, или *неотвѣтственъ*. Предложенія въ родѣ приведенныхъ считаются логически очевидно-истинными. Но ёсли эти предложенія очевидно-истинны. то какія же предложенія, составленныя изъ тѣхъ же подлежащихъ и сказуемыхъ, будутъ очевидно-ложны?—Мы можемъ выставить двѣ формулы предложеній расходящихся съ предложеніемъ А есть или В или не-В, — а именно. *А есть ни В ни не-В*, *А есть и В и не-В*. Петръ ни

уменъ, ни неуменъ, Петръ и уменъ и неуменъ. Человѣкъ ни свободенъ, ни несвободенъ; человѣкъ и свободенъ и несвободенъ. Человѣкъ ни отвѣтственъ за свои свои дѣйствія, ни неотвѣтственъ; человѣкъ и отвѣтственъ за свои дѣйствія, и неотвѣтственъ. Можно ли признать всѣ эти предложенія очевидно-ложными?—Конечно, нѣтъ; предложенія *утверждающія* и то и другое, *могутъ* быть реально истинными, — какъ напр. предложенія. Петръ *уменъ и неуменъ* (уменъ въ одномъ отношеніи, и не уменъ въ другомъ), — человѣкъ *свободенъ* (напр. психически) и *несвободенъ* (напр. физически); человѣкъ *смертенъ* (по тѣлу) и *безсмертенъ* (по душѣ) Если мы перейдемъ къ предложеніямъ *отрицающимъ* и то и другое, то найдемъ, что и эти предложенія не отличаются очевидностью своей ложности. Предложеніе: *Петръ ни уменъ, ни неуменъ,* можетъ быть реально истиннымъ, если подъ умомъ разумѣть *таланть*, а подъ неумомъ—*глупость* или *идіотство;* потому что этимъ будетъ обозначенъ средній уровень достоинства умственныхъ способностей,—умственная посредственность. Но предложенія этого типа бываютъ даже очевидно-истинными. *Добродѣтель ни желтаго, цвѣта, ни нежелтаго. Идеи — ни квадратной фигуры, ни неквадратной.*—Если же предложенія утверждающія то и другое, и отрицающія то и другое, нельзя вообще признать тѣми средними, которыя исключаются по формулѣ: А есть или В или не-В: то въ чемъ же состоитъ эта исключаемая средина?—

На такой вопросъ мы напрасно стали бы ожидать отвѣта отъ существующихъ ученій о началѣ исключеннаго третьяго или средняго. — Съ своей стороны замѣтимъ, что эти ученія имѣютъ въ виду нѣсколько ви-

довъ предложеній, подходящихъ подъ указанную формулу и отличающихся полною логическою очевидностью. Таковы, напр., предложенія *каждая линія есть или прямая, или непрямая. Конусъ бываетъ или усѣченный, или неусѣченный. 2×2 или равно четыремъ, или неравно. Количество А или равно количеству В, или неравно.* Такого рода предложенія логически очевидно-истинны; и рядомъ съ ними есть очевидно-ложныя, состоящія изъ тѣхъ же терминовъ,—именно линія АВ не есть ни прямая, ни непрямая; линія АВ есть и прямая и непрямая. Конусъ *А* не есть ни усѣченный, ни неусѣченный; конусъ А есть и усѣченный и неусѣченный. 2×2 и равно и неравно четыремъ; 2×2 ни равно, ни неравно 4.; и т. д.—Изъ этихъ примѣровъ легко убѣдиться, что предложенія *исключенія третьяго* или *средняго*, обладающія логическою очевидностью своей истинности, исключаютъ *третье* или *среднія* утвержденія, или отрицанія, которыя состоятъ въ *утвержденіяхъ* или *отрицаніяхъ и того и другого.*

Итакъ, мы имѣемъ новый родъ логически-очевидныхъ предложеній, которыя, будучи очевидно-истинными, подходятъ подъ формулу: А есть или В или не-В: иначе. А или есть или не есть В.—Но чѣмъ же эти очевидныя предложенія отдѣляются отъ другихъ предложеній того же типа, не имѣющихъ логической очевидности, а реально обладающихъ часто очевидностью противоположною приписываемой имъ логической?—Отдѣленіе это можно провести только съ помощью *соотносительности* понятій. Предложенія *исключенія* логически-очевидны, когда утверждаютъ или отрицаютъ отношенія понятій *соотносительныхъ* и *несоотносительныхъ*. Понятіе *линіи* соотносительно съ

понятіемъ *прямой линіи;* послѣднее *подчинено* первому. Понятіе *конуса* находится въ такомъ же соотношеніи съ понятіемъ *усѣченнаго конуса*. Понятіе 2×2 находится въ соотношеніи съ понятіемъ 4, оба понятія *тожественны*. Но добродѣтель не соотносительна съ понятіемъ цвѣта Отсюда предложеніе. добродѣтель или желтаго цвѣта или нежелтаго, не можетъ принадлежать къ числу логически очевидно-истинныхъ; наоборотъ, по *разнородности* понятій (§ 258), оно принадлежитъ къ числу предложеній логически очевидно-ложныхъ.

268. Обзоръ всѣхъ классовъ логически-очевидныхъ предложеній оправдываетъ наше опредѣленіе ихъ, какъ утвержденій, или отрицаній, *отношеній* между понятіями *соотносительными* и *несоотносительными*—вполнѣ или въ извѣстныхъ границахъ, — иначе, какъ утвержденій и отрицаній превращаемости однихъ понятій въ другія, и ея предѣловъ.—Такимъ анализомъ логически-очевидныхъ предложеній, мы приблизились къ рѣшенію вопроса о томъ, откуда берется *логическая очевидность*, или *самоочевидность*, нѣкоторыхъ предложеній.

Логическая очевидность предложеній, какъ бы ни показалось это страннымъ,—зависитъ, въ концѣ, отъ тѣхъ же умственныхъ дѣйствій, какъ и *реальная*, — именно отъ *повѣрки* истинности, и ложности, содержащихся въ нихъ утвержденій и отрицаній. Особенность этой повѣрки заключается въ томъ, что она доступна каждому,—такъ какъ имѣетъ дѣло съ отношеніями понятій *соотносительныхъ*, и обыкновенно *универсальныхъ* или *всеобщихъ*,—и ограничивается простымъ сравненіемъ утверждаемаго или отрицаемаго *отношенія* понятій, съ ихъ *извѣстнымъ*

соотношеніемъ. Соотношеніе это возстановляется въ умѣ, когда данное предложеніе вызываетъ *соотносительное* умственное дѣйствіе, выражаемое *обратнымъ* предложеніемъ.

Доказательства присутствія такой повѣрки заключаются во-первыхъ, въ существованіи соотносительныхъ умственныхъ дѣйствій, или обратныхъ предложеній, для каждаго самоочевиднаго предложенія, и во-вторыхъ, въ томъ, что такія соотносительныя умственныя дѣйствія, или обратныя предложенія, играютъ роль *дѣйствій повѣрки*.

269. Существованіе соотносительныхъ или обратныхъ предложеній, для всѣхъ логически-очевидныхъ предложеній, принадлежитъ къ числу несомнѣнныхъ истинъ, и можетъ быть указано слѣдующими примѣрами изъ всѣхъ классовъ самоочевидныхъ предложеній.

А есть В, соотносительное или обратное предложеніе В есть А.—А=В, В=А.—4=2+2; 2+2=4.

Бытіе не есть небытіе; небытіе не есть бытіе.—А не есть не-А; не-А не есть А.—

(Очевидно — ложныя. Бытіе есть небытіе; небытіе есть бытіе. — Дважды два не четыре; четыре не дважды два.)—

Причина впереди дѣйствія; дѣйствіе позади причины.—Часть меньше цѣлаго, цѣлое больше части.

Добро не зло, зло не добро. — Мысль не мускулъ; мускулъ не мысль.

Тріугольникъ не квадратъ; квадратъ не тріугольникъ.

Правители—люди; люди—и правители.

А или равно или неравно В; В или равно или неравно А.

Что такія соотносительныя умственныя дѣйствія, выражаемыя обратными предложеніями, играютъ роль дѣйствій повѣрки,—это особенно наглядно въ логически-очевидныхъ предложеніяхъ *равенства*. Утверждая, что $4 = 2 + 2$, утверждаютъ превратимость количества 4 въ количества 2 + 2, — или дѣлимость 4 на 2 и 2. Обратнымъ предложеніемъ $2+2=4$, утверждается слагаемость двухъ количествъ $2+2$ въ одно число или въ одну сумму 4. Дѣлимость 4 на $2+2$ повѣряется слагаемостью $2+2$ въ число 4.—И наоборотъ.

Предложеніе часть меньше цѣлаго, находитъ свою повѣрку въ предложеніи цѣлое больше части. И наоборотъ.

Такого рода повѣрка,—повѣрка данныхъ предложеній обратными имъ,—возстановляя въ умѣ извѣстную соотносительность понятій связанныхъ съ терминами данныхъ предложеній, позволяетъ видѣть насколько утверждаемыя или отрицаемыя въ нихъ отношенія понятій, совпадаютъ съ ихъ соотношеніями.

ПРИРОДА ЛОГИЧЕСКОЙ ОЧЕВИДНОСТИ УМОЗАКЛЮЧЕНІЙ

270. *Умозаключенія* имѣютъ *логическую очевидность*, насколько утверждаютъ или отрицаютъ *соотносительность* понятій, на основаніи ихъ *отношеній* въ *данныхъ* предложеніяхъ. Такія утвержденія и отрицанія выражаются въ умозаключеніяхъ *соотносительными* предложеніями, какъ *послѣдствіями* данныхъ предложеній.

По различію соотносительности понятій и ея предѣловъ, логически-очевидныя умозаключенія могутъ быть раздѣлены на *умозаключенія полнаго сходства*, *противорѣчія*, *логической соотносительности*, *противоположности*, *разнородности*, *сподчиненности* и *подчиненности*.

Представимъ примѣры логически очевидно-истинныхъ и очевидно-ложныхъ умозаключеній всѣхъ классовъ.

Умозаключенія полнаго сходства

Очевидно-истинныя

А есть В; слѣдовательно, В есть А.—Или

А=В; слѣдов. В=А.

Homo значитъ тоже, что *человѣкъ;* слѣдов , *человѣкъ* значитъ тоже, что *homo*.

4=2+2, слѣдов 2+2=4.

Очевидно-ложныя

А=В, слѣдов. В не равно А

Homo значитъ *человѣкъ:* слѣдов., *человѣкъ* не значитъ *homo*.

2×2=4, слѣдов. 4 не 2×2

Умозаключенія противорѣчія или противности:

Очевидно-истинныя:

А не есть не-А; слѣд. не-А не есть А.

Бытіе не есть небытіе; слѣд. небытіе не есть бытіе.

Очевидно-ложное

А не есть не-А; слѣд. не-А есть А.

Умозаключенія логической соотносительности:

Очевидно-истинныя

Причина впереди дѣйствія; слѣдов., дѣйствіе позади причины.

Часть меньше цѣлаго; слѣд. цѣлое больше части.

Свойство не существо, слѣд. существо не свойство.

Очевидно-ложное

Пять больше четырехъ, слѣд. четыре равно пяти.

Умозаключенія противоположности:

Очевидно-истинное

Добродѣтель не порокъ, слѣд порокъ не добродѣтель.

Очевидно-ложное

Добро не зло; слѣд. зло есть добро.

Умозаключенія разнородности

Очевидно-истинныя.

Перо не чернильница, слѣд. чернильница не перо.

Добродѣтель не животное, слѣд. животное не добродѣтель.

Очевидно-ложное

Цвѣтъ не звукъ, слѣд звукъ есть цвѣтъ

Умозаключенія соподчиненности·

Очевидно-истинныя

Кругъ не эллипсисъ; слѣд. эллипсисъ не кругъ

Анализъ не синтезъ; слѣд. синтезъ не анализъ.

Очевидно-ложное.

Квадратъ не тріугольникъ; слѣд. тріугольникъ квадратенъ.

Умозаключенія подчиненности·

Очевидно-истинныя.

А есть видъ В; слѣд. В есть родъ А.

Человѣкъ принадлежитъ къ классу существъ смертныхъ; слѣд. классъ существъ смертныхъ включаетъ и человѣка.

Философы люди; слѣд. между людьми есть философы.

Очевидно-ложное·

А есть видъ В; слѣд. В не есть родъ А.

271. Сравнивая примѣры логически-очевидныхъ умозаключенiй съ приведенными нами примѣрами логически-очевидныхъ предложенiй, легко притти къ мысли, что логическая очевидность предложенiй и умозаключенiй одна и таже. На первый разъ можетъ казаться, что логически-очевидныя предложенiя, сопровождаемыя повѣряющими ихъ соотносительными или обратными, совершенно то же что̀ логически-очевидныя умозаключенiя:

А=В; В=А Таковъ, напр., видъ логически-очевиднаго предложенiя полнаго сходства, или равенства.

А=В; слѣд. В=А. Таковъ видъ умозаключенiя равенства изъ тѣхъ же терминовъ.

. Но это наружное тожество логической очевидности предложенiй и умозаключенiй опровергается болѣе глубокимъ анализомъ послѣднихъ сравнительно съ первыми. Разница указаннаго характера предложенiй и умозаключенiй заключается, прежде всего, въ томъ, что логически-очевидныя предложенiя очевидны *непосредственно*, между тѣмъ какъ логически-очевидныя умозаключенiя бываютъ очевидны и непосредственно, какъ въ приведенныхъ нами примѣрахъ,—и *косвенно*, какъ это доказывается другими примѣрами умозаключенiй *полнаго сходства*, *логической соотносительности*, и *подчиненiя*.

Косвенныя логически-очевидныя умозаключенiя полнаго сходства.

А есть В; В есть С; слѣдовательно, А есть С.

A=B; B=C; C=D; D=E; слѣдоват. A=E.

Линія AB = линіи CD; линія CD = линіи EF; слѣд. линія AB=линіи EF.

Это значитъ, что логическая очевидность, или очевидность соотношенія вполнѣ сходныхъ понятій, не исчезаетъ, какъ бы ни было велико число промежуточныхъ членовъ, между крайними членами ихъ ряда· A, превращаясь въ B, вмѣстѣ съ B превращается въ C, вмѣстѣ съ C въ D, вмѣстѣ съ D въ E, слѣдов. A есть E,—или, A=E.

Косвенныя логически-очевидныя умозаключенія логической соотносительности:

A есть дѣйствіе B; а B есть дѣйствіе C; слѣдов. A есть косвенное дѣйствіе причины C.

A меньше B; а B меньше C; слѣдов. A меньше C.

Т. е. A есть дѣйствіе B, и вмѣстѣ съ B—дѣйствіе C.—A меньше B, и вмѣстѣ съ B меньше C.

Косвенныя логически-очевидныя умозаключенія подчиненности·

A принадлежитъ къ виду B; а B принадлежитъ къ роду C; слѣд. A принадлежитъ къ роду C.

Сократъ человѣкъ; а люди смертны; слѣдов. Сократъ смертенъ.

Т. е. A подчинено B, и вмѣстѣ съ B подчинено C.

272. Вторая, еще болѣе важная разница между очевидностью самоочевидныхъ предложеній и логически-очевидныхъ умозаключеній заключается въ томъ, что предложенія имѣющія логически-очевидную истинность, обладаютъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, и *реальною*, т. е.

утверждаютъ истинные факты соотносительности человѣческихъ понятій и вещей. Не то съ логическою очевидностью умозаключеній· имѣя логически-очевидную истинность, они могутъ быть реально ложны; и наоборотъ, логически очевидно-ложныя, они могутъ быть реально истинными. Представимъ примѣры того и другого отношенія *логической* очевидности умозаключеній—къ *реальной*

Умозаключенія непосредственныя, истинныя логически и ложныя реально:

Бытіе есть небытіе; слѣдовательно, небытіе есть бытіе.

Часть больше цѣлаго; слѣдовательно, цѣлое меньше части.

Добродѣтель тоже что порокъ; слѣдовательно, порокъ тоже что добродѣтель.

Квадратъ есть кругъ; слѣдовательно, кругъ есть квадратъ.

Философъ не человѣкъ; слѣдовательно, между людьми нѣтъ философовъ.

Всѣ утвержденія и отрицанія въ этихъ умозаключеніяхъ реально ложны; но самыя умозаключенія логически очевидно-истинны.

Умозаключенія косвенныя, истинныя логически и ложныя реально:

Человѣкъ—ангелъ; Сократъ человѣкъ; слѣдовательно, Сократъ ангелъ.

Человѣкъ смертенъ; существо есть человѣкъ; слѣдовательно, существо смертно.

Оба умозаключенія логически очевидно-истинны. Въ

предложеніяхъ человѣкъ ангелъ и Сократъ человѣкъ, указана подчиненность понятія человѣка понятію ангела, и понятія Сократа понятію человѣка: Сократъ, принадлежа къ людямъ, вмѣстѣ съ ними, принадлежитъ къ ангеламъ. Таково и есть заключеніе перваго умозаключенія—въ предложеніи: слѣд. Сократъ—ангелъ.—Тоже прилагается и ко второму умозаключенію —А между тѣмъ оба умозаключенія реально ложны.

Наоборотъ, можно наблюдать тысячи примѣровъ умозаключеній логически ложныхъ и реально вѣрныхъ, какъ въ ежедневныхъ разговорахъ, такъ и въ литературѣ. Въ образцы представляемъ слѣдующіе

Люди ангелы; Сократъ человѣкъ; слѣд. Сократъ не ангелъ.

Люди не ошибаются; философы люди, слѣд. философы ошибаются.

273. Послѣдняя разница въ характерѣ логической очевидности предложеній и умозаключеній можетъ содѣйствовать къ рѣшенію вопроса о томъ, откуда же вытекаетъ очевидность логически-очевидныхъ умозаключеній.

Ясно, что она беретъ свое начало также изъ *повѣрки*, и притомъ ограниченной *соотносительностью* понятій, или не выходящей изъ ея предѣловъ. Но между тѣмъ, какъ логическая повѣрка самоочевидныхъ предложеній есть повѣрка *данныхъ* отношеній между понятіями, посредствомъ *извѣстныхъ* соотношеній между ними,—повѣрка логически-очевидныхъ умозаключеній есть повѣрка соотношеніями, *вытекающими* изъ отношеній между понятіями, *данныхъ* въ одномъ или нѣсколькихъ предложені-

яхъ Слѣдовательно, повѣрка логически-очевидныхъ умозаключеній есть воспроизведеніе процесса самыхъ умозаключеній, насколько послѣднія выражаютъ соотносительность понятій, на основаніи ихъ отношеній въ данныхъ предложеніяхъ.

Такимъ образомъ, ясно, что повѣрка, сообщающая предложеніямъ и умозаключеніямъ логическую очевидность, не выходитъ изъ круга соотносительности данныхъ въ нихъ понятій, и заключается въ соотносительныхъ съ предложеніями и умозаключеніями умственныхъ дѣйствіяхъ, то дополняющихъ выраженіе соотносительности понятій,—какъ въ повѣркѣ предложеній,—то воспроизводящихъ выводъ соотношенія понятій изъ ихъ данныхъ отношеній,—какъ въ повѣркѣ умозаключеній.—

Природа реальной очевидности.

274. Реальная очевидность утвержденій и отрицаній есть очевидность *отношеній* выходящихъ *изъ предѣловъ соотносительности понятій*. Реально-очевидныя утвержденія и отрицанія наблюдаются—какъ въ отдѣльныхъ *предложеніяхъ*, такъ и въ *умозаключеніяхъ*.

Реальная очевидность *предложеній* встрѣчается, во-первыхъ, въ классѣ предложеній обладающихъ *логическою* очевидностью, и во-вторыхъ, въ классѣ предложеній *не обладающихъ* послѣднею.

Логически-очевидныя предложенія обладаютъ и реальною очевидностью, насколько утверждаемое или отрицаемое въ нихъ отношеніе *понятій* совпадаетъ съ *извѣстными* отношеніями *вещей* или *явленій*. Такъ какъ это

совпаденіе имѣетъ свои границы, то и реальная очевидность логически-очевидныхъ предложеній также *ограниченна*.

Такимъ образомъ, предложеніе *цѣлое больше части*, *логически* вполнѣ очевидно, какъ и соотносительное предложеніе. *часть меньше цѣлаго*. Но оба эти предложенія не имѣютъ такой *реальной* очевидности, или получаютъ ее только при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, а именно, подъ условіемъ, чтобы соотносительныя понятія *цѣлаго* и *части* прилагались къ *тому же* предмету. Потому что, въ дѣйствительности, есть иныя цѣлыя меньше иныхъ частей,—напр. цѣлыя небесныя тѣла меньше такъ-называемыхъ небесныхъ полушарій. Чтобы сообщить реальную очевидность логически-очевиднымъ предложеніямъ *цѣлое больше части*, и *часть меньше цѣлаго*, математики выработали такую аксіому. цѣлое больше *своей* части; или, цѣлое больше каждой изъ *своихъ* частей. Соотносительная аксіома будетъ. часть меньше *своего* цѣлаго.

Другой примѣръ. *Причина впереди дѣйствія*. предложеніе—логически вполнѣ очевидное. Но реальную очевидность оно получаетъ только при извѣстномъ ограниченіи, выражаемомъ въ предложеніи, что *причина можетъ сосуществовать съ своимъ дѣйствіемъ*. Потому что, въ дѣйствительности, причиною можетъ быть цѣлый *рядъ вліяній*, а дѣйствіемъ — цѣлый *рядъ послѣдствій*, и оба ряда могутъ быть, въ извѣстныхъ предѣлахъ, современны другъ другу.

Третій примѣръ. Предложеніе. $4=2+2$, логически вполнѣ очевидно, реально же опять въ извѣстныхъ границахъ,—а именно, подъ условіемъ, чтобы оба числа означали количества того же наименованія, составленныя изъ единицъ вполнѣ равныхъ, — напр., чтобы числа 4 и $2+2$ означали одинаково *фунты*, *пуды*; и т. д.

Изъ этого видно, что *логическая* очевидность предложеній не есть ихъ *реальная* очевидность; что послѣдняя сообщается имъ нѣкоторыми дополнительными умственными дѣйствіями, *повѣряющими* логически-очевидныя отношенія понятій — на извѣстныхъ отношеніяхъ вещей или явленій. Такая повѣрка заключается въ обращеніи отъ общихъ понятій *цѣлаго, части, причины, дѣйствія, четырехъ, двухъ и двухъ* и т. д., къ понятіямъ менѣе общимъ, и къ содержащимся въ нихъ отдѣльнымъ идеямъ,— и въ воспроизведеніи того умственнаго пути, который привелъ къ тѣмъ общимъ понятіямъ, установилъ ихъ соотносительность, и составляетъ реальное оправданіе логически-очевидныхъ предложеній. Такимъ образомъ, реальная очевидность логически-очевидныхъ предложеній сообщается имъ повѣркою, состоящею въ умственныхъ дѣйствіяхъ *соотносительныхъ* съ ними,—т. е. приводящихъ къ тѣмъ же предложеніямъ, съ напоминаніемъ ихъ *опредѣленнаго реальнаго* смысла.

275. Предложенія, не обладающія логическою очевидностью, обладаютъ *непосредственною реальною*, насколько утверждаемыя или отрицаемыя въ нихъ отношенія вещей или явленій, совпадаютъ съ *наблюденіями* этихъ отношеній. Утвержденія и отрицанія содержащіяся въ такихъ предложеніяхъ составляютъ, для другихъ, *предсказанія* извѣстныхъ реальныхъ отношеній, оправдываемыя ихъ собственными наблюденіями.

Совпаденіе утвержденій и отрицаній съ наблюденіями, или *оправданіе* первыхъ послѣдними, обозначаютъ факты ихъ *соотносительности*. Утвержденія и отрицанія реальныхъ отношеній въ данныхъ предложеніяхъ очевидноистинны, когда новыя наблюденія этихъ отношеній выра-

жаются въ тѣхъ же самыхъ предложеніяхъ. Соотносительность, именно, *тожество* чужихъ утвержденій и отрицаній—съ позднѣйшими собственными наблюдателя, и его собственныхъ предыдущихъ — съ послѣдующими, и есть истинная причина непосредственной реальной очевидности чужихъ и собственныхъ предложеній, не обладающихъ логическою очевидностью

276. Перейдемъ къ реальной очевидности *умозаключеній*.—*Реальная* очевидность сообщается умозаключеніямъ,—какъ и предложеніямъ,—путемъ повѣрки. Такая повѣрка бываетъ неодинакова,—смотря потому, обладаютъ ли умозаключенія *логическою* очевидностью, или не обладаютъ послѣднею. Умозаключенія логически-очевидныя становятся *реально-очевидны*, какъ скоро реальною очевидностью обладаютъ ихъ *посылки*, т. е. предложенія, дающія основанія къ *заключеніямъ*. Причина этого понятна. Логически-очевидныя умозаключенія, въ своихъ заключительныхъ предложеніяхъ утверждаютъ или отрицаютъ соотносительность понятій, на основаніи отношеній послѣднихъ въ ихъ посылкахъ. Поэтому, если посылки содержатъ сочетанія понятій, представляющія отношенія вещей или явленій. то и соотносительныя съ посылками заключенія должны представлять тѣже реальныя отношенія.

Представимъ примѣры *прямыхъ* умозаключеній, которыя, при *логической* очевидности, обладаютъ и *реальною*.

По народонаселенію, городъ Полоцкъ приблизительно равняется городу Вяткѣ. Слѣд., народонаселеніе Вятки приблизительно равняется народонаселенію Полоцка.

Москва лежитъ на югъ отъ Петербурга. Слѣд., Петербургъ лежитъ на сѣверъ отъ Москвы.

Кремль средняя часть Москвы. Слѣдов . Москва состоитъ не изъ одного кремля.

Земля обращается вокругъ солнца, слѣд.. не солнце—вокругъ земли

Земля имѣетъ форму *эллипсоида*, слѣд .—не *шара*.

Всѣ эти умозаключенія логически очевидны, и обладаютъ притомъ реальною очевидностью. Послѣдняя зависитъ единственно отъ такой же очевидности ихъ посылокъ. Для кого очевидна реальность предложеній по народонаселенію Полоцкъ равняется Вяткѣ; Москва—на югѣ отъ Петербурга, Земля обращается вокругъ солнца; и т. д.,—для того обладаютъ тою же реальною очевидностью и заключенія изъ этихъ предложеній.

Обратимся теперь къ умозаключеніямъ *косвеннымъ*. обладающимъ, при очевидности логической, и реальною. Сюда относятся, во-первыхъ, умозаключенія *сходства*, приблизительнаго, и полнаго—въ формѣ *тожества и равенства*. Примѣры

Въ Генварѣ столько дней, сколько въ Мартѣ; въ Мартѣ, сколько въ Маѣ; въ Маѣ, сколько въ Іюлѣ. Но въ Іюлѣ—тридцать одинъ день. слѣд. и въ Генварѣ тридцать одинъ

Франкъ равняется приблизительно русскому четвертаку, а четвертакъ—двадцати пяти копейкамъ; слѣдов , франкъ равняется приблизительно двадцати пяти копейкамъ.

Къ косвеннымъ умозаключеніямъ того же характера могутъ принадлежать, во-вторыхъ, разнообразныя умозаключенія *логической соотносительности*. Примѣры.

Екатерина II вступила на престолъ въ 1762 г. скончалась въ 1796; слѣд., царствовала тридцать четыре года.

Платонъ, греческій философъ, былъ сыномъ Периктіоны, Периктіона была дочерью Главкона; Главконъ сыномъ Критіаса, Критіасъ происходилъ отъ Дропида; а Дропидъ былъ родственникомъ Солона. Слѣдовательно, Платонъ, по матери, происходилъ изъ рода Солона.

Рѣка Гангъ течетъ въ Индіи; а Индія находится въ Азіи. Слѣд , Гангъ—рѣка азіатская.

Такъ-называемое «мѣстничество» въ Россіи, отмѣненное при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, было одною изъ причинъ слабости военныхъ успѣховъ Россіи Мѣстничество мѣшало назначенію людей на высшія должности, по ихъ личнымъ достоинствамъ. Отсюда—неспособные полководцы, и военныя пораженія.

Наконецъ, въ-третьихъ, къ косвеннымъ умозаключеніямъ указаннаго характера могутъ принадлежать *умозаключенія подчиненности*. Примѣры

Всѣ люди смертны:
Сократъ человѣкъ;
Слѣд. Сократъ смертенъ.

Всѣ тѣла дѣлимы,
Газы тѣла;
Слѣд. газы дѣлимы.

Обращаясь къ приведеннымъ нами примѣрамъ, найдемъ, что всѣ эти умозаключенія логически очевидны; при этомъ, всѣ они очевидны и реально, насколько очевидна реальность ихъ посылокъ. При реальной очевидности посылокъ, что люди смертны, и Сократъ человѣкъ,

заключеніе· Сократъ смертенъ, не нуждается въ дополнительной повѣркѣ.—При реальной очевидности времени вступленія на престолъ Екатерины II, и года ея смерти, число лѣтъ ея царствованія очевидно безъ всякой новой повѣрки. Тоже и съ другими заключеніями.—Такимъ образомъ, реальная очевидность посылокъ логически-очевидныхъ умозаключеній сообщаетъ реальную очевидность и самымъ ихъ заключительнымъ предложеніямъ, безъ всякой дополнительной повѣрки послѣднихъ.

Такъ какъ посылки состоятъ изъ предложеній, то вопросъ о реальной очевидности логически-очевидныхъ умозаключеній сводится, въ концѣ, къ вопросу о реальной очевидности предложеній. Если предложенія обладаютъ очевидностью независимо отъ другихъ предложеній, или непосредственно, то они принадлежатъ къ тѣмъ двумъ классамъ предложеній, повѣрка которыхъ разсмотрѣна выше. Если же они получили очевидность изъ другихъ предложеній, то вопросъ объ ихъ повѣркѣ сводится къ общему вопросу о реальной очевидности умозаключеній.

277. Обратимся къ умозаключеніямъ не имѣющимъ логической очевидности. Откуда они почерпаютъ свою реальную очевидность?—Умозаключенія такого рода получаютъ свою очевидность отъ повѣрки ихъ *заключеній*. Это мы можемъ видѣть на двухъ порядкахъ научныхъ умозаключеній· во-первыхъ, на такъ-называемыхъ *наведеніяхъ;* и во-вторыхъ, на такъ-называемыхъ *реальныхъ дедукціяхъ*, т. е. объясненіяхъ, изъ общихъ началъ, *явленій, свойствъ* и *законовъ* вещей.

Наведенія получающія очевидность называются *научными,* или *строгими*, въ отличіе отъ другихъ, популярныхъ, или гипотетическихъ. Наведенія достигающія реальной очевидности имѣютъ своимъ предметомъ *причинную связь* вещей или явленій. Безчисленные факты такой связи подлежатъ наблюденію, и запечатлѣлись въ народномъ языкѣ и народныхъ пословицахъ и правилахъ. Слово *ударъ* означаетъ, въ приложеніи къ тѣламъ, не только причину, именно движеніе ударяющаго тѣла, но и дѣйствіе ея,—*сотрясеніе* ударяемаго тѣла, и производимый имъ *звукъ*. Факты причинной связи подверглись *обобщеніямъ* помимо всякихъ умозаключеній, или вслѣдствіе простого *отвлеченія*, напр., въ такихъ предложеніяхъ *ударъ можетъ разбить; красота женщинъ привлекаетъ мужчинъ; упражненіе образуетъ навыки; мягкій отвѣтъ укрощаетъ гнѣвъ;* и т. д. Но рядомъ съ этими отвлеченіями стоятъ популярныя *наведенія*, т. е. умозаключенія относительно причинной связи, на основаніи нѣкоторыхъ вѣрныхъ фактовъ.—*Научныя* наведенія направляются, прежде всего, къ обработкѣ этого популярнаго матеріала, именно, къ повѣркѣ популярныхъ наведеній, и къ болѣе широкимъ и тонкимъ обобщеніямъ грубыхъ и узкихъ популярныхъ обобщеній. Второе стремленіе научныхъ наведеній — открыть неизвѣстныя популярному смыслу причины извѣстныхъ явленій, и неизвѣстныя дѣйствія извѣстныхъ причинъ.—Популярныя наведенія, какъ мы сказали, опираются на вѣрные факты, или основанія реальныя; но имъ не достаетъ логической строгости, или очевидности, умозаключеній. они часто слѣдуютъ формуламъ. Cum hoc, ergo propter hoc; и Post hoc, ergo propter hoc. Широкія обобщенія популярныхъ

обобщеній дѣлаются сначала предположительно; съ такихъ же гипотезъ начинаютъ индуктивное изслѣдованіе неизвѣстныхъ причинъ и дѣйствій. Популярныя обобщенія, и факты дающіе поводъ къ гипотезамъ научнаго рода, бываютъ обыкновенно несомнѣнны, но выводы изъ нихъ, или гипотетическія наведенія, къ которымъ они даютъ поводъ, не имѣютъ опять логической очевидности.

Спрашивается что же сообщаетъ, наконецъ, реальную очевидность популярнымъ, и гипотетическимъ, наведеніямъ?—Повѣрка тѣхъ и другихъ;—повѣрка ихъ *заключеній*, устанавливающая ихъ *логическую очевидность*. Повѣрка эта достигается съ помощью такъ-называемыхъ экспериментальныхъ методовъ, которые дозволяютъ отвергнуть популярное, или сдѣланное гипотетически наведеніе, какъ очевидно-ложное, или принять послѣднее, какъ очевидно-истинное. Наведеніе очевидно-истинно, когда научное сравненіе фактовъ приводитъ къ тому самому предложенію, или обобщенію, къ которому привело популярное, или поверхностное, сравненіе ихъ.—Такимъ образомъ, реальная очевидность индуктивныхъ умозаключеній не имѣющихъ очевидности логической, сообщается имъ повѣркою, которая состоитъ въ умственныхъ дѣйствіяхъ, соотносительныхъ съ ихъ популярными, или гипотетическими, антецедентами, и которая сообщаетъ послѣднимъ очевидность логическую.

278. Реальныя дедукціи, или объясненія изъ общихъ началъ—явленій, свойствъ и законовъ вещей, представляютъ другой порядокъ умозаключеній, не обладающихъ логическою очевидностью до повѣрки ихъ заключеній, и достигающихъ реальной очевидности только вмѣстѣ съ этою повѣркою, или съ очевидностью логическою.

Дедукціи явленій, свойствъ и законовъ изъ общихъ предложеній, не представляютъ, сами по себѣ, логической очевидности, вслѣдствіе того обстоятельства, что никогда нельзя поручиться за правильность анализа явленій, свойствъ и законовъ, или разложенія ихъ на простѣйшіе элементы, подлежащіе объясненію. При такомъ недостаткѣ анализа, логическая правильность вывода каждаго элемента порознь, не ручается за вѣрность заключенія, что выводомъ отдѣльныхъ элементовъ явленій, свойствъ или законовъ, достигается объясненіе самыхъ явленій, свойствъ или законовъ, взятыхъ въ ихъ цѣлости. Такимъ образомъ, и въ реальныхъ дедукціяхъ, реальная очевидность посылокъ или основаній, не сообщаетъ реальной очевидности заключеніямъ, по недостатку ихъ логической очевидности. Реальныя дедукціи, до повѣрки ихъ заключеній, независимой отъ ихъ посылокъ, имѣютъ видъ *гипотетическій*, или *популярный*; строгую научность, полную очевидность они получаютъ только послѣ повѣрки ихъ заключеній какими нибудь спеціальными выводами изъ послѣднихъ, имѣющими характеръ *предсказаній*, доступныхъ оправданію, и оправдываемыхъ — *наблюденіями* или *экспериментами*. Всѣ другіе способы повѣрки реальныхъ дедукцій не въ состояніи сообщить имъ полной реальной очевидности; потому что не могутъ поручиться за логическую очевидность ихъ заключеній, выступающую съ такою полнотою при оправданіи фактами извлеченныхъ изъ нихъ предсказаній. Такое оправданіе сообщаетъ непосредственную реальную очевидность предложеніямъ предсказанія, и косвенную тѣмъ заключеніямъ, изъ которыхъ они были получены.— Такимъ образомъ, реальная очевидность дедукцій, не имѣющихъ логической очевидности, достигается съ помощью

повѣрки ихъ заключеній; а заключенія такихъ дедукцій повѣряются наблюденіями и опытами, приводящими косвенно къ тѣмъ же заключеніямъ,—т. е. умственными дѣйствіями соотносительными съ самыми дедукціями.

279. Прежде чѣмъ оставить область очевидности, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно *необходимости* нѣкоторыхъ предложеній, и о *немыслимости* другихъ.—Не трудно убѣдиться въ томъ, что необходимость и немыслимость, насколько онѣ составляютъ необходимость *для всѣхъ*, и немыслимость *для всѣхъ*, совпадаютъ съ предѣлами *очевидности*; при этомъ, необходимость означаетъ *положительную* очевидность, и немыслимость *отрицательную*. Иначе сказать, необходимость предложеній означаетъ ихъ *очевидную истинность;* немыслимость предложеній означаетъ ихъ очевидную *ложность*.

Бытіе есть бытіе:—предложеніе очевидное и необходимое,—т. е. очевидно-истинное.

Бытіе есть небытіе: предложеніе очевидное и немыслимое.—т. е. очевидно-ложное.

Обыкновенно необходимость и немыслимость относятъ только къ *предложеніямъ*; но ясно, что онѣ прилагаются и къ умозаключеніямъ.

A=B; B=C; слѣдов. A=C. Умозаключеніе очевидное и необходимое, т. е. очевидно-истинное.

A=B; B=C; слѣд. A<C. Умозаключеніе очевидное и немыслимое,—т. е. очевидно-ложное.

Точно также, имѣютъ обыкновеніе область необходимости и немыслимости ограничивать сферою *очевидности*

логической, или *соотносительностью* понятій; но ясно, что онѣ переходятъ и въ область *реальной очевидности*.

Цѣлое больше своей части. предложеніе реально-очевидное и необходимое, т. е. очевидно истинное.

Часть больше своего цѣлаго предложеніе реально-очевидное и немыслимое, т. е. очевидно-ложное.

Красота женщинъ привлекаетъ мужчинъ предложеніе настолько необходимо, насколько реально-очевидно; его необходимость есть его очевидная истинность, съ точки зрѣнія фактовъ.

Тоже самое прилагается и къ реально-очевиднымъ умозаключеніямъ.

Земля имѣетъ форму эллипсиса; слѣд.—не шаръ умозаключеніе реально-очевидное и необходимое, т. е. очевидно-истинное —

Общія предложенія получаемыя путемъ строго-научныхъ наведеній, вмѣстѣ съ реальною очевидностью пріобрѣтаютъ необходимость самыхъ аксіомъ причинной связи.—Необходимость заключеній реально-очевидныхъ дедукцій доказывается неизбѣжною встрѣчею фактовъ, оправдывающихъ сдѣланныя изъ нихъ предсказанія.—При реальной очевидности наведеній и дедукцій, всякое предложеніе, противорѣчащее ихъ истинамъ, будетъ немыслимымъ, т. е. очевидно-ложнымъ.

280. Этотъ очеркъ природы немыслимости, общей для всѣхъ людей, позволяетъ указать и на природу *мыслимости*. — Немыслимость есть очевидная ложность утвержденій и отрицаній: это значитъ, что *соотносительность* понятій и умственныхъ дѣйствій человѣка состав-

ляетъ неопреодолимое *препятствіе* для нѣкоторыхъ утвержденій и отрицаній.—Этимъ опредѣляется и *мыслимость*. *Мыслимы* тѣ утвержденія и отрицанія, для которыхъ соотносительность понятій и умственныхъ операцій не представляетъ препятствій, по крайней мѣрѣ, непреодолимыхъ.

Такимъ образомъ, мыслимость можетъ быть раздѣлена на *логическую* и *реальную*. *Логическая* мыслимость означаетъ отсутствіе препятствій, для утвержденій и отрицаній, въ общихъ людямъ *понятіяхъ*. Логически-мыслимо, что «раньше всѣхъ событій міра, существовали нѣкоторыя причины, или нѣкоторая причина, ихъ»; потому что это не расходится съ понятіемъ о причинѣ,—какъ можно усмотрѣть изъ очевиднаго предложенія, что *причина впереди дѣйствія*. — Логически-мыслимо, что «безконечная субстанція обладаетъ безконечнымъ множествомъ безконечныхъ аттрибутовъ»; потому что это не противорѣчитъ понятію о существѣ, или очевидному предложенію, что *существо обладаетъ свойствами*. — Логически-мыслимо, что міровыя идеи (Платона) суть бытія *родовыя*, а не единичныя; потому что это не расходится съ природою идей, — какъ это мы видимъ на общихъ *понятіяхъ* человѣка.— Логически-мыслима безконечная дѣлимость пространства; потому что это не противорѣчитъ понятію о пространствѣ какъ дѣлимомъ.—Подобно логической мыслимости отдѣльныхъ предложеній, есть также логическая мыслимость *умозаключеній*. Существованіе *чудесъ* логически-мыслимо, какъ скоро мы выходимъ изъ посылокъ, что Божество есть Законодатель природы, могущій и отмѣнять ея законы,— а чудеса суть нѣкоторыя уклоненія отъ этихъ законовъ.

Реальная мыслимость означаетъ отсутствіе препятствій, для утвержденій и отрицаній, въ соотносительности *умственныхъ операцій*, устанавливающихъ ихъ реальную очевидность. Такимъ образомъ, реально-мыслимо, что «душа человѣка безсмертна»; потому что это не противорѣчитъ наблюденіямъ надъ разрушеніемъ его *тѣла*.—Реально-мыслимо, что добродѣтель награждается въ другой жизни; потому что это согласно съ фактами вознагражденія добрыхъ дѣлъ въ этой жизни.—Реально-мыслимо, что нѣкоторыя планеты населены живыми существами, потому что это не противорѣчитъ нашимъ свѣдѣніямъ о землѣ.—Реально-мыслимо искуственное образованіе бриллантовъ: потому что бриллианты — минераллы, а минераллы, даже очень похожіе на бриллианты, удавалось приготовлять искуственнымъ образомъ.—Вообще реально-мыслимо то, что не противорѣчитъ реально-очевиднымъ утвержденіямъ и отрицаніямъ, какъ въ предложеніяхъ, такъ и въ умозаключеніяхъ.

Природа вѣроятности.

281. Какъ мыслимость опредѣляется немыслимостью, или очевидною ложностью утвержденій и отрицаній, такъ точно *вѣроятность* опредѣляется ихъ *необходимостью*, или *очевидною истинностью*. Вѣроятность есть *неочевидность* истинности утвержденій и отрицаній; иначе сказать, вѣроятны — опять для всѣхъ — тѣ утвержденія и отрицанія, которыя, представляя нѣкоторыя черты истинности, лишены ея очевидности.

Такимъ образомъ, отдѣльныя предложенія, не имѣющія логической очевидности, *вѣроятны*, когда содержа-

щіяся въ нихъ утвержденія и отрицанія, не получая очевидности, по недостатку наблюденій, или равносильныхъ имъ свидѣтельствъ, тѣмъ не менѣе, носятъ нѣкоторые признаки истинности, по своему совпаденію съ обстоятельствами извѣстными, или дознанными.

Точно также, умозаключенія логически-очевидныя, но лишенныя реальной очевидности въ одной изъ своихъ посылокъ, остаются съ характеромъ вѣроятности.

Наведенія и такъ-называемыя реальныя дедукціи, не имѣющія логической очевидности, до повѣрки ихъ заключеній, но реально-очевидныя въ своихъ посылкахъ или основаніяхъ, имѣютъ характеръ вѣроятности.

Такимъ образомъ *вѣроятность* не то что *мыслимость*. Мыслимо и то что не очевидно-ложно вѣроятно то что не очевидно-истинно. Доказать мыслимость, поэтому, не значитъ доказать вѣроятность.

Въ заключеніе нашихъ изслѣдованій, въ этой части нашего сочиненія, коснемся кратко соотносительности остальныхъ классовъ психическихъ фактовъ, — а именно: — во-первыхъ, отношеній *потенціальныхъ* и *актуальныхъ;* и во-вторыхъ, отношеній *прямыхъ* и *возвратныхъ*.

282. Соотносительность фактовъ потенціальныхъ и актуальныхъ психическихъ отношеній человѣка.

Соотносительность психическихъ потенцій и психическихъ актовъ существованія человѣка наблюдается въ

зависимости *потенцій* отъ *актовъ*, и въ обратной зависимости *актовъ* отъ *потенцій*.

Зависимость потенцій отъ актовъ можно наблюдать во-первыхъ, въ образованіи такъ-называемыхъ нами *психическихъ готовностей*; и во-вторыхъ, въ образованіи *вторичныхъ* психическихъ *способностей*.

Психическія готовности, страдательныя,—какъ *терпѣнье*,—и дѣятельныя,—какъ *любовь*, *ненависть*, *аппетитъ*, *хотѣнье*, и т. д., образуются изъ фактовъ текущихъ чувствъ и идей и изъ фактовъ дѣйствій человѣка, реактивныхъ и активныхъ,—всегда вслѣдствіе какихъ нибудь отрицательныхъ условій, встрѣченныхъ *развитіемъ* чувствъ и дѣйствій, и оставляющихъ послѣднія въ состояніи скрытномъ или однѣми готовностями къ чувствамъ и дѣйствіямъ.—Но столь же очевидна и обратная зависимость чувствъ и дѣйствій, отъ образовавшихся изъ нихъ психическихъ готовностей. Стѣсняемыя чувства прорываются, позднѣе, въ аффектахъ, или сильныхъ взрывахъ волненій. — Готовности къ дѣйствіямъ, — образовавшіяся *влеченья*, *желанья*, *хотѣнья*, переходя въ *рѣшимость*, ведутъ къ самымъ дѣйствіямъ.

Ко *вторичнымъ способностямъ* человѣка, образующимся изъ *актовъ* его психическихъ отношеній, принадлежатъ всѣ его умственные и реальные *навыки*,—всѣ пріобрѣтаемыя имъ *понятія*, *знанья*, *умѣнья*, *свойства*, *таланты*.—Наоборотъ, его *умственная дѣятельность* обусловливается его *понятіями* и *знаніями*; его *практическая* дѣятельность — практическими *свойствами*, *умѣньями*; его *творчество* — *талантами*.

283. Соотносительность фактовъ прямыхъ и возвратныхъ психическихъ отношеній.

Возвратныя отношенія, или отношенія къ себѣ, наступаютъ позднѣе *прямыхъ*,—въ исторіи психическаго развитія человѣка,—и образуются изъ послѣднихъ: *самосознаніе* позднѣе *сознанія другихъ*; *возвратная самодѣятельность* позднѣе *дѣятельныхъ отношеній къ другимъ*. Это доказываетъ полную зависимость отношеній возвратныхъ отъ прямыхъ.—Между тѣмъ, стоитъ только напомнить нѣкоторыя формы возвратныхъ отношеній, чтобы доказать обратную зависимость прямыхъ отношеній отъ возвратныхъ. Такимъ образомъ, *чувства* и *идеи* собственной дѣятельности, обладая качествомъ пріятности и непріятности, становятся мотивами послѣднихъ.—*Наблюденія* надъ своими дѣйствіями, вызывая разнообразныя впечатлѣнія пріятнаго или непріятнаго качества, становятся, косвенно, контролемъ надъ ними.—Слѣдуетъ также поставить на видъ могущественныя вліянія такихъ возвратныхъ формъ, какъ *самолюбіе*, *самоодобреніе*, *совѣсть*; и т. д.

ПСИХИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИВНОСТЬ.

ПСИХИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИВНОСТЬ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

284. Явленіями *психической рефлексіи* мы называемъ ту *взаимную зависимость* психическихъ фактовъ, при которой одни изъ нихъ оказываются, по самой *сущности* своей, нѣкоторымъ *отраженіемъ* другихъ

Такимъ образомъ, напр., *ощущенія* человѣка, зрительныя — цвѣтовъ, и слуховыя — тоновъ, получаютъ свое отраженіе въ его *идеяхъ* цвѣтовъ и тоновъ, или въ *идеяхъ* зрительныхъ и слуховыхъ *ощущеній* и это отраженіе однихъ психическихъ фактовъ въ другихъ,—ощущеній въ идеяхъ, составляетъ самую *сущность* послѣднихъ; идеи зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній, переставая быть ихъ отраженіемъ, перестали бы быть *идеями*.—Наоборотъ, *идеи* человѣка отражаются, напр., въ его *изящныхъ произведеніяхъ*,—ваянія, живописи, и т. д. Отраженіе идей въ изящныхъ произведеніяхъ входитъ опять въ самую сущность послѣднихъ: потому что, переставая быть такимъ отраженіемъ, — напр., съ превращеніемъ статуи въ полированную глыбу мрамора, — они теряютъ свое высшее изящество.

Явленія психической рефлексіи указываютъ на новое

свойство психическихъ фактовъ,—именно на ихъ *способность къ рефлексіи*, — способность *отражать* и *отражаться*, — какъ дополнительную черту ихъ взаимной зависимости. Эту способность двоякой рефлексіи, свойственную всѣмъ психическимъ фактамъ, мы и называемъ *рефлексивностью* психическихъ фактовъ или, короче, *психическою рефлексивностью*.

Психическая рефлексивность, какъ опредѣленная *взаимная зависимость* психическихъ фактовъ, предполагаетъ оба свойства ихъ, разсмотрѣнныя въ двухъ предыдущихъ частяхъ этого сочиненія,—а именно: *психическую относительность*, въ смыслѣ *прямой* зависимости психическихъ фактовъ,—и *психическую соотносительность*, въ смыслѣ ихъ зависимости *обратной*. Предполагая оба эти свойства, психическая рефлексивность не сливается съ ними: потому что въ психической относительности и соотносительности разсматриваются собственно отношенія *тожества* психическихъ фактовъ, а въ психической рефлексивности—отношенія ихъ *сходства*.

Психическая рефлексивность, какъ *общее свойство* всѣхъ психическихъ фактовъ,—именно, какъ общая способность ихъ къ *двоякой рефлексіи*, обнаружится вполнѣ, какъ скоро мы раскроемъ во-первыхъ, рефлексію *психической дѣйствительности* въ *мышленіи;* и во-вторыхъ, обратную рефлексію *мышленія* въ *психической дѣйствительности*.

ГЛАВА I

РЕФЛЕКСІЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВЪ МЫШЛЕНІИ.

Умственная рефлексія *текущей* психической дѣйствительности. — Умственная рефлексія *прошлой* психической дѣйствительности. — Законы умственной рефлексіи. — *Историческое* направленіе мышленія. Единичныя идеи реальныхъ психическихъ фактовъ; умственная рефлексія ихъ связи. — Идеи индивидуальныхъ вещей; умственная рефлексія ихъ отношеній. — Умственная антиципація. — Нѣкоторые виды умственнаго перенесенія. — Нѣкоторыя погрѣшности мышленія. — Популярные термины историческаго мышленія

285. Всѣ *реальные* факты психическаго существованія человѣка *отражаются* въ его *мышленіи*. Отраженіе реальныхъ фактовъ въ мышленіи мы будемъ называть *мысленною* или *умственною рефлексіею* психической дѣйствительности.

По различію основныхъ видовъ психической дѣйствительности, умственная рефлексія послѣдней распадается на два главные отдѣла:—рефлексію *текущей*, — и рефлексію *прошлой*—психической дѣйствительности.—Разсмотримъ, по порядку, тотъ и другой отдѣлъ умственной рефлексіи.

УМСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСІЯ ТЕКУЩЕЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Преемство *реальныхъ* фактовъ, изъ которыхъ слагается *текущее* психическое существованіе человѣка, сопровождается своимъ преемствомъ *идей*, отражающихъ эти факты въ самыя минуты ихъ теченія,—подобно тому какъ *фонографъ* отражаетъ раздающіеся подлѣ него *звуки*, или какъ *механическіе показатели* отражаютъ текущія измѣненія *температуры*.—Такое отраженіе текущихъ реальныхъ фактовъ, въ сопровождающихъ ихъ идеяхъ, мы называемъ *умственною рефлексіею текущей* психической дѣйствительности. — Идеи составляющія эту умственную рефлексію человѣка, суть его *первичныя* идеи,—получаемыя въ присутствіи самой дѣйствительности;—а умственная рефлексія этого вида составляетъ *первоначальный* видъ его *мысленнаго*, или *умственнаго*, *самосознанія*.

286. Существованіе умственной рефлексіи текущей психической дѣйствительности доказывается, между прочимъ, слѣдующими фактами явленіями, о которыхъ было говорено въ предыдущей части (§§ 253—254), какъ сопровождающихъ внѣшнія наблюденія;—фактами усвоенія на-память, или *запоминанія;* — явленіями такъ-называемаго *цѣльнаго взгляда* на внѣшнія вещи;—и нѣкоторыми фактами другихъ умственныхъ операцій, какъ-то: *сравненія*, *воображенія;* и т. д.

Въ указанномъ мѣстѣ предыдущей части содержатся замѣчанія, что внѣшнія наблюденія видимыхъ *линій*, *фи-*

гуръ, *движеній*, а равно и *цвѣтовъ*, преобразуются въ акты занимающіе средину между внѣшними наблюденіями, и дѣйствіями воображенія; эти средніе акты заключаются въ сопровождающихъ внѣшнія наблюденія, *начертаніяхъ* линій, схемъ, движеній и т. д., — находимыхъ наблюдателемъ въ себѣ, по закрытіи глазъ, т. е., при перерывѣ, или въ концѣ, наблюденій. Въ этихъ начертаніяхъ мы не можемъ не признать нѣкоторыхъ *отраженій* текущихъ ощущеній. Правда, что эти отраженія, какъ они даны при указанныхъ нами условіяхъ, мы не имѣемъ права назвать *идеями*, или признать въ нихъ *умственную* рефлексію ощущеній; но съ другой стороны, не можемъ упустить изъ виду того, что тѣ же отраженія должны имѣть другой характеръ—при другихъ условіяхъ, т. е. до перерыва, или окончанія, внѣшнихъ наблюденій,—иначе, въ теченіи самыхъ зрительныхъ ощущеній. На этомъ основаніи, мы не можемъ утверждать, чтобъ эти отраженія не имѣли ничего общаго съ умственною рефлексіею послѣднихъ; въ этомъ разубѣждаютъ и факты *запоминанія*.

Явленія *усвоенія на-память*, или *запоминанія*, подлежатъ *повѣркѣ* въ самыя минуты ихъ теченія. Такимъ образомъ, разсматривая очертанія горъ на картѣ, мы можемъ, отвлекаясь отъ карты, воспроизводить замѣченныя очертанія въ *умѣ*, или въ *идеяхъ*,—и обращаясь снова къ картѣ, повѣрять свои успѣхи въ подробностяхъ и точности усвоенія разсматриваемаго очерка. Здѣсь мы имѣемъ *отраженія*, въ идеяхъ, именно *текущихъ* зрительныхъ ощущеній. Что въ данномъ случаѣ *запоминаніе* не есть *воспоминаніе*, иначе не состоитъ изъ идей впервые вызываемыхъ въ промежутки зрительныхъ наблюденій,—а есть умственное обращеніе къ идеямъ даннымъ раньше,

въ минуты самаго *теченія* зрительныхъ ощущеній,—это доказывается сравненіемъ—того что̀ въ фактахъ запоминанія является *идеями*, съ тѣмъ что̀ впереди названо *начертаніями*, сопутствующими зрительнымъ наблюденіямъ; послѣднія никакъ нельзя назвать *воспоминаніями*, а между тѣмъ родство ихъ съ первыми поразительно стоитъ только, прерывая дѣйствія запоминанія разсматриваемыхъ на картѣ очертаній горъ, закрыть глаза, или искусно навести ихъ на нѣкоторыя поверхности, чтобъ *идеи* запоминанія перевести въ простыя *начертанія*, *сопутствующія* зрительнымъ наблюденіямъ. А это ведетъ къ заключенію, что идеи *запоминанія* получаются раньше самыхъ явленій запоминанія, т. е., даются идущею впереди умственною рефлексіею текущихъ зрительныхъ ощущеній. — Но процессы запоминанія, и ихъ повѣрка, не ограничиваются одними зрительными наблюденіями; тоже прилагается къ наблюденіямъ и въ кругѣ ощущеній *осязательныхъ*, *мускульно-осязательныхъ*, *мускульныхъ*, *слуховыхъ*, и т. д., а это доказываетъ существованіе умственной рефлексіи для всѣхъ *текущихъ ощущеній*.

287. Къ тому же заключенію ведутъ факты пріобрѣтенія *цѣльнаго взгляда* на сложныя картины, послѣ предварительнаго осмотра ихъ частностей. Сфера отчетливаго наблюденія представляющейся картины природы или искуства не велика; но осмотромъ подробностей пріобрѣтается наконецъ способность къ цѣльному взгляду на нее, и притомъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Этими точками зрѣнія обыкновенно и ограничивается собственное поле наблюденія; остальное содержаніе цѣльнаго взгляда состоитъ изъ *идей* данной въ зрительныхъ на-

блюденіяхъ дѣйствительности,—идей, поддерживаемыхъ въ своемъ порядкѣ — порядкомъ послѣдней, или не прерывающеюся отъ нея зависимостью.

Существованіе умственной рефлексіи всей текущей психической дѣйствительности, всего нагляднѣе выступаетъ въ такихъ умственныхъ операціяхъ, какъ *сравненіе*, *отожествленіе*, *различеніе*, *воображеніе* Свойства умственныхъ операцій этого рода легче опредѣляются, когда составляющія ихъ идеи относятся къ *прошлымъ* опытамъ; но этимъ не исчерпывается содержаніе такихъ операцій въ составъ актовъ *сравненія*, *отожествленія*, *различенія*, *воображенія* могутъ входить идеи и *текущихъ* реальныхъ фактовъ психическаго существованія Когда мы сравниваемъ вѣсъ двухъ гирекъ, держа ихъ въ двухъ рукахъ, сравненіе требуетъ *идей вѣса* обѣихъ гирекъ, получаемыхъ въ самый моментъ этого акта; только совпаденіе или несовпаденіе вѣса обѣихъ гирекъ въ *идеяхъ*, *мысли*, *умѣ*, — ведетъ къ его *отожествленію*, иначе уравненію одного другому, — или къ *различенію* одного отъ другого, какъ большаго отъ меньшаго.—Такъ какъ умственная операція сравненія исполняется по поводу реальныхъ психическихъ опытовъ всякаго рода,—т. е., прилагается не только къ текущимъ *ощущеніямъ*, но и къ текущимъ *волненіямъ*, *желаніямъ*, *дѣйствіямъ* и *производительности:* то это доказываетъ наглядно, что нѣтъ круга такихъ реальныхъ психическихъ фактовъ, которые не имѣли бы своего отраженія въ идеяхъ, въ самыя минуты своего теченія.—Къ тому же заключенію приводитъ анализъ дѣйствій *воображенія*. Замѣчено, что работа воображенія, возстановляющая событія отдаленнаго времени бы-

ваетъ живѣе—на мѣстахъ этихъ событій, и въ присутствіи ихъ историческихъ памятниковъ; такъ какъ идеи свѣжихъ или текущихъ впечатлѣній входятъ въ составъ самыхъ историческихъ представленій.

Такимъ образомъ, ясно, что текущее *самосознаніе* человѣка, въ своей идеальной или мысленной долѣ, состоитъ, прежде всего, изъ умственной рефлексіи *текущихъ* реальныхъ фактовъ его психическаго существованія.

Законы *возникновенія* идей, въ присутствіи отражаемыхъ ими реальныхъ психическихъ фактовъ, неизвѣстны наукѣ о духѣ, но *продолженіе* присутствія возникшихъ такимъ образомъ идей, въ присутствіи вызвавшихъ ихъ фактовъ, управляется въ нѣкоторой степени тѣми же законами, какъ и *рефлексія прошлой психической дѣйствительности*,—къ разсмотрѣнію которой мы теперь переходимъ.

УМСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСІЯ ПРОШЛОЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

288. *Прошлые* реальные факты психическаго существованія человѣка *отражаются* въ его *мышленіи*, подобно текущимъ. Мышленіе человѣка, какъ рефлексія его прошлой психической дѣйствительности, имѣетъ *три* основныя и непроизвольныя *направленія: историческое, логическое и трансцендентное.*

Историческимъ направленіемъ мышленія мы называемъ, наблюдаемое въ немъ, стремленіе къ рефлексіи прошлой психической дѣйствительности—во всей ея *индивидуальности; логическимъ* —идущее рядомъ съ нимъ,

стремленіе къ рефлексіи той же дѣйствительности—во всей ея *общности*. Наконецъ, *трансцендентнымъ* направленіемъ человѣческаго мышленія мы называемъ, наблюдаемое въ немъ же, и современное обоимъ предыдущимъ, стремленіе *прошлой*, слѣдовательно *феноменальной*, психической дѣйствительности—къ рефлексіи въ идеяхъ дѣйствительности *нефеноменальной*,—т. е. нефеноменальнаго *существа* вещей, и ихъ нефеноменальныхъ *отношеній*.

Всѣ *законы*, управляющіе мышленіемъ человѣка, какъ непроизвольною рефлексіею его прошлой психической дѣйствительности, могутъ быть сведены къ *двумъ* основнымъ, извѣстнымъ подъ общимъ именемъ *законовъ ассоціаціи*, и подъ спеціальными названіями *закона смежности*, и *закона сходства*.

289. *Закономъ смежности* мы называемъ стремленіе мышленія къ рефлексіи прошлой психической дѣйствительности—въ порядкѣ ея *непосредственнаго преемства* и *сосуществованія*.—Психическіе опыты, пережитые вмѣстѣ, или преемственно одинъ за другимъ, стремятся и въ мышленіи выступать вмѣстѣ, или въ той же послѣдовательности,—хотя бы между ними не было ничего *общаго*, или *сходнаго*. Пока существуютъ препятствія, такое стремленіе остается въ формѣ *пассивной* психической *готовности*, или *пассивнаго умственнаго напряженія* (§ 18); но это напряженіе переходитъ въ соотвѣтственныя явленія мышленія, тотчасъ какъ устраняются встрѣченныя препятствія.

Закономъ сходства мы называемъ стремленіе мышленія къ рефлексіи всѣхъ *прошлыхъ* реальныхъ психи-

ческихъ фактовъ, *сходныхъ* съ фактами *текущими*.—Каждый текущій фактъ психическаго существованія человѣка можетъ освѣтить въ мысляхъ всѣ сходныя съ нимъ прошлые психическіе опыты,—какъ бы ни было велико по времени разстояніе послѣднихъ отъ перваго,—если такая умственная рефлексія не встрѣчаетъ какихъ-нибудь препятствій.

Что *законъ смежности* и *законъ сходства* управляютъ всѣмъ мышленіемъ человѣка, какъ невольною рефлексіею его прошлой психической дѣйствительности,—это всего удобнѣе доказать, изслѣдуя *происхожденіе* его основныхъ и непроизвольныхъ направленій: *историческаго*, *логическаго* и *трансцендентнаго*. Такія изслѣдованія приводятъ къ убѣжденію, что первое, т. е. *историческое*, направленіе мышленія обязано своимъ происхожденіемъ собственно *закону смежности*; второе, *логическое*,—*закону сходства*; а третье, *трансцендентное*,—совмѣстному вліянію того и другого.

Происхожденіе историческаго направленія человѣческаго мышленія.

290. *Историческое направленіе* человѣческаго мышленія, и *законъ смежности*, представляютъ два непроизвольныя стремленія того же мышленія, изъ которыхъ первое находится въ полной зависимости отъ послѣдняго. Чтобы сдѣлать эту зависимость очевидною, обратимся къ *главнымъ явленіямъ* историческаго направленія мышленія.

Историческое направленіе человѣческаго мышленія,—т. е. стремленіе послѣдняго къ рефлексіи прошлой пси-

хической дѣйствительности—во *всей* ея *индивидуальности*, или обособленности, открывается во-первыхъ, въ *единичныхъ*, или *индивидуальныхъ*, *идеяхъ* всѣхъ *отдѣльныхъ* случаевъ, или явленій—прошлой психической дѣйствительности; и во-вторыхъ, въ *умственной рефлексіи реальныхъ отношеній* между *отдѣльными* случаями или явленіями этого рода,—куда относятся. рефлексія прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, въ порядкѣ ихъ *внѣшней зависимости* и *внутренней связи*; далѣе, составляющія произведеніе такой рефлексіи—идеи *индивидуальныхъ вещей*, и ихъ *индивидуальныхъ отношеній*,—явленія *умственной антиципаціи*, и нѣкоторые виды *умственнаго перенесенія*, равно какъ и *погрѣшностей мышленія*.

Всѣ эти явленія *историческаго* направленія мышленія обязаны своимъ происхожденіемъ собственно *закону смежности*, — иначе стремленію того же мышленія къ рефлексіи прошлой психической дѣйствительности, въ порядкѣ ея *непосредственнаго преемства* и *сосуществованія*.

ЕДИНИЧНЫЯ ИДЕИ РЕАЛЬНЫХЪ ПСИХИЧЕСКИХЪ ФАКТОВЪ.

291. *Индивидуальныя* черты психической дѣйствительности отражаются, прежде и полнѣе всего, въ *единичныхъ идеяхъ* прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ; это — самыя живыя краски дѣйствительности, какими располагаетъ человѣческое мышленіе.

Единичныя идеи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ мы отличаемъ отъ *общихъ* идей тѣхъ же фактовъ. *Единичною* мы называемъ идею *отдѣльнаго* факта; *общею*—идею *многихъ* сходныхъ фактовъ.

Существованіе единичныхъ идей прошлой психической дѣйствительности, какъ постоянныхъ элементовъ человѣческаго мышленія, объясняется, главнымъ образомъ, дѣйствіемъ *закона смежности*, или стремленіемъ мышленія къ рефлексіи прошлой дѣйствительности, въ порядкѣ ея непосредственнаго преемства и сосуществованія. Въ этомъ мы убѣждаемся, разсматривая единичныя идеи реальныхъ психическихъ фактовъ различныхъ отдѣловъ.—идеи *ощущеній*, идеи *волненій*, идеи *дѣйствій;* и т. д.

Единичныя идеи ощущеній.

292. Обратимся, прежде всего, къ идеямъ ощущеній въ смыслѣ *внѣшнихъ явленій*, и остановимся сначала на идеяхъ *слуховыхъ* ощущеній,—иначе идеяхъ различныхъ *звуковъ*.

Единичныя идеи ощущеній слуха, или отдѣльныхъ, когда-нибудь слышанныхъ звуковъ,—какъ постоянные элементы мышленія, находятся въ полной зависимости отъ закона смежности.

Это доказывается, прежде всего, сравненіемъ единичныхъ идей прошлыхъ ощущеній слуха, съ идеями *текущихъ*. Первыя могутъ быть разсматриваемы какъ *возвращеніе* послѣднихъ, или какъ тѣже *первичныя* идеи, появляющіяся вновь при другихъ условіяхъ, т. е. въ отсутствіи отражаемыхъ ими реальныхъ фактовъ. Идеи *текущихъ* ощущеній представляютъ идеальную *исторію* теченія ощущеній, — иначе сказать, умственную рефлексію ихъ *возникновенія*, *продолженія* и *окончанія*,—рефлексію *преемственныхъ* фазисовъ ихъ развитія, со всею различимою *сложностью* каждаго фазиса. Такимъ разнообразіемъ

отличается умственное сознаніе выслушиваемаго *рева* львовъ, *воя* волковъ, *лая* охотничьихъ собакъ,—выслушиваемой *трели* соловья, или *напьва* крестьянской пѣсни.—Но тѣмъ же разнообразіемъ, хотя быть-можетъ и не въ той же мѣрѣ, обладаютъ идеи и *прошлыхъ* ощущеній слуха. Богатство содержанія такихъ идей становится особенно чувствительно, при сравненіи съ бѣдностью ихъ словеснаго выраженія. Передача словами запечатлѣвшагося въ мысляхъ *лая* охотничьихъ собакъ, или *шума* водопада, составитъ ничтожный намекъ на богатство этихъ опытовъ слуха, или ихъ идей.—Кратко сказать, единичныя идеи прошлыхъ ощущеній слуха составляютъ нѣкоторыя идеальныя или умственныя *исторіи* этихъ ощущеній, воспроизводящія теченіе послѣднихъ, или ихъ содержаніе, въ порядкѣ его преемства и сосуществованія,—подобно тому, какъ это наблюдается въ идеяхъ ощущеній текущихъ.—Между тѣмъ, въ условіяхъ тѣхъ и другихъ идей есть существенная разница. содержаніе идей текущихъ ощущеній слуха, или представляемая ими исторія этихъ ощущеній, стоитъ въ полной зависимости отъ реальной исторіи каждаго отдѣльнаго ощущенія· каждый шагъ въ ходѣ ощущенія, ведетъ за собою соотвѣтственный шагъ, въ ходѣ его умственной рефлексіи, какъ свое послѣдствіе; слѣдовательно, здѣсь идея зависитъ отъ присутствія отражаемаго ею факта. Но чѣмъ обусловливается такое же идеальное воспроизведеніе ощущеній давно минувшихъ?—Объ идеяхъ прошлыхъ ощущеній нельзя сказать, что онѣ вызываются присутствіемъ отражаемыхъ ими фактовъ; поэтому, существованіе ихъ въ мышленіи, какъ постоянныхъ элементовъ послѣдняго, должно быть поставлено въ зависимость отъ какого нибудь другого,

притомъ постояннаго условія, — иначе сказать, какого нибудь закона мышленія. Какъ воспроизведенія *реальной исторіи* отдѣльныхъ прошлыхъ ощущеній, иначе *преемственности* ихъ теченія, единичныя идеи прошлыхъ ощущеній слуха должны быть объяснены стремленіемъ мышленія къ рефлексіи *прошлой* психической дѣйствительности—въ порядкѣ ея *непосредственнаго преемства* и *сосуществованія*,—т. е. *закономъ смежности*.

293. Наше объясненіе можетъ показаться излишнимъ, для тѣхъ кто привыкъ считать *постоянство* единичныхъ идей, какъ элементовъ мышленія, простымъ послѣдствіемъ ихъ *единства*, *или недѣлимости;* но такое убѣжденіе нельзя признать основательнымъ. Безспорно, что единичныя идеи представляютъ нѣкоторыя идеальныя единства, не взирая на всю множественность ихъ элементовъ, — какъ это нами показано относительно идей ощущеній слуховыхъ (§ 252). Но спрашивается: должны ли мы *единство* единичныхъ идей считать условіемъ ихъ *постоянства*, — или, наоборотъ, постоянство такихъ идей считать условіемъ ихъ единства? — Изслѣдованіе того и другого характера единичныхъ идей заставляетъ принять послѣднее мнѣніе. то что̀ намъ представляется ихъ *единствомъ*, есть ничто иное какъ *постоянство содержанія* этихъ идей,—именно, постоянство ихъ *элементовъ*, и *порядка* послѣднихъ.—Положимъ, что кто нибудь, припоминая одну изъ своихъ прогулокъ въ лѣсу, припоминаетъ, при этомъ, поразившій его тогда громкій, протяжный и унылый крикъ какой-то птицы: послѣдній всегда проносится, въ его мысли, съ одною и тою же постепенностью повышающихся и понижающихся, усилива-

ющихся и ослабѣвающихъ, и обладающихъ различными другими особенностями — переливовъ звука; это-то постоянство звуковыхъ элементовъ, или ихъ преемства и сосуществованія, въ идеѣ припоминаемаго крика, и сообщаетъ послѣдней ея единство.—Такимъ образомъ, единство единичныхъ идей прошлыхъ слуховыхъ ощущеній не освобождаетъ отъ изслѣдованія условій ихъ постоянства,— и возвращаетъ насъ къ объясненію послѣдняго *закономъ смежности.*

294. Объясняя постоянство единичныхъ идей прошлыхъ слуховыхъ ощущеній—закономъ смежности, мы не лишены средствъ прямой повѣрки этого объясненія. — Законъ смежности, какъ законъ рефлексіи прошлыхъ реальныхъ фактовъ—въ порядкѣ ихъ преемства и сосуществованія, означаетъ такимъ образомъ нѣкоторыя *границы* умственной рефлексіи прошлаго;—а именно, что мышленіе, стремясь къ рефлексіи въ порядкѣ преемства, или *прямой послѣдовательности* реальныхъ фактовъ, не имѣетъ *противоположнаго* стремленія,—т. е. къ рефлексіи ихъ въ порядкѣ *обратномъ;* и далѣе, что стремясь къ рефлексіи преемства и сосуществованія, оно не имѣетъ стремленія къ *превращенію* преемственнаго въ сосуществующее, и сосуществующаго въ преемственное.—Эти границы стремленій мышленія, выражаемыя закономъ смежности, оправдываются ли на единичныхъ идеяхъ прошлыхъ ощущеній слуха?—Несомнѣнно. Какой нибудь *раскатъ грома* или *ревъ* животныхъ,—*мяуканье* кошки, *блѣянье* овцы, *кудахтанье* курицы, *кукованье* кукушки, и т. д., — всѣ такіе звуки, недавно услышанные нами, воспроизводятся въ мысляхъ съ полною отчетливостью, — однако, только въ извѣст-

помъ направленіи:—именно, въ порядкѣ *непосредственнаго преемства* составляющихъ эти звуки элементовъ. Повторить тѣже звуки въ порядкѣ обратномъ, т. е. отъ конца къ началу, намъ было бы не легко, не смотря на незначительную ихъ сложность. мы должны были бы *искуственно* создать такое воспроизведеніе; слѣдовательно, *естественнаго* стремленія къ нему въ мышленіи не имѣется.—Такимъ же образомъ, надобно пріобрѣсти искуственный навыкъ къ анализу и обработкѣ звуковъ, для того чтобы въ выслушанныхъ когда-нибудь, и памятныхъ намъ, аккордахъ, сдѣлать мысленную перестановку тоновъ изъ однихъ аккордовъ въ другіе: между тѣмъ какъ воспроизведеніе ихъ—въ порядкѣ ихъ реальнаго сосуществованія не представляетъ никакой трудности.—Ясно, такимъ образомъ, что естественое стремленіе мышленія къ рефлексіи реальнаго порядка развитія слуховыхъ ощущеній ограничено *прямою послѣдовательностью*, и *сосуществованіемъ*, ихъ элементовъ.

295. Далѣе; законъ смежности означаетъ стремленіе къ рефлексіи психической дѣйствительности, не просто въ порядкѣ ея *преемства*, а въ порядкѣ *непосредственнаго* преемства. Оправдывается ли это на единичныхъ идеяхъ слуховыхъ ощущеній?—Несомнѣнно. Стремленіе мышленія къ рефлексіи слуховыхъ ощущеній, въ порядкѣ непосредственнаго преемства ихъ элементовъ, всего яснѣе выступаетъ при искуственной отмѣнѣ послѣдняго, въ единичныхъ идеяхъ слуховыхъ ощущеній,—или при произвольныхъ измѣненіяхъ этихъ идей. Потому что всѣ эти измѣненія оказываются относительными, или ограниченными: рядомъ съ произведенною перемѣною, сохраняется

сознаніе прежняго порядка, отвѣчающаго реальной непосредственности преемства.—Такимъ образомъ, воспроизводя въ мысли слышанный когда-нибудь музыкальный мотивъ, изъ трехъ нотъ различной высоты, мы можемъ мысленно сдѣлать въ немъ *пропускъ* средней ноты, *усѣченіе* послѣдней,—можемъ превратить мелодію этого мотива, въ аккордъ изъ трехъ нотъ. Но при всѣхъ этихъ перемѣнахъ, слышанный мотивъ не исчезнетъ вполнѣ изъ нашего сознанія, въ качествѣ ихъ прототипа: сдѣлавши пропускъ, мы сохранимъ сознаніе пропущенной ноты; сдѣлавши усѣченіе, не потеряемъ сознанія усѣченной ноты; сдѣлавши изъ мелодіи гармоническій аккордъ, не потеряемъ сознанія мелодіи. А это значитъ, что, и послѣ пропуска, первая нота мотива не перестаетъ въ мысли вызывать вторую,—хотя и не такъ, какъ третью; при усѣченіи, вторая нота не перестаетъ поддерживать въ сознаніи третью, хотя послѣдняя выступаетъ въ немъ, опять, не такъ какъ предшествующія ей, первая и вторая.—Въ чемъ состоитъ эта разница сознанія,—объяснится въ концѣ этой главы; несомнѣнно однако, что, не смотря на оба измѣненія мотива, умственная рефлексія его не перестаетъ итти въ порядкѣ его реальнаго преемства,—т. е. въ порядкѣ *непосредственной* послѣдовательности составляющихъ его нотъ,—порядкѣ, упорно держащемся въ сознаніи, даже послѣ преобразованія преемственныхъ нотъ мотива — въ современныя, или мелодіи послѣдняго—въ гармоническій аккордъ.

296. Всѣ главныя замѣчанія, высказанныя нами относительно единичныхъ идей слуховыхъ ощущеній, вполнѣ прилагаются къ таковымъ же идеямъ и другихъ ощуще-

ній, — *зрительныхъ*, *осязательныхъ*, *мускульныхъ*, *мускульно-осязательныхъ*, *обонятельныхъ* и т. д.—Обратимъ вниманіе на единичныя идеи *видимыхъ фигуръ*, — напр., растеній, животныхъ, небесныхъ тѣлъ;—единичныя идеи *видимыхъ движеній*, — напр., полета птицъ, паденія тяжестей, восхода и захода солнца;—единичныя идеи *осязаемыхъ* поверхностей и объема, — идеи мягкости, упругости, теплоты; и т. д. Всѣ эти идеи представляютъ большія сложности, являясь умственною рефлексіею отдѣльныхъ прошлыхъ ощущеній. Такимъ образомъ, единичная идея видимой фигуры какого-нибудь дерева представляетъ цѣлую массу идеальныхъ элементовъ, соотвѣтствующихъ массѣ отдѣльныхъ частей его фигуры;—единичная идея восхода солнца состоитъ изъ ряда идеальныхъ элементовъ, соотвѣтствующихъ ряду его движеній въ направленіи къ зениту;—единичная идея испытаннаго когда-нибудь дневнаго жара представляетъ идеальную исторію его увеличенія и ослабленія, въ теченіи, напр., дня; и т. д.—Постоянство этихъ идей, какъ элементовъ мышленія, сообщающее имъ, при всей ихъ сложности, видъ единства или недѣлимости, и заключающееся въ постоянствѣ ихъ отдѣльныхъ элементовъ, равно какъ и въ постоянствѣ преемства и сосуществованія послѣднихъ,—соотвѣтственно реальному порядку развитія отдѣльныхъ ощущеній,—есть послѣдствіе вліянія закона смежности—на умственную рефлексію прошлыхъ ощущеній.

До сихъ поръ мы говорили объ идеяхъ ощущеній какъ внѣшнихъ явленій; но тоже слѣдуетъ сказать объ идеяхъ ощущеній какъ *удовольствій* и *страданій*. Единичныя идеи прошлыхъ чувственныхъ удовольствій и стра-

даній должны быть разсматриваемы какъ послѣдствія управляющаго мышленіемъ закона смежности. Единичныя идеи различныхъ органическихъ страданій, — *укола*, *обжога*, *тяжести*, *порьза*, *ломоты*, *лихорадочнаго озноба* и *жара*, и т. д., представляютъ стремленіе мышленія къ рефлексіи отдѣльныхъ случаевъ этихъ страданій, со всею ихъ историческою вѣрностью, или во всей полнотѣ ихъ индивидуальнаго содержанія,—рефлексіи, вытекающей изъ простѣйшихъ дѣйствій закона смежности.

Единичныя идеи реальныхъ психическихъ фактовъ остальныхъ порядковъ

297. На единичныхъ идеяхъ ощущеній мы хотѣли прежде всего уяснить основной законъ мышленія, управляющій возвращеніемъ всѣхъ *первичныхъ* идей человѣка, послѣ того какъ онѣ были получены имъ въ присутствіи самыхъ предметовъ ихъ,—именно, реальныхъ психическихъ фактовъ. Вліяніе закона смежности, открывающееся въ явленіяхъ единичныхъ идей нашихъ ощущеній, выступаетъ въ нихъ съ особенною ясностью, не осложняемое дѣйствіемъ *закона сходства*, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, въ какой это замѣтно на единичныхъ идеяхъ другихъ реальныхъ психическихъ фактовъ,—именно, *волненій* человѣка, его реальныхъ *дѣйствій*, *психическихъ готовностей*; и т. д. Единичныя идеи реальныхъ психическихъ фактовъ послѣднихъ порядковъ весьма часто лишены характера первичности,—иначе сказать, образуются позднѣе, изъ отдѣльныхъ первичныхъ элементовъ, подъ выдающимся вліяніемъ закона сходства. Тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ, вліяніе закона смежности остается преобла-

дающимъ и въ явленіяхъ единичныхъ идей *волненій*, *дѣйствій*, *психическихъ готовностей*, — вообще всѣхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, отличныхъ отъ ощущеній. Потому что, во-первыхъ, существованіе вторичныхъ идей этихъ фактовъ не отрицаетъ *первичныхъ*, въ которыхъ дѣйствіе закона смежности выступаетъ съ такою же ясностью, какъ и въ кругѣ единичныхъ идей нашихъ ощущеній, — затѣмъ, и вторичнымъ идеямъ этихъ фактовъ—*историческій* характеръ сообщаетъ опять тотъ же законъ смежности, участвующій въ ихъ произведеніи.

Къ *единичнымъ* идеямъ *волненій*, *реальныхъ дѣйствій* и *психическихъ готовностей*, легче перейти отъ *общихъ* идей этихъ фактовъ, связываемыхъ съ ихъ общими названіями,—напр. идеи *страха* вообще, идеи *гнѣва*, *нѣжности*, *совѣта*, *внушенія*, *любви*, *ревности*, *рѣшимости*; и т. д. Слѣдуетъ только обратить вниманіе на то, что эти общія идеи образуются, у каждаго, изъ единичныхъ идей тѣхъ же фактовъ, — т. е. его собственныхъ случайныхъ опытовъ *страха*, *гнѣва*, *внушенія*, *любви*; и т. д. Пока эти единичныя идеи являются факторами общихъ идей, содержаніе ихъ можетъ представляться такимъ же скуднымъ, какъ и содержаніе послѣднихъ. Но когда, оставляя общности, переходятъ въ мысли къ отдѣльнымъ опытамъ, подавшимъ къ нимъ поводъ, — къ страху, или гнѣву, пережитому въ извѣстное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ; — совѣту, который когда-то преподали другому,—или къ любви, которую въ давнее время питали къ кому-нибудь:—идеи этого страха, этого гнѣва, этого совѣта, этой любви, окажутся весьма сложными. Единичныя идеи волненій, реальныхъ дѣйствій и психическихъ готовностей являются умственною

рефлексіею исторіи этихъ фактовъ, въ порядкѣ преемства и сосуществованія ихъ элементовъ. Такимъ образомъ, въ единичной идеѣ волненія страха отражаются измѣненія самаго волненія,—его *усиленіе* и *ослабленіе*, и сопровождавшія эти измѣненія ощущенія,—напр., *дрожи*, *мускульной слабости* и т. д.—Точно такъ же, идея совѣта, когда-то преподаннаго, отражаетъ и его мотивы, и его тонъ, и его энергію, и весь ходъ послѣдняго. — Единичныя идеи страха и совѣта могутъ быть простымъ дѣйствіемъ закона смежности,—протекая незначительное время и безъ перерывовъ. Но случай любви къ кому-нибудь отражается въ идеѣ, которая обыкновенно слагается изъ идей всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ ея теченія, какъ одна непрерывная исторія послѣднихъ, — хотя, въ дѣйствительности, они бываютъ обыкновенно раздѣлены между собою другими психическими фактами. Такое соединеніе раздѣльныхъ моментовъ любви, въ одну исторію послѣдней, или отраженіе ихъ въ *единичной* идеѣ любви къ кому-нибудь, не можетъ состояться безъ помощи закона сходства· но безъ глубже лежащаго вліянія закона смежности, всѣ отдѣльные моменты одного случая любви, слились бы въ одинъ общій очеркъ этого случая, или въ одну *общую* идею этихъ моментовъ, безъ всякаго ихъ раздѣленія.—Такимъ образомъ, вторичныя идеи любви, и другихъ психическихъ опытовъ, обязаны своею *единичностью*, или *недѣлимостью*, прежде всего, закону сходства, собирающему ихъ элементы; но своею *раздѣльностью*, или *историческимъ* характеромъ, отражающимъ отдѣльные моменты этихъ опытовъ, со всею ихъ *индивидуальностью*,—собственно закону смежности.

УМСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСІЯ ПРОШЛЫХЪ РЕАЛЬНЫХЪ ПСИХИЧЕСКИХЪ ФАКТОВЪ ВЪ ПОРЯДКѢ ИХЪ ВНѢШНЕЙ ЗАВИСИМОСТИ И ВНУТРЕННЕЙ СВЯЗИ.

298. Предыдущія изслѣдованія позволяютъ намъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній объ историческомъ направленіи человѣческаго мышленія, и его собственномъ источникѣ.

Направленіемъ *историческимъ*, въ отличіе отъ *логическаго*, *обобщающаго*,—мы назвали направленіе, *обособляющее*—психическую дѣйствительность въ мышленіи. *Обособленіе* дѣйствительности въ мышленіи, тоже что *разобщеніе*, или *раздѣленіе*, послѣдней въ мышленіи. Это достигается двоякимъ путемъ: во-первыхъ, умственною рефлексіею *подробностей* каждаго психическаго *факта*; и во-вторыхъ, такою же рефлексіею его *реальной обстановки*, т. е. фактовъ, его *сопровождающихъ*.

Умственная рефлексія *подробностей* каждаго реальнаго психическаго факта, когда-нибудь пережитаго, дается *единичными идеями* прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ.—Умственная рефлексія *реальной обстановки* каждаго прожитаго психическаго факта, — иначе, рефлексія фактовъ его сопровождающихъ, дается *первичными связями* единичныхъ идей прошлой психической дѣйствительности, иначе *постоянными сопровожденіями* однѣхъ единичныхъ идей другими.

Мы видѣли, что первая ступень умственнаго обособленія психической дѣйствительности,—т. е. единичныя идеи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, находятся въ полной зависимости отъ закона смежности. Теперь намъ предстоитъ показать, что и вторая ступень обособ-

ленія, въ мышленіи, психической дѣйствительности,—т. е. *первичныя связи* единичныхъ идей, или *постоянныя сопровожденія* однѣхъ единичныхъ идей той-же психической дѣйствительности другими, вытекаютъ изъ того же источника,—именно, опять, изъ дѣйствій *закона смежности*. Въ этомъ мы убѣдимся, разсматривая *главныя явленія* этихъ мысленныхъ *связей*, или *сопровожденій*, и прежде всего, *коренное* между ними, — *умственную рефлексію прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ—въ порядкѣ ихъ внѣшней зависимости и внутренней связи*.

299. Психическіе факты бываютъ послѣдствіями или внѣшнихъ, или внутреннихъ условій. Сопровождая другъ друга въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, они находятся другъ къ другу въ порядкѣ *внѣшней зависимости*; сопровождая другъ друга въ зависимости отъ внутреннихъ условій, они находятся другъ къ другу въ порядкѣ *внутренней связи*.

Порядокъ *внѣшней зависимости* психическихъ фактовъ наглядно представленъ въ области *ощущеній* человѣка,—въ формѣ простого *преемства*, и *сосуществованія* или *современности*, послѣднихъ. Спрашивается: преемство и современность различныхъ ощущеній человѣка имѣютъ ли свою *рефлексію* въ *мышленіи* человѣка?—Несомнѣнно. Умственная рефлексія ощущеній, въ порядкѣ ихъ преемства и современности, дана въ *первичныхъ связяхъ единичныхъ идей ощущеній* человѣка. Чтобы видѣть умственную рефлексію порядка различныхъ ощущеній, обратимся, сначала, къ идеямъ ощущеній одного и того же отдѣла или, какъ говорятъ, *однородныхъ*; а потомъ, перейдемъ къ идеямъ ощущеній различныхъ отдѣловъ, или ощущеній *разнородныхъ*.

Первичныя связи единичныхъ идей суть простѣйшія *соединенія* основныхъ элементовъ человѣческаго мышленія, представляемыхъ этими идеями. Разсматривая характеръ этихъ простѣйшихъ соединеній, найдемъ, что онѣ заключаются единственно въ *постоянствѣ сопровожденій* однѣхъ единичныхъ идей другими,—сопровожденій, отвѣчающихъ реальному порядку представляемыхъ этими идеями фактовъ. Такимъ образомъ, подъ *первичными связями* единичныхъ идей *однородныхъ* ощущеній, — напр. зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ, мускульныхъ и т. д.,—мы не разумѣемъ ничего другого, кромѣ явленій *постояннаго сопровожденія* однѣхъ единичныхъ идей другими, въ порядкѣ преемства или сосуществованія, отвѣчающемъ преемству и современности отражаемыхъ ими однородныхъ ощущеній. Къ такимъ первичнымъ связямъ единичныхъ идей различныхъ ощущеній зрѣнія принадлежатъ, напр., *ряды* зрительныхъ идей, въ которыхъ постоянно припоминаются ряды видѣнныхъ явленій,—зажженныхъ огней, освѣщенныхъ зданій, разноцвѣтной толпы движущейся по улицамъ; и т. д.,—или *группы* зрительныхъ идей, въ которыхъ отражаются различные моменты въ положеніи многихъ вещей, видѣнныхъ въ одно время—напр., моменты въ положеніи множества лицъ, участвовавшихъ въ процессіяхъ, обрядахъ, танцахъ, работахъ и т. д.—Такимъ образомъ, различные ряды и группы зрительныхъ явленій имѣютъ свою умственную рефлексію, въ рядахъ и группахъ зрительныхъ идей, въ которыхъ они отпечатлѣваются со всѣмъ, не передаваемымъ на словахъ, богатствомъ своихъ особенностей. Постоянство группъ и рядовъ единичныхъ идей однородныхъ, зрительныхъ и другихъ, ощущеній обличаетъ неизмѣнное стрем-

леніе мышленія къ рефлексіи однородныхъ ощущеній, въ порядкѣ ихъ непосредственнаго преемства и современности.

300. Перейдемъ къ первичнымъ связямъ единичныхъ идей *разнородныхъ* ощущеній,—напр., зрительныхъ и слуховыхъ, зрительныхъ и осязательныхъ, зрительныхъ и мускульныхъ,—или слуховыхъ и зрительныхъ, слуховыхъ и осязательныхъ; — или осязательныхъ и зрительныхъ, осязательныхъ и мускульныхъ, осязательныхъ и вкусовыхъ, осязательныхъ и органическихъ, и т. д. Разнородныя ощущенія, какъ и однородныя, находятся въ двоякомъ порядкѣ внѣшней зависимости,—порядкѣ преемства и современности. Этотъ двоякій порядокъ разнородныхъ ощущеній отражается въ мышленіи *преемствомъ* и *современностью* отвѣчающихъ имъ *идей*. Такія связи единичныхъ идей разнородныхъ ощущеній можно наблюдать, напр., въ мышленіи человѣка, вращающемся въ кругу предметовъ его ежедневной обстановки. Такимъ образомъ, единичная идея *видимой внѣшности* растущаго на окнѣ цвѣтка, бываетъ связана, въ умѣ хозяина, съ другою единичною идеею—его *запаха*;—такъ что видъ цвѣтка напоминаетъ ему его запахъ, а запахъ цвѣтка напоминаетъ его видимую внѣшность: потому что зрительныя ощущенія его внѣшности, и ощущеніе его запаха, испытывались хозяиномъ цвѣтка, и въ порядкѣ преемства, и въ порядкѣ современности.—Точно также связаны, въ мышленіи хозяина помѣщенія, извѣстные ему *звуки*—съ извѣстными ему *движеніями* и *фигурами* движущихся предметовъ; извѣстныя *прикосновенія*—съ *очерками*, *плотностью* и *температурою* касающихся предметовъ: извѣстныя *движенія*—съ вызываемыми ими ощущеніями *боли;* и т. д. Напр. извѣст-

ный ему *трескъ* указываетъ ему *паденье* знакомой ему вещи; извѣстный *скрипъ* рисуетъ ему въ мысли *движенье* извѣстной двери; извѣстный *стукъ* позволяетъ ему слышать *походку* знакомаго лица, и возстановляетъ въ его умѣ *образъ* послѣдняго; знакомая протянутая рука напоминаетъ, вмѣстѣ съ ея *тяжестью*, ея *сухость* и *теплоту*, или *холодъ* и *влажность; ударъ* оконечностей о какую нибудь вещь постоянно напоминаетъ причиненныя имъ же, прежде, *ушибъ;* и т. д. —Всѣ эти явленія мышленія основаны на установившейся *связи идей* разнородныхъ ощущеній, заключающейся въ томъ, что *реальный* порядокъ разнородныхъ ощущеній относительно другъ друга, получаетъ свое отраженіе въ *мышленіи* человѣка,—именно, въ постоянномъ взаимномъ сопутствіи отвѣчающихъ имъ идей, соотвѣтственно основному стремленію человѣческаго мышленія—къ рефлексіи психической дѣйствительности, въ порядкѣ ея непосредственнаго преемства и сосуществованія.

301. Обратимся къ умственной рефлексіи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ въ порядкѣ ихъ *внутренней связи.*

Изъ всѣхъ явленій внутренней связи психическихъ фактовъ, лучшимъ объясненіемъ закона смежности будутъ тѣ внутреннія отношенія ихъ, въ которыхъ одни психическіе факты представляются положительными, или отрицательными, условіями другихъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ такого рода, мы имѣемъ не просто порядокъ *преемства* предыдущихъ и послѣдующихъ психическихъ фактовъ, но именно *непосредственнаго* преемства, какъ характеристической черты всѣхъ причинныхъ отношеній. Такимъ образомъ, явленія внутренней связи реальныхъ

психическихъ фактовъ, въ предѣлахъ ихъ внутреннихъ, положительныхъ и отрицательныхъ условій, открываютъ широкое поле для наблюденій надъ дѣйствіями закона смежности, представляя тотъ реальный порядокъ *непосредственнаго преемства* психическихъ фактовъ, умственная рефлексія котораго составляетъ одну изъ формъ постояннаго стремленія мышленія, обозначаемаго именемъ этого закона Вопросъ можетъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ. Въ явленіяхъ внутренней связи реальныхъ психическихъ фактовъ, или связи ихъ въ смыслѣ условій и послѣдствій, мы имѣемъ явленія непосредственнаго преемства этихъ фактовъ; спрашивается: прошлыя явленія такой внутренней связи имѣютъ ли свою умственную рефлексію въ преемствѣ отвѣчающихъ имъ идей?

Несомнѣнно. Это оправдывается на рефлексіи какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ явленій такого рода связи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ.— Обращаясь къ *отрицательнымъ* реальнымъ внутреннимъ условіямъ, и ихъ послѣдствіямъ, находимъ, что всякая помѣха реальному психическому факту, представляемая другимъ реальнымъ фактомъ того же рода, имѣетъ стремленіе припоминаться, позднѣе, вмѣстѣ съ послѣднимъ. Такъ, именно, припоминаются тѣ случайныя обстоятельства, которыя, когда нибудь, своимъ неожиданнымъ вмѣшательствомъ въ теченіе нашей внутренней жизни, или облегчили намъ наше нравственное страданіе, или ослабили нашу радость, охладили пылъ,отняли рѣшимость,— или не позволили кончить начатаго дѣла; и т. д. Такимъ образомъ, когда какое нибудь глубокое нравственное страданіе, поддержанное внутреннимъ сосредоточеніемъ на какомъ нибудь минувшемъ обстоятельствѣ, было облегчено

случайнымъ отвлеченіемъ отъ предмета мыслей, произведеннымъ какимъ нибудь неожиданнымъ и сильнымъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ,—напр. шума, музыки, огня, движенія, и т. д..—идеи слуховыхъ и зрительныхъ впечатлѣній, оказавшихся отрицательными условіями страданія, становятся постоянными спутниками идеи послѣдняго, — иначе сказать, при воспоминаніи о такомъ страданіи, невольно припоминаются и тѣ случайныя обстоятельства, которыя были ему помѣхою.—Такимъ же образомъ, волненія стыда, гнѣва и страха, вызванныя какимъ нибудь промахомъ и своимъ сосуществованіемъ мѣшавшія развитію другъ друга, отражаются позднѣе въ мысляхъ—какъ одно смѣшанное чувство. Реальный порядокъ ихъ связи, отрицательной—непосредственнаго преемства, и положительной—сосуществованія, отражается, въ мышленіи, постояннымъ взаимнымъ сопутствіемъ ихъ идей.

302. Обращаясь къ *положительнымъ* реальнымъ внутреннимъ условіямъ, и ихъ послѣдствіямъ, находимъ, что всякій реальный психическій фактъ, бывшій послѣдствіемъ другихъ реальныхъ фактовъ того же рода, отражается въ мышленіи вмѣстѣ съ послѣдними, если къ этому не встрѣчается какихъ нибудь препятствій. Такимъ образомъ, въ бесѣдѣ съ другими, говоря о какихъ нибудь музыкальныхъ пьесахъ, слышанныхъ нами въ прежнее время, мы не перестаемъ называть однѣ изъ нихъ грустными, другія веселыми, третьи нѣжными, и т. д., обнаруживая въ этихъ названіяхъ волненія грусти, веселья, нѣжности и т. д., которыя были вызваны въ насъ этими пьесами, при ихъ исполненіи, и которыя не перестаютъ возобновляться въ нашихъ мысляхъ, вмѣстѣ съ

вызвавшими ихъ звуками.—Точно также, ощущенія и волненія, вызванныя собственными дѣйствіями, припоминаются при мысли о послѣднихъ; а когда воспроизводятся, въ мысляхъ, какое нибудь дѣйствіе и вызванное имъ чувство, содѣйствовавшее его усиленію,—вмѣстѣ съ этимъ припоминается и самое вліяніе послѣдняго, или мотивація вызвавшаго его дѣйствія. — Умственная рефлексія причинной связи психическаго напряженія—съ дѣйствіями, выступаетъ, напр., въ воспоминаніяхъ дѣятельныхъ отношеній къ какому нибудь лицу, вызванныхъ одною любовью или одною ненавистью къ нему, — въ воспоминаніяхъ горячности желаній и поспѣшности дѣйствій; и т. д. —

303. Чтобы не оставлять въ недоразумѣніи относительно всей сложности теченія реальныхъ психическихъ фактовъ, замѣтимъ, что оно не такъ просто, какимъ представляется въ нашемъ анализѣ *единичныхъ идей* этихъ фактовъ, и умственной рефлексіи послѣднихъ, въ порядкѣ ихъ *внѣшней зависимости* и *внутренней связи*. Уклоненія отъ этой простоты представляютъ, прежде всего, тѣ *переплетенія* однихъ фактовъ съ другими, которыя зависятъ отъ нѣкоторой *раздробленности* ихъ теченія въ порядкѣ времени. Объяснимъ это примѣромъ. Прежде чѣмъ выслушать до конца обращенную къ намъ рѣчь, мы взглянули на какой нибудь предметъ, и успѣли подмѣтить въ немъ какую нибудь черту; но подмѣтивши, сосредоточились вновь на продолжаемой рѣчи.—Здѣсь переплетеніе двухъ сложныхъ фактовъ: факта *слуха* и факта *зрѣнія*,—вниманія къ чужой рѣчи, съ вниманіемъ къ внѣшнему предмету. фактъ слуха разорванъ на-двое фактомъ зрѣнія. Но если, еще разъ не дослушавши чужой рѣчи, мы

обратили взглядъ на тотъ же предметъ, и подмѣтили въ немъ другую черту фактъ зрѣнія, или фактъ вниманія къ видимому предмету, окажется, съ своей стороны, разорваннымъ на-двое фактомъ слуха.—Въ этомъ вмѣшательствѣ каждаго изъ двухъ фактовъ въ теченіе другого, и заключается *переплетеніе* обоихъ фактовъ, связанное съ *раздробленностью* ихъ теченія въ порядкѣ времени. Такъ, именно, переплетаются ощущенія съ ощущеніями, ощущенія съ волненіями; одни волненія съ другими, ощущенія и волненія съ дѣйствіями; и т. д.—Спрашивается: эта особенность теченія многихъ реальныхъ психическихъ фактовъ находитъ ли свое отраженіе въ мышленіи человѣка, или въ его воспоминаніяхъ объ нихъ?—Несомнѣнно. Взаимное переплетеніе пережитыхъ нами реальныхъ психическихъ фактовъ, иначе раздробленность ихъ теченія въ порядкѣ времени, есть прежде всего тотъ *хаосъ* реальной исторіи психическихъ фактовъ, который мы чувствуемъ въ нашихъ ежедневныхъ воспоминаніяхъ прошлыхъ дней, — въ нашей умственной рефлексіи ихъ теченія, — пестрой, спутанной, туманной, въ которой отчетливо выступаютъ, обыкновенно, только нѣкоторыя идеи фактовъ, продолжавшихся безъ перерыва.—Это показываетъ до очевидности, что стремленіе мышленія, называемое нами закономъ смежности, не имѣетъ ничего общаго съ его логическимъ стремленіемъ, — иначе сказать, есть стремленіе къ рефлексіи прошлой психической дѣйствительности въ простомъ порядкѣ непосредственнаго преемства и сосуществованія,—какъ бы онъ ни казался сбивчивымъ или спутаннымъ, съ логической точки зрѣнія.

ИДЕИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХЪ ВЕЩЕЙ, И УМСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСІЯ ИХЪ ИНДИВИДУАЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ

304. Идеи *индивидуальныхъ*, или *единичныхъ*, *вещей* отличаются отъ единичныхъ идей прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, ближайшимъ образомъ, не содержаніемъ, а только *извѣстною сложностью* послѣдняго. Идеи индивидуальныхъ вещей представляютъ *сочетанія единичныхъ идей* реальной психической дѣйствительности, въ порядкѣ ея *внѣшней зависимости* и *внутренней связи*,— сочетанія равняющіяся, по своей сложности, богатству опытовъ при обращеніи съ индивидуальными вещами. Такимъ образомъ, идеи индивидульныхъ вещей суть дальнѣйшее произведеніе собственно того же закона смежности, которому обязаны своимъ происхожденіемъ болѣе элементарныя произведенія послѣдняго,—*единичныя идеи* реальныхъ психическихъ фактовъ, и ихъ *первичныя связи*.

Для объясненія образованія идей индивидуальныхъ вещей, обратимся, сначала, къ простѣйшимъ идеямъ этого рода, именно, къ идеямъ реальныхъ произведеній самого человѣка, — напр., украшающихъ его помѣщеніе *мраморныхъ статуй*. — Идея мраморной статуи, у обладателя послѣдней, состоитъ, прежде всего, изъ единичныхъ идей различныхъ ощущеній вызываемыхъ ею, — напр., изъ идей ея *бѣлаго цвѣта*, ея человѣкообразной *фигуры*, идей ея *положенія*, ея *блеска*, *плотности*, *гладкости*, *низкой температуры;* далѣе, изъ идей тѣхъ пріятныхъ *волненій*, которыя она вызвала, при первомъ наблюденіи ея, и вызывала позднѣе, послѣ ея пріобрѣтенія; затѣмъ, изъ идей всѣхъ *дѣйствій*, связан-

ныхъ съ первымъ осмотромъ ея, покупкою, доставкою на домъ, постановкою, и т. д. — Мы не перечисляемъ единичныхъ идей другихъ реальныхъ психическихъ фактовъ, которыя, точно также, могутъ быть въ составѣ единичной идеи этой статуи.—Для того чтобы вполнѣ оцѣнить всю ея сложность, слѣдуетъ припомнить, что каждая изъ содержащихся въ ней единичныхъ идей сама представляетъ нѣкоторую сложность·—напр. идея ея *фигуры* — идеальные элементы соотвѣтствующіе частямъ этой фигуры; — идея ея *цвѣта* — идельные элементы соотвѣтствующіе распредѣленію въ ней свѣта и тѣни. Точно также раздѣляются идеи другихъ ощущеній вызываемыхъ ею,—и вызванныхъ ею же волненій, дѣйствій, явленій психическаго напряженія; и т. д.—Всѣ эти единичныя идеи реальной психической дѣйствительности, прямо или косвенно вызванной разсматриваемою индивидуальною вещью, связаны въ единичной идеѣ этой вещи, у ея обладателя, собственно по закону смежности, — т. е. въ порядкѣ непосредственнаго преемства и сосуществованія отражаемыхъ этими идеями фактовъ. Ощущенія бѣлаго цвѣта статуи получаются вмѣстѣ съ зрительными ощущеніями ея фигуры; зрительныя ощущенія ея фигуры испытываются въ одно время съ осязательными ощущеніями ея поверхности; осязательныя ощущенія поверхности—съ ощущеніями температуры и съ мускульными ощущеніями ея плотности, зрительныя ощущенія фигуры, цвѣта, блеска, положенія, сопровождались непосредственно разнообразными волненіями красоты. Съ чувствами, вызванными ею, связывались непосредственно желанія ея пріобрѣтенія; съ желаніями такого рода, связаны были разнообразныя дѣйствія по ея покупкѣ; и т. д. — Кратко сказать, идея индиви-

дуальной вещи составляетъ здѣсь умственную рефлексію исторіи всѣхъ реальныхъ психическихъ отношеній къ ней, со стороны ея обладателя.

305 Что сказано объ идеѣ какой нибудь мраморной статуи, тоже прилагается къ идеямъ и всѣхъ другихъ индивидуальныхъ вещей. Всѣ онѣ представляютъ, прежде всего, извѣстныя умственныя рефлексіи исторіи отношеній къ этимъ вещамъ. Разница заключается только въ большей или меньшей степени сложности такихъ индивидуальныхъ идей. Однѣ изъ нихъ, какъ, напр., идеи нѣкоторыхъ *неорганическихъ* вещей, отличаются меньшею сложностью. чѣмъ разсмотрѣнная нами идея мраморной статуи;—другія, какъ, напр., идеи вещей *органическихъ*, обладаютъ, напротивъ, большею. Въ составъ индивидуальныхъ идей послѣдняго рода, входятъ единичныя идеи всѣхъ наблюденій надъ *органическимъ развитіемъ* встрѣчаемыхъ, или воспитываемыхъ, растеній и животныхъ;—наблюденій надъ *чувствительностью* и *произвольнымъ движеніемъ* послѣднихъ; наблюденій надъ *чувствами*, *дѣйствіями* и *рѣчью* окружающихъ людей.—Эта прибавочная масса единичныхъ идей, въ составѣ идей индивидуальныхъ растеній, животныхъ и людей, отличается еще большею сложностью, чѣмъ идеи, указанныя въ содержаніи индивидуальной идеи мраморной статуи. Такъ, въ идеѣ воспитываемаго нами комнатнаго растенія, кромѣ той исторіи отношеній къ нему, какая обыкновенна и при обращеніи съ мраморною статуею,—отражается еще исторія нашихъ ежедневныхъ замѣчаній надъ *состояніемъ* его отдѣльныхъ частей, надъ ихъ прогрессивнымъ и періодическимъ *развитіемъ*; различными послѣдствіями того или другого *ухода* испытаннаго

надъ нимъ, и т. д. — Въ составѣ идеи воспитываемаго животнаго, отражается, вмѣстѣ съ исторіею его органическаго развитія, исторія образованія его *привычекъ*, *привязанностей*; и т. д., въ идеѣ индивидуальнаго лица заключается, между прочимъ, исторія *обычаевъ* всѣхъ отношеній къ нему,—услугъ, идей, чувствъ;—исторія *совмѣстной дѣятельности* съ нимъ, *перемѣнъ* въ его положеніи, состояніи и счастьи; и т. д.—Единичныя идеи всѣхъ этихъ отношеній къ индивидуальнымъ вещамъ органическаго міра, входятъ въ составъ ихъ индивидуальныхъ идей, опять, по закону смежности, — вслѣдствіе непосредственнаго преемства и сосуществованія отражаемыхъ ими фактовъ. Такимъ образомъ, *наблюденія* надъ органическимъ развитіемъ воспитываемыхъ растеній и животныхъ, заключающемъ въ себѣ, между прочимъ, постепенныя перемѣны въ ихъ фигурѣ, окраскѣ, плотности, вѣсѣ и т. д., — сопровождаютъ самыя *ощущенія* ихъ *фигуры*, *цвѣта*, *плотности*, *вѣса*; и т. д.—Наблюденія надъ *чувствами* животныхъ сопутствуютъ—зрительнымъ ощущеніямъ ихъ *движеній*, слуховымъ—издаваемыхъ ими *звуковъ*. Точно также, всѣ наблюденія надъ отдѣльнымъ человѣкомъ исполняются въ одно время съ цѣлою массою вызываемыхъ имъ ощущеній.—Этотъ-то реальный порядокъ непосредственнаго преемства, или сосуществованія, реальныхъ отношеній къ индивидуальнымъ вещамъ, и отражается въ постоянномъ взаимномъ сопровожденіи отвѣчающихъ имъ единичныхъ идей, составляющемъ содержаніе идей индивидуальныхъ вещей.

306. Перейдемъ къ *умственной рефлексіи индивидуальныхъ отношеній* между единичными вещами,—т. е.

отношеній одной индивидуальной вещи—къ другой, какъ они даны въ отдѣльныхъ или единичныхъ случаяхъ.

Индивидуальныя отношенія между единичными вещами сводятся, въ дѣйствительности,—во-первыхъ, къ отношеніямъ простаго *преемства* и *сосуществованія* единичныхъ вещей и ихъ измѣненій;—и во-вторыхъ, къ отношеніямъ *причинной связи* между ними. Постоянство умственной рефлексіи тѣхъ и другихъ отношеній было бы однимъ изъ самыхъ наглядныхъ доказательствъ закона смежности, или непзмѣннаго стремленія человѣческаго мышленія къ рефлексіи дѣйствительности въ порядкѣ ея непосредственнаго преемства и сосуществованія. Спрашивается. имѣется ли, въ мышленіи человѣка, такая рефлексія индивидуальныхъ отношеній между единичными вещами, — т. е. ихъ *сосуществованія*, *преемства* и *причинной связи*, какъ особеннаго вида преемства, — въ сосуществованіи и преемствѣ отвѣчающихъ этимъ вещамъ и ихъ измѣненіямъ—идей?—

Несомнѣнно. Это прежде всего доказывается постоянствомъ связи между идеями индивидуальныхъ вещей и ихъ измѣненій, — отвѣчающей реальнымъ отношеніямъ ихъ *сосуществованія*.

Сосуществованіе индивидуальныхъ вещей и ихъ измѣненій представляется въ двухъ формахъ: какъ *сопредѣльность* въ пространствѣ, и какъ *современность* во времени. Сопредѣльность индивидуальныхъ вещей, наблюдаемая въ ихъ размѣщеніи, или расположеніи въ пространствѣ, отражается, у наблюдателя, *мѣстнымъ* колоритомъ представленій обитаемаго имъ міра: — т. е. поверхности обитаемой ими части планеты,—ея очертаній, оро-

шенія, ея произведеній и жителей, — и наблюдаемаго ежедневно звѣзднаго неба. Въ представленіяхъ этого рода выступаютъ, на первый планъ, обитаемая нами мѣстность города или деревни, затѣмъ, ея окрестностей; — выступаютъ ближайшія къ намъ, живущія съ нами лица,—наши помѣщенія,—вещи составляющія нашу собственность, и т. д.,—соотвѣтственно порядку сосуществованія всей этой индивидуальной дѣйствительности съ нами, и однѣхъ вещей съ другими.

Современность измѣненій индивидуальныхъ вещей нераздѣльна съ *преемствомъ* этихъ явленій. Непосредственное преемство измѣненій наблюдается въ совершающихся передъ нашими глазами явленіяхъ *рожденія*, *возрастанія*, *смерти* окружающихъ насъ живыхъ существъ,— въ преемствѣ переживаемыхъ нами перемѣнъ, общественныхъ и физическихъ: — совершающихся преобразованій общественныхъ законовъ и учрежденій, — смѣны временъ дня и года, и смѣны переживаемыхъ лѣтъ; и т. д. Многія изъ этихъ измѣненій представляются данными въ одно время, или *современными*.

Причинная связь измѣненій въ индивидуальныхъ вещахъ, какъ видъ ихъ непосредственнаго преемства, отражается въ мышленіи, подобно послѣднему. Такъ получается рефлексія причинной связи въ отдѣльныхъ случаяхъ *удара*, и вызваннаго имъ *сотрясенія*, или *движенія*,—случаяхъ *тренія* одной вещи о другую, и возбужденной имъ *теплоты*, — случаяхъ *нагрѣванія* какого нибудь тѣла, и произведеннаго имъ *расширенія* послѣдняго, или *взрыва*; и т. д.—

Обращаясь къ свойствамъ умственной рефлексіи индивидуальныхъ отношеній между единичными вещами, найдемъ, что она заключается ни въ чемъ другомъ, какъ во взаимномъ сопровожденіи отвѣчающихъ послѣднимъ индивидуальныхъ идей,—при чемъ въ составѣ, или содержаніи послѣднихъ выступаютъ, на первый планъ, единичныя идеи *отдѣльныхъ наблюденій* надъ тѣми или другими ихъ отношеніями. Такимъ образомъ, умственная рефлексія *сопредѣльности* двухъ вещей въ пространствѣ, т. е. положенія ихъ *рядомъ*, или *одной надъ другою* и т. д.,—заключается въ неизмѣнномъ сопутствіи индивидуальной идеи одной вещи — индивидуальной идеѣ другой, при чемъ выдающимся содержаніемъ обѣихъ идей будутъ единичныя идеи отдѣльныхъ наблюденій обѣихъ вещей въ ихъ *сопредѣльности*. Единичныя идеи отдѣльныхъ наблюденій, надъ индивидуальными отношеніями единичныхъ вещей, входятъ въ составъ ихъ индивидуальныхъ идей по тому же закону смежности, — вслѣдствіе современности наблюденій *ощущеніямъ*, вызываемымъ этими вещами, и уже представленнымъ въ составѣ ихъ индивидуальныхъ идей, и вслѣдствіе непосредственнаго слѣдованія ихъ за другими наблюденіями, также нашедшими мѣсто въ составѣ этихъ идей.—Такимъ образомъ, умственная рефлексія индивидуальныхъ отношеній между единичными вещами, можетъ быть разсматриваема, какъ дальнѣйшее развитіе рефлексіи всей исторіи реальныхъ отношеній къ нимъ—со стороны наблюдателя.—

ЯВЛЕНІЯ УМСТВЕННОЙ АНТИЦИПАЦІИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

307. Въ единичныхъ идеяхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, въ умственной рефлексіи послѣднихъ, въ порядкѣ ихъ внѣшней зависимости и внутренней связи; въ идеяхъ индивидуальныхъ вещей, и въ умственной рефлексіи ихъ индивидуальныхъ отношеній—мы имѣемъ самыя широкія обнаруженія управляющаго человѣческимъ мышленіемъ закона смежности, или свойственнаго мышленію стремленія къ рефлексіи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, въ порядкѣ ихъ непосредственнаго преемства и сосуществованія. Новымъ обнаруженіемъ того же закона служатъ, вытекающія изъ предыдущихъ, явленія *умственной антиципаціи* дѣйствительности.

Умственная антиципація дѣйствительности есть нѣкоторое преобразованіе *воспоминаній* объ ней; предусмотрѣніе будущаго есть только видоизмѣненная рефлексія прошлаго, — именно прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ. Подтвержденіемъ тому могутъ служить слѣдующія явленія умственной антиципаціи дѣйствительности: умственное *продолженіе* неоконченныхъ реальныхъ фактовъ, и ихъ неоконченнаго изложенія; умственное *превращеніе* реальныхъ внѣшнихъ *явленій* въ индивидуальныя *вещи* и ихъ *измѣненія*; наконецъ, умственная антиципація дѣйствительности въ формѣ *ожиданій* и *предчувствій*, опровергаемыхъ или оправдываемыхъ фактами.

308. Обратимся прежде всего къ *умственному продолженію* неоконченныхъ реальныхъ фактовъ, и ихъ изложеній.—Присутствуя при самомъ возникновеніи реаль-

ныхъ фактовъ, мы обыкновенно предупреждаемъ въ мысляхъ каждый шагъ ихъ дальнѣйшаго развитія, при быстромъ теченіи фактовъ, антиципація ихъ отличается тою же быстротою,—при медленномъ, она совершается также медленно. При первыхъ раскатахъ грома, антиципируются въ мысляхъ, обыкновенно слѣдующіе за ними, оглушительные удары —Заслышанныя нами, двѣ-три ноты музыкальнаго мотива вызываютъ умственное продолженіе послѣдняго даже и тогда, когда за этими нотами не послѣдовало остальныхъ.—Сказавшій одно или два слова извѣстной пословицы, часто не трудится продолжать послѣднюю слушатели оканчиваютъ ее въ своемъ умѣ.—Свидѣтель восхода солнца проектируетъ въ мысляхъ его возвышеніе надъ горизонтомъ; свидѣтель заката—предусматриваетъ его сокрытіе за горизонтомъ.—Наблюдающій движенія экипажей, животныхъ, людей, мысленно проектируетъ самыя линіи ихъ движеній, сообразуя съ ними направленіе своего собственнаго.—Первые зародыши въ другихъ какихъ нибудь чувствъ, привязанностей, обрисовываютъ, въ нашемъ умѣ, ихъ естественное развитіе, внушая намъ самимъ тотъ или другой образъ дѣйствій.—Во всѣхъ этихъ случаяхъ, мы имѣемъ умственное продолженіе реальныхъ фактовъ, въ тѣхъ моментахъ ихъ, которые еще не успѣли наступить, или не наступали вовсе. Разсматривая процессъ этого умственнаго продолженія, найдемъ, что въ этомъ явленіи умственной антиципаціи реальныхъ фактовъ нѣтъ ничего другого, кромѣ умственной рефлексіи послѣднихъ, во всемъ ихъ объемѣ, или во всѣхъ моментахъ ихъ развитія, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали одинъ за другимъ, въ отдѣльныхъ предшествующихъ опытахъ.

Изложеніе, или словесная передача, какихъ нибудь реальныхъ фактовъ, составлявшихъ личныя наблюденія или опыты излагателя, представляютъ сами реальный фактъ его дѣятельности, способный повторяться. Умственная антиципація изложенія будетъ, въ такомъ случаѣ, однимъ изъ примѣровъ умственнаго продолженія реальнаго факта. Когда начатый разсказъ прерывается словами *слышали*; *знаемъ* встрѣчныя замѣчанія выражаютъ умственную антиципацію начатаго разсказа, какъ умственное продолженіе извѣстнаго неоконченнаго реальнаго факта. Другой видъ умственной антиципаціи изложенія мы имѣемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ нашемъ присутствіи, передаютъ факты, которыхъ мы сами были свидѣтелями здѣсь антиципируются—не фактъ изложенія, а факты излагаемые; антиципація, оправдываемая или опровергаемая изложеніемъ, высказывается словами *такъ*, и *не такъ*; *вѣрно*, и *не вѣрно*.—Въ томъ и другомъ случаѣ, умственная антиципація изложенія есть умственная рефлексія реальныхъ фактовъ въ ихъ извѣстномъ порядкѣ,—въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности изложенія, или въ порядкѣ, извѣстной намъ по опыту, исторіи излагаемыхъ фактовъ.

309. Перейдемъ ко второму виду умственной антиципаціи,—къ умственному *превращенію* реальныхъ внѣшнихъ *явленій*—въ индивидуальныя *вещи*, и ихъ *измѣненія*. Человѣкъ, разсматриваемый въ текущихъ фактахъ его внѣшнихъ наблюденій, живетъ собственно въ мірѣ *внѣшнихъ явленій*,—т. е. собственныхъ *ощущеній*,—но чувствуетъ себя живущимъ въ мірѣ *вещей*, и ихъ измѣненій. Эти чувства даются ему, въ каждую минуту его бодрствен-

наго сознанія тою умственною антиципаціею, которая состоитъ въ *дополненіи* текущихъ *ощущеній идеями*, по закону смежности. Текущія зрительныя ощущенія видимыхъ намъ *фигуръ*, ихъ *цвѣта*, *движеній*, дополняются осязательными и мускульно-осязательными идеями *плотности*, *объема*, *температуры*,—слуховыми идеями *звуковъ*, *голоса*, *рѣчи*,—обонятельными—*запаховъ*,—сложными идеями *дѣйствій*, *готовностей*, и т. д. Зрительная панорама превращается такимъ образомъ въ видимую *часть міра*.—Точно также, *звуки* невидимыхъ намъ вещей, *голоса* невидимыхъ намъ животныхъ и людей, дополняемые идеями другихъ явленій тѣхъ же вещей, животныхъ, людей,—позволяютъ намъ въ потьмахъ, и въ заключеніи, или уединеніи, чувствовать себя живущими въ ихъ реальной средѣ. Масса слышимыхъ нами звуковъ достаточна для полнаго оживленія, въ нашихъ мысляхъ, издающихъ эти звуки предметовъ.—Тоже дѣлаетъ *осязаніе*, въ глухихъ и темныхъ мѣстахъ, когда ощущенія приводимыхъ въ движеніе оконечностей ведутъ за собою отчетливую рефлексію осязаемой реальности. Это дополненіе ощущеній идеями, превращающее нашъ міръ явленій въ міръ индивидуальныхъ вещей и ихъ измѣненій, представляетъ особенный видъ умственной антиципаціи дѣйствительности, въ порядкѣ смежности прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, какъ она отражается въ идеяхъ индивидуальныхъ вещей и ихъ измѣненій.

310. Обратимся, наконецъ, къ явленіямъ умственной антиципаціи въ формѣ *ожиданій* и *предчувствій*, оправдываемыхъ или опровергаемыхъ фактами. — Ожидаемыя событія можно раздѣлить на два класса: событія бывшія

въ простой связи *преемства* и *сосуществованія*; и событія находившіяся къ другимъ въ отношеніяхъ *причинности*.—Ожиданія событій перваго рода часто опровергаются послѣдующими фактами, ожиданія событій второго рода обыкновенно оправдываются.—Ожиданія событій перваго рода наблюдаются, напр., въ ожиданіяхъ яснаго дня, послѣ яснаго вечера,—жаркаго лѣта, послѣ теплой весны,—равно какъ въ ожиданіяхъ многихъ постоянныхъ преемствъ и сосуществованій въ природѣ,—напр., постоянной окраски растеній и животныхъ, постоянствъ въ ихъ размѣрахъ; и т. д.—Къ ожиданіямъ событій, находящихся въ причинной связи съ другими, принадлежатъ ожиданія *послѣдствій*. Такимъ образомъ, при движеніи руки къ огню, ожидается обжогъ, и связанная съ нимъ боль; при ударѣ о хрупкія вещи — ихъ раздробленіе; при погруженіи нѣкоторыхъ веществъ въ жидкость—ихъ раствореніе; при трещи рукъ, ихъ нагрѣваніе, и т. д.—Ясно, что умственная антиципація дѣйствительности, въ формѣ ожиданій будущихъ событій, ничѣмъ не отличается отъ умственной рефлексіи тѣхъ же событій—въ порядкѣ ихъ прошлой современности, или преемства, или причинной связи.

Тоже слѣдуетъ сказать о такъ-называемыхъ *предчувствіяхъ*, которыя, подобно ожиданіямъ, то сбываются, то не сбываются,—очевидно, по свойству самой связи предчувствуемыхъ событій—съ текущими, или извѣстными. Такимъ образомъ, предчувствія радостей *подарка*, *письма*, *личнаго поздравленія* и т. д., могутъ не сбыться, если такія заявленія вниманія, или дружбы, были случайностью, въ прежнее время, при тѣхъ же обстоятельствахъ, — и сбыться, если они вытекали, напр., изъ принятыхъ правилъ.—Напротивъ, предчувствія *обидъ*, *насилій*, отъ извѣ-

стныхъ лицъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, обыкновенно сбываются, какъ скоро опираются на вѣрное опредѣленіе характера лицъ.—Такимъ образомъ, предчувствія, какъ и ожиданія, представляютъ особенный видъ умственной антиципаціи, составляющій нѣкоторое видоизмѣненіе умственной рефлексіи прошлыхъ реальныхъ опытовъ, по закону смежности.—Разница между ожиданіями и предчувствіями заключается собственно въ томъ, что связь *предчувствуемыхъ* событій, съ текущими или извѣстными, не отражается въ нашемъ мышленіи съ достаточною отчетливостью.

НѢКОТОРЫЯ ЯВЛЕНІЯ УМСТВЕННАГО ПЕРЕНЕСЕНІЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

311. Есть явленія *умственнаго перенесенія* психической дѣйствительности, которыя объясняются одними дѣйствіями закона смежности. Сюда относятся всѣ явленія умственнаго перенесенія чувствъ и психическихъ готовностей,—во-первыхъ, съ ихъ *прямыхъ* условій, на *косвенныя;* во-вторыхъ, съ *условій*, на ихъ *другія* послѣдствія; и въ-третьихъ, съ условій, на *среду* дѣйствія послѣднихъ, и ихъ случайныя *сопровожденія.*

Обратимся къ явленіямъ перваго вида, т. е., къ явленіямъ *умственнаго перенесенія* чувствъ и психическихъ готовностей, съ ихъ *прямыхъ* условій—на *косвенныя.*—Такимъ образомъ, *испугъ*, вызванный *прикосновеніемъ* къ какимъ нибудь вещамъ, способенъ позднѣе удерживать не только отъ этого прикосновенія, но и отъ *прибли-*

женія къ нимъ, составляющаго условіе послѣдняго, и слѣдовательно, предусматриваемаго только въ качествѣ косвенной причины повторенія волненія.—*Нѣжныя* чувства поощряютъ и тѣ дѣйствія, которыя составляютъ лишь средства къ свиданію съ предметами любви.—Такія вліянія чувствъ основаны на перенесеніи ихъ, съ однихъ дѣйствій на другія,—съ дѣйствій бывшихъ ихъ условіями—на дѣйствія находившіяся въ смежности съ послѣдними,—т. е. непосредственно предварявшія ихъ. Послѣднія даютъ умственную антиципацію первыхъ; эти, въ свою очередь, позволяютъ предчувствовать вызванныя ими раньше чувства. Такимъ образомъ, косвенныя реальныя условія чувствъ, отражаясь въ мысляхъ вмѣстѣ съ прямыми условіями послѣднихъ, сопровождаются умственною рефлексіею своихъ реальныхъ косвенныхъ послѣдствій, и ихъ обратнаго вліянія, удерживающаго или поощряющаго. Отсюда ясно, что косвенный вызовъ чувствъ, и ихъ обратное косвенное вліяніе,—иначе вызовъ, и вліяніе, *по перенесенію*,—суть простое послѣдствіе воспроизведенія въ мысляхъ реальной *корреляціи* чувствъ и дѣйствій,—т. е. ихъ реальной смежности.

312. Перейдемъ къ перенесенію чувствъ, и психическихъ готовностей, на *другія послѣдствія* вызвавшихъ ихъ причинъ. Такимъ образомъ, чувство *досады*, возбужденное кѣмъ нибудь, можетъ перейти на его отношенія къ другимъ,—связи, знакомства, — на его успѣхи, неудачи, и т. д.—*Любовь*, вызванная лицомъ, способна переходить на его поступки, произведенія, родство; и т. д.—Въ этихъ явленіяхъ умственнаго перенесенія чувствъ и психическихъ готовностей, мы находимъ перенесеніе ихъ,

съ дѣйствій или отношеній, ихъ вызвавшихъ, на дѣйствія и отношенія имъ *современныя*, и находящіяся въ зависимости отъ тѣхъ же *причинъ*,—т. е. нравственныхъ и физическихъ свойствъ того же самаго лица

Вліяніе закона смежности, или стремленіе человѣческаго мышленія къ рефлексіи психической дѣйствительности, въ простомъ порядкѣ ея непосредственнаго преемства и сосуществованія,—нигдѣ можетъ-быть не открывается съ такою наглядностью, какъ въ явленіяхъ перепесенія чувствъ и психическихъ готовностей, съ вызвавшихъ ихъ дѣйствій, на *среду* послѣднихъ, и ихъ *случайныя сопровожденія*. Такимъ образомъ, волненія *страха*, *гнѣва*, *нѣжности*, *удивленія*, и т. д., переносятся на *мѣстность*, гдѣ пришлось ихъ испытать; на *время*, — дни и мѣсяцы,—когда они были пережиты, на *общество*, въ присутствіи котораго они были вызваны; на *вещи* бывшія съ лицами, вызвавшими эти чувства; на самыя *положенія*, въ которыхъ они находились въ моментъ своихъ дѣйствій ставшихъ причиною волненій; и т. д.—

НѢКОТОРЫЯ ЯВЛЕНІЯ ПОГРѢШНОСТЕЙ МЫШЛЕНІЯ.

313. Многія явленія *погрѣшностей мышленія* вытекаютъ также изъ дѣйствій закона смежности. Таковы, напр., тѣ погрѣшности, которыя зависятъ—отъ *постоянства* стремленій мышленія къ рефлексіи реальныхъ фактовъ, въ данномъ порядкѣ ихъ непосредственнаго преемства и сосуществованія,—и отъ *непостоянства* этого порядка. Сюда относятся, во-первыхъ, явленія такъ-называемой *умственной отсталости*, отъ дѣйствительнаго

положенія вещей,—или *незнанія измѣненій* въ окружающемъ *обществѣ:*—преобразованій въ учрежденіяхъ, обычаяхъ, нравахъ; совершившихся перемѣнъ въ политическомъ положеніи народовъ и государствъ; измѣненій въ положеніи и состояніи частныхъ лицъ; новостей въ мірѣ наукъ, искуствъ, литературы, изобрѣтеній, матеріальныхъ улучшеній; и т. д.—Сюда относятся, во-вторыхъ, различные виды *ошибочной антиципаціи* явленій и дѣйствій. — напр., когда напрасно ожидаютъ *продолженія* какихъ нибудь явленій или дѣйствій; когда безплодно ждутъ *повторенія* встрѣчи событій, бывшей простою случайностью; когда не находятъ *дѣйствій*, задержанныхъ какими нибудь отрицательными условіями; и т. д.—Тотъ и другой классъ погрѣшностей мышленія зависитъ отъ дѣйствій закона смежности,—именно, отъ умственной рефлексіи реальныхъ фактовъ, въ порядкѣ болѣе не существующемъ, или не наступающемъ,—а слѣдовательно, когда-то существовавшемъ.

---

314. Мы разсмотрѣли главныя явленія *историческаго* направленія человѣческаго мышленія,—иначе умственной рефлексіи прошлыхъ психическихъ фактовъ—во всей *индивидуальности* ихъ содержанія и порядка. Мы нашли, что эти явленія объясняются еще болѣе элементарнымъ стремленіемъ мышленія—къ рефлексіи тѣхъ же фактовъ въ порядкѣ ихъ *непосредственнаго преемства* и *сосуществованія,*—т. е. *закономъ смежности.*—Наше изложеніе настоящаго предмета было бы не полно, если бы мы не указали отношенія разсмотрѣнныхъ нами явленій мышле-

нія, къ содержанію нѣкоторыхъ популярныхъ терминовъ послѣдняго,— каковы: *память*, *воспоминаніе*, *припоминаніе*, *представленіе*, *смыслъ*, *воображеніе*.

Память. Чтобъ опредѣлить коренное значеніе слова *память*, въ его народномъ употребленіи,—мы должны обратиться къ послѣднему выводу, изъ всего предыдущаго изложенія, относительно умственной рефлексіи прошлой психической дѣйствительности, по закону смежности.

Разсматривая *главныя явленія* умственной рефлексіи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, мы не касались до сихъ поръ вопроса объ ея *объемѣ* и *степеняхъ*, въ каждую минуту бодрственнаго и здороваго состоянія человѣка. Вопросъ этотъ можно поставить слѣдующимъ образомъ. *Закономъ смежности* мы называемъ постоянное стремленіе мышленія человѣка къ рефлексіи его прошлой психической дѣйствительности, въ порядкѣ ея непосредственнаго преемства и сосуществованія. Такъ какъ порядокъ непосредственнаго преемства и сосуществованія прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, есть порядокъ *индивидуальной исторіи* реальнаго психическаго существованія человѣка: то ясно, что законъ смежности направляется къ рефлексіи *реальной психической исторіи* каждаго человѣка, и *успѣваетъ* въ этомъ,—какъ видно изъ всѣхъ явленій *историческаго* направленія человѣческаго мышленія. — Но спрашивается: въ какомъ *объемѣ*, и въ какой *степени*, этотъ успѣхъ достигается—въ каждую данную *минуту* бодрственнаго и здороваго состоянія человѣка?—

Отвѣчаемъ:—всегда въ *одномъ и томъ же объемѣ*,—хотя и не въ одинаковой степени; — а именно, въ *цѣ-*

ломъ объемѣ реальной психической исторіи каждаго человѣка, начиная съ первыхъ лѣтъ его дѣтства. — Это вытекаетъ, прежде всего, изъ данныхъ теоріи законовъ ассоціаціи,—смежности и сходства. Такъ какъ психическое существованіе человѣка, въ бодрственномъ и здоровомъ состояніи, представляетъ непосредственное преемство слѣдующихъ другъ за другомъ реальныхъ фактовъ то ясно, что умственная рефлексія одного изъ этихъ преемственныхъ фактовъ должна вести, по закону смежности, къ рефлексіи и всѣхъ слѣдующихъ за нимъ, доходя до самыхъ текущихъ реальныхъ опытовъ; — слѣдовательно, къ рефлексіи всей слѣдующей за нимъ реальной психической исторіи каждаго человѣка. Такимъ образомъ, каждый прошлый реальный психическій фактъ, въ отсутствіи всякихъ препятствій, долженъ освѣщать въ мышленіи всякаго всю послѣдующую реальную психическую исторію его; и это освѣщеніе должно быть тѣмъ обширнѣе, или объемистѣе, чѣмъ дающій его фактъ будетъ ближе къ первымъ лѣтамъ дѣтства. — Далѣе, ученіе другого закона ассоціаціи, о которомъ предстоитъ говорить въ слѣдующей главѣ, приводитъ къ заключенію, что нѣтъ такого *ощущенія*, или *внѣшняго явленія*, между чувственными опытами здороваго человѣка, — которое не могло бы вызвать въ немъ идей прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, изъ всѣхъ эпохъ индивидуальной психической исторіи человѣка, начиная первыми лѣтами его психическаго существованія. — Отсюда слѣдуетъ, что въ каждую минуту бодрственнаго и здороваго состоянія, человѣкъ долженъ владѣть умственною рефлексіею *всей* прошлой реальной исторіи своего психическаго существованія,—хотя бы и въ различной степени.

315. Эти заключенія теоріи законовъ умственной рефлексіи—оправдываются ли фактами? Можно ли, опираясь на факты, утверждать, что человѣкъ, каждую минуту своего бодрственнаго и здороваго состоянія, находится въ *сознаніи* своей прошлой реальной психической исторіи?—Несомнѣнно. Бодрственное сознаніе здороваго человѣка нельзя исчерпать—ни идеальнымъ сознаніемъ текущихъ реальныхъ опытовъ; ни реальнымъ сознаніемъ, даннымъ въ этихъ реальныхъ опытахъ, ни идеальнымъ сознаніемъ даннымъ въ текущихъ умственныхъ операціяхъ, ни всѣми этими видами сознанія, взятыми вмѣстѣ. Въ бодрственномъ и здоровомъ сознаніи своемъ, человѣкъ, вмѣстѣ съ текущими умственными операціями, находитъ неизмѣримо-богатый *матеріалъ* этихъ операцій, который можетъ быть данъ ему только рефлексіею, въ идеяхъ, всей прошлой дѣйствительности его личнаго существованія.

Правда, что это сознаніе прошлой психической исторіи, въ ея реальныхъ фактахъ, имѣетъ, у человѣка, различныя *степени ясности*, совпадающія главнымъ образомъ со степенями *разстоянія* прошлыхъ фактовъ, отъ его текущихъ опытовъ, зависящаго отъ рефлексіи первыхъ, въ идеяхъ, по закону смежности, въ порядкѣ ихъ историческаго теченія: но эти разницы сознанія—прошлаго не отрицаютъ самаго факта этого сознанія, какъ умственной рефлексіи всей прошлой реальной психической исторіи каждаго человѣка,—рефлексіи, данной въ каждую минуту его бодрственнаго и здороваго состоянія.—Эта-то умственная рефлексія и составляетъ, по нашему мнѣнію, главное народное значеніе слова *память*.

316. Доказательства тому мы находимъ въ слѣдующихъ обстоятельствахъ во-первыхъ, въ народномъ упо-

требленіи, въ томъ же смыслѣ, словъ: *память* человѣка, и *сознаніе* человѣка. Одно и то же выражаютъ словами: *быть въ памяти*, и *быть въ сознаніи*; *выйти изъ памяти*, и *выйти изъ сознанія*; *притти въ память*, и *притти въ сознаніе*. А сознаніе въ такихъ случаяхъ употребляется, между прочимъ, въ смыслѣ сознанія реальнаго прошлаго; — напр., когда потеря сознанія означаетъ лишеніе сознанія своихъ отношеній къ дѣтямъ, родству, знакомымъ; и т. д.—Во-вторыхъ, слѣдуя народному употребленію, память, въ смыслѣ явленій мышленія, отличаютъ отъ всѣхъ умственныхъ операцій,—напр. *воспоминаній, припоминаній*, *воображенія*, и т. д.; но въ то же самое время считаютъ ее *матеріаломъ* для всѣхъ умственныхъ операцій,—т. е. приписываютъ памяти ту самую роль, какая свойственна умственной рефлексіи прошлой дѣйствительности по закону смежности. Въ-третьихъ, сравнивая свою память, съ состояніемъ людей потерявшихъ ее въ нѣкоторой долѣ, каждый найдетъ, что его память заключается въ томъ, что онъ, въ каждую минуту своего психическаго существованія, находится въ *актуальномъ* обладаніи своими умственными богатствами, т. е. идеями своей прошлой дѣйствительности. Потому что подобная потеря бываетъ и *преходящею;* слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ не отсутствіе *потенцій* памяти, или идей,—а отсутствіе памяти, въ смыслѣ *отсутствія нѣкоторыхъ идей*—въ текущемъ мышленіи человѣка.—Наконецъ, только такимъ пониманіемъ смысла слова *память*, устраняются нѣкоторыя затрудненія, при объясненіи значенія другихъ терминовъ, какъ *воспоминаніе*, *забвеніе*, *припоминаніе* и т. д.

317. *Воспоминаніе*, по обыкновенному употребленію слова, не есть прибавленіе къ текущему сознанію совершенно новаго содержанія, а есть *преходящая* форма его постояннаго пассивнаго содержанія, въ ряду многихъ другихъ, такихъ же, преходящихъ формъ, называемыхъ *умственными операціями*. Текущія воспоминанія суть преобразованія пассивныхъ актовъ памяти—въ дѣятельные. Поэтому-то, человѣкъ можетъ просить другихъ не *вызывать* въ немъ какихъ нибудь воспоминаній, предчувствуя всю горечь ихъ,—т. е., обнаруживая сознаніе или память ихъ содержанія, раньше ихъ наступленія. Воспоминанія суть преобразованія неясныхъ пассивныхъ рефлексій прошлой психической дѣйствительности, въ акты нѣкотораго *вниманія* къ ихъ предметамъ, уничтожающіе эту неясность, которая была свойственна имъ вслѣдствіе ихъ разстояній отъ текущихъ реальныхъ психическихъ фактовъ.—Это преобразованіе совершается, прежде всего въ силу тѣхъ законовъ *сближенія* прошлаго съ текущимъ, о которыхъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ; и во-вторыхъ, подъ вліяніемъ возбужденныхъ имъ чувствъ, отъ которыхъ всего болѣе зависитъ его *направленіе*, степень *отчетливости*, и *продолженіе*. Но это преобразованіе пассивной умственной рефлексіи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, не уничтожаетъ ея первоначальнаго характера,—характера рефлексіи прошлыхъ фактовъ—въ порядкѣ ихъ *реальной исторіи*,—т. е. непосредственнаго преемства и сосуществованія.

318. *Забвеніе*, по обыкновенному употребленію слова, означаетъ, не потерю памяти, или сознанія,—напр. отъ старости, или отъ болѣзни,—а нѣкоторую *недостаточ-*

ность воспоминаній,—если только не простое отсутствіе ихъ. Къ выдающимся недостаткамъ воспоминаній относятся во-первыхъ, ихъ *неотчетливость*, — недостатокъ *интенсивности* содержащихся въ нихъ идей, не поправимый никакими умственными усиліями. Такъ забывается нѣкоторая доля всѣхъ реальныхъ психическихъ фактовъ,—вслѣдствіе такъ-сказать недостаточной помѣты ихъ, въ сознаніи, въ самыя минуты ихъ теченія,—что оставляетъ нѣкоторые темные пункты въ нашихъ единичныхъ идеяхъ дѣйствительности. Сюда относятся, во-вторыхъ, факты *несостоявшихся воспоминаній*, вслѣдствіе отрицательныхъ условій, встрѣченныхъ ими въ текущихъ психическихъ опытахъ, или идеяхъ. Такого рода забвеніе не отрицаетъ присутствія памяти, или умственнаго сознанія, забытыхъ вещей. Мы можемъ забыть, напр., названія какихъ нибудь вещей, лицъ, произведеній,—и въ то же время настолько помнить ихъ, чтобы съ увѣренностью сказать, что подсказываемыя намъ названія—не тѣ что мы забыли. Ясно, что идеи такихъ названій присущи нашему текущему умственному сознанію но сдѣлать ихъ содержаніемъ *воспоминаній* мы не можемъ въ извѣстную минуту, вслѣдствіе нѣкоторыхъ препятствій для такой умственной операціи. Эти препятствія могутъ заключаться, напр., въ отсутствіи сходства такихъ названій съ словами вертящимися на языкѣ; въ отсутствіи у нихъ отношеній непосредственнаго преемства и сосуществованія, съ фактами составляющими содержаніе текущихъ воспоминаній и другихъ умственныхъ операцій; или, наконецъ, въ случайныхъ направленіяхъ умственныхъ операцій, подъ вліяніемъ текущихъ чувствъ и намѣреній.

319. *Припоминаніе* означаетъ, въ народномъ языкѣ, преимущественно *затрудненное*, или *усиленное*, воспоминаніе. Припоминаніе, въ этомъ смыслѣ, можемъ имѣть успѣхъ, и остаться безплоднымъ,—смотря по характеру того недостатка воспоминаній, который оно пытается устранить. Припоминаніе того что̀, въ содержаніи памяти, представлено идеями, не обладающими достаточною интенсивностью, должно остаться безуспѣшнымъ. Но если забвеніе, преодолѣваемое припоминаніемъ, принадлежитъ ко второму изъ указанныхъ нами видовъ его то послѣднее можетъ достигнуть своей цѣли, или перейти въ обыкновенное *воспоминаніе*, устраняя встрѣченныя имъ препятствія,—напр., задерживая уже состоявшіяся воспоминанія до тѣхъ поръ, пока въ составъ ихъ не войдетъ какая нибудь идея, позволяющая найти забытое, по *смежности* или *сходству*.

Представленія, по употребленію этого выраженія у многихъ психологовъ, находящему свое оправданіе и въ народной рѣчи,—означаютъ тѣ умственныя явленія, которыя получаются изъ *единичныхъ идей* дѣйствительности, черезъ сообщеніе послѣднимъ—какъ пассивнымъ—характера *дѣятельнаго*, или характера *умственныхъ дѣйствій*. Въ такомъ случаѣ, содержаніе единичныхъ идей дѣйствительности, и содержаніе *представленія*, одно и тоже: вся разница между ними и заключается въ дѣятельномъ характерѣ послѣднихъ, сообщаемомъ первымъ вызываемыми ими чувствами.

Слово *смыслъ* означаетъ обыкновенно различные виды *умственной антиципаціи* дѣйствительности; напр., такъ-

называемый *дѣтскій смыслъ* означаетъ, между прочимъ, антиципацію послѣдствій нѣкоторыхъ реальныхъ дѣйствій, или движеній,—напр. приближенія руки къ огню свѣчи; и т. д.—

320 Есть *воображеніе*, основанное отчасти на дѣйствіи закона смежности, подъ вліяніемъ нѣкотораго волненія,—и заключающееся въ томъ особенномъ преобразованіи *воспоминаній*, которое состоитъ въ умственной рефлексіи только *нѣкоторыхъ* чертъ прошлыхъ реальныхъ фактовъ или извѣстной намъ дѣйствительности, — а именно, *крупныхъ*, не точно называемыхъ *общими*. Содержаніе памяти становится содержаніемъ этого *воображенія*, въ такомъ видѣ, при которомъ не существуетъ *яснаго* сознанія ни времени, ни мѣстъ, ни многихъ другихъ обстоятельствъ, представляемыхъ содержаніемъ прошлыхъ реальныхъ фактовъ. Это сглаживаніе нѣкоторой *конкретности* индивидуальныхъ явленій, вещей и ихъ отношеній, происходитъ отчасти подъ вліяніемъ пріятнаго волненія, вызываемаго такою полуинтенсивностью ихъ идей,—такою отрѣшенностью, или свободою, отъ нѣкоторыхъ подробностей отражаемыхъ ими фактовъ, — и составляющаго косвенное *отрицательное* условіе перехода актовъ воображенія въ простыя воспоминанія.—Такое воображеніе есть одна изъ операцій *поэтическаго* творчества, сообщающихъ послѣднему его двойственный характеръ,—а именно въ одно и тоже время—и *отвлеченный* и *конкретныя*, но въ составъ поэтическаго творчества она входитъ съ тѣми ограниченіями, или съ тѣмъ выборомъ ея произведеній, какой дѣлается поэтами, въ силу ихъ эстетическаго вкуса, и художественныхъ или другихъ цѣлей.

321. Отъ *воображенія* по закону смежности, и тѣхъ фактовъ *забвенія*, которые не исключаютъ безусловно памяти,—удобно притти къ объясненію, во-первыхъ, тѣхъ *разницъ сознанія*, которыя замѣчены нами (§ 295) въ элементахъ единичныхъ идей прошлой дѣйствительности, при произвольномъ выпускѣ, или сокращеніи, ихъ; и во-вторыхъ, такъ-называемой *отвлеченной идеи времени*.— Если умственная рефлексія прошлой исторіи дѣйствительности, по закону смежности, получаетъ такой видъ, при которомъ, составляющія эту рефлексію, *единичныя идеи* прошлыхъ реальныхъ фактовъ уравниваются, по своей интенсивности, съ тѣмъ что мы назвали ихъ *темными пунктами* (§ 318), и въ сознаніи остается одно *преемство* прошлыхъ реальныхъ фактовъ: то такая умственная рефлексія дѣйствительности и будетъ составлять то, что называютъ *отвлеченною идеею времени*. При этомъ— *прошлое* означаетъ *преемство воспоминаемаго*; *будущее*— *преемство антиципируемаго* въ мысли; между тѣмъ какъ *настоящимъ* остается *преемство текущей* психической *дѣйствительности*.

ГЛАВА II.

РЕФЛЕКСІЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВЪ МЫШЛЕНІИ.

(продолженіе.)

Происхожденіе *логическаго* направленія человѣческаго мышленія — Явленія узнаванія. — Явленія умственной ретроспекціи. — Явленія умственной коллигаціи. — Явленія сравненія — Общія идеи индивидуальной дѣйствительности — Общія умственныя рефлексіи отношеній. — Явленія умственнаго анализа. — Явленія абстракціи — Нѣкоторыя явленія умственнаго перенесенія. — Явленія симпатіи. — Явленія увѣренности. — Нѣкоторыя погрѣшности мышленія — Популярные термины логическаго мышленія.

Происхожденіе логическаго направленія человѣческаго мышленія.

322. Изъ трехъ, основныхъ и непроизвольныхъ, направленій человѣческаго мышленія, — историческаго, логическаго и трансцендентнаго, мы разсмотрѣли, въ предыдущей главѣ, первое, т. е. *историческое*, или *обособляющее*,—источникомъ котораго служитъ одинъ изъ двухъ великихъ законовъ умственной рефлексіи, или *ассоціаціи*, именно *законъ смежности*.—Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть происхожденіе втораго направленія человѣче-

скаго мышленія,—*логическаго*, или *обобщающаго*,—стремленія мышленія къ рефлексіи прошлой дѣйствительности—во всей ея *общности*,—или къ рефлексіи всего *общаго* прошлымъ реальнымъ психическимъ фактамъ.

Началомъ всякаго *обобщенія* фактовъ, и слѣдовательно, *источникомъ логическаго* направленія мышленія, служитъ второй законъ ассоціаціи, именно *законъ сходства*.—*Общее* фактамъ есть только *сходное* въ нихъ; *рефлексія общаго* въ прошлыхъ фактахъ, есть только *рефлексія сходнаго* въ тѣхъ же фактахъ. Сходное въ *прошлыхъ* реальныхъ психическихъ фактахъ освѣщается въ мышленіи, только въ случаѣ ихъ сходства съ *текущими;* а въ умственной рефлексіи прошлаго, сходнаго съ текущимъ, и открывается дѣйствіе *закона сходства*. Потому что, подъ закономъ сходства, мы не разумѣемъ ничего другого, кромѣ свойственнаго мышленію, *стремленія* къ *рефлексіи прошлыхъ* реальныхъ психическихъ фактовъ, насколько послѣдніе *сходны* съ *текущими реальными фактами*, или съ *идеями* данными въ *текущихъ умственныхъ операціяхъ*.

Чтобы видѣть указываемое нами значеніе *закона сходства*, для *логическаго* направленія человѣческаго мышленія, разсмотримъ происхожденіе *главныхъ явленій обобщенія*. Сюда относятся. явленія *узнаванія* текущей дѣйствительности; явленія *умственной коллиціи* реальныхъ фактовъ; явленія *сравненія* и *уподобленія* послѣднихъ; явленія *общихъ идей* и *общихъ умственныхъ рефлексій*; явленія *умственнаго анализа*, *умственнаго перенесенія*, *симпатіи*, *увѣренности*, и нѣкоторыхъ *погрѣшностей мышленія*.

ЯВЛЕНІЯ УЗНАВАНІЯ ТЕКУЩЕЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

323. Явленія *узнаванія* текущей дѣйствительности представляютъ собою тотъ видъ *обобщенія*, который, прямо или косвенно, служитъ *исходною точкою* для всѣхъ другихъ явленій логическаго направленія мышленія.

Обобщеніе дѣйствительности состоитъ въ умственной рефлексіи *общаго двумъ*, или *многимъ*, реальнымъ фактамъ. Фактъ *одинокій*, или самъ по себѣ, не доступенъ обобщенію. Количествомъ обобщаемыхъ фактовъ опредѣляется *объемъ* или *широта* обобщенія; количествомъ *чертъ общихъ* реальнымъ фактамъ, опредѣляется *содержаніе* обобщенія, или *содержимое* обобщаемыхъ фактовъ.

Явленія *узнаванія* заключаютъ въ себѣ два послѣдствія *закона сходства*: во-первыхъ, *прямое*,—обобщеніе *прошлыхъ* реальныхъ фактовъ съ *текущими;* и во-вторыхъ, *косвенное*,—обобщеніе *прошлыхъ* реальныхъ фактовъ *другъ съ другомъ*,—зависящее отъ обобщенія ихъ съ текущими фактами.

Узнаваніе есть, во-первыхъ, *обобщеніе прошлыхъ* реальныхъ фактовъ съ *текущими*, заключающееся въ *полномъ отожествленіи* послѣднихъ съ первыми. Такое отожествленіе прошлыхъ фактовъ съ текущими возможно только подъ двумя условіями: подъ условіемъ *присутствія идей* тѣхъ и другихъ фактовъ, — потому что отожествленіе *фактовъ* есть отожествленіе ихъ—въ ихъ *идеяхъ*,—и подъ условіемъ *тожества* идей прошлаго, съ идеями реальнаго текущаго: потому что отожествленіе фак-

товъ есть признаніе *ихъ тожества*, опирающееся на сознаніе *тожества* отражающихъ ихъ *идей*.

Узнаваніе *текущей дѣйствительности* не можетъ не заключать въ себѣ умственной рефлексіи текущихъ реальныхъ опытовъ въ параллельныхъ имъ идеяхъ (§§ 285—287). Такимъ образомъ, въ актахъ узнаванія текущихъ реальныхъ фактовъ всегда присущи идеи этихъ фактовъ. Слѣдовательно, одно обстоятельство, включенное нами въ первое условіе явленій узнаванія,—именно, присутствіе идей *текущихъ* реальныхъ фактовъ, несомнѣнно дано въ каждомъ актѣ узнаванія послѣднихъ.—Остается другой вопросъ идеи *прошлаго*, т. е. прошлыхъ реальныхъ фактовъ, присущи ли актамъ узнаванія текущей дѣйствительности?—

Отвѣчаемъ утвердительно. Идеи текущихъ реальныхъ фактовъ, получаемыя въ минуты самаго теченія послѣднихъ, даютъ сознаніе настоящаго, безъ всякаго отношенія къ прошлому;—слѣдовательно, даютъ сознаніе текущихъ реальныхъ фактовъ, котораго нельзя назвать *узнаваніемъ* послѣднихъ: потому что узнаваніе текущей дѣйствительности означаетъ открытіе, въ текущемъ, *прошлаго*, — встрѣчу съ *извѣстнымъ*, или уже *испытаннымъ*, — что̀ не возможно безъ присутствія, въ актахъ узнаванія, идей этого прошлаго, извѣстнаго, или испытаннаго,—т. е. идей *прошлыхъ* реальныхъ фактовъ, въ одно время съ идеями *текущихъ*.

324. Вторымъ условіемъ узнаванія текущей дѣйствительности мы признали полное сходство, или *тожество*, идей прошлыхъ реальныхъ фактовъ, съ идеями текущихъ. Спрашивается: акты узнаванія текущихъ реаль-

ныхъ фактовъ, дѣйствительно ли, могутъ состояться только при сходствѣ, именно полномъ,—иначе тожествѣ—идей *прошлыхъ* реальныхъ фактовъ, съ идеями *текущихъ*?

Отвѣчаемъ, опять, утвердительно. Какъ скоро, въ прошломъ человѣка, не было ничего сходнаго съ его настоящимъ, или, въ его памяти, не содержится идей прошлыхъ реальныхъ фактовъ, сходныхъ съ текущими,—узнаваніе послѣднихъ не состоится, иначе сказать, вмѣсто явленій *узнаванія* мы получимъ явленія *неузнаванія*. Такъ это именно и бываетъ съ человѣкомъ, при всѣхъ опытахъ его, составляющихъ для него полную *новость*; напр. при первыхъ опытахъ неизвѣданной имъ *болѣзни*, *страсти*, и т. д., человѣкъ *не узнаетъ* что съ нимъ дѣлается, или сдѣлалось.

Когда идеи прошлыхъ реальныхъ фактовъ не вполнѣ совпадаютъ съ идеями текущихъ, или не имѣютъ *тожества* съ послѣдними, — получаются *ошибки* узнаванія, или явленія *полуузнаванія*.

Такимъ образомъ, находясь на далекомъ разстояніи отъ какой нибудь вещи, или лица, человѣкъ часто принимаетъ ихъ за другія вещи, или лица. Это показываетъ, что въ мышленіи человѣка, пытающагося узнать издали видимые предметы, мелькаютъ идеи многихъ вещей и лицъ, часто *не тожественныхъ* съ видимыми, хотя почему-нибудь и *сходныхъ* съ ними. Присутствіе такихъ идей онъ выражаетъ обыкновенно словами. а я *думалъ-было*, что это такая-то вещь, или такое-то лицо. Итакъ, въ ошибочныхъ узнаваніяхъ, недостатка идей прошлой дѣйствительности не открывается:—несомнѣнно даже присутствіе идей прошлаго, сходнаго съ текущимъ; недостаетъ только *полноты* этого сходства, или *тожества*. Чело-

вѣкъ смѣшиваетъ *данное*, или реальное текущее, съ другимъ, извѣстнымъ ему изъ прошлыхъ опытовъ,—единственно вслѣдствіе характера тѣхъ идей прошлаго, которыя промелькнули, въ его сознаніи, по сходству съ текущимъ,—именно, *нетожества* ихъ съ идеями текущаго.

Тоже доказывается примѣрами *неполнаго* узнаванія, или *полуузнаванія*. Напр., когда свидѣтель, на судѣ, разсказывая объ отысканіи своей лошади, передаетъ ходъ узнаванія послѣдней въ такихъ выраженіяхъ: «вижу какую-то лошадь —моя и не моя; моя—по масти, росту», и т. д.; «не моя—такъ какъ грива короче, на плечѣ какой-то знакъ», и т. д. то въ этомъ актѣ полуузнаванія, и полунеузнаванія, мы находимъ опять присутствіе идеи вещи извѣстной изъ прошлыхъ опытовъ, и въ тоже время неполное совпаденіе этой идеи, съ идеею той же вещи, какъ она получается изъ текущихъ наблюденій надъ послѣднею,—вслѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ чертъ, приданныхъ ей именно съ цѣлью затруднить ея узнаваніе.

Итакъ, явленія узнаванія несомнѣнно заключаютъ въ себѣ акты отожествленія, и слѣдовательно, *обобщенія*, прошлыхъ реальныхъ фактовъ съ *текущею* дѣйствительностью.

325. *Вторымъ*, косвеннымъ, послѣдствіемъ закона сходства, заключающимся въ явленіяхъ узнаванія текущей дѣйствительности, мы назвали *обобщеніе* прошлыхъ реальныхъ фактовъ *другъ съ другомъ*, зависящее отъ обобщенія ихъ съ фактами текущими.

Обобщеніе прошлыхъ реальныхъ фактовъ другъ съ другомъ заключается въ *умственномъ сближеніи* ихъ, по ихъ *общему* содержанію, уничтожающемъ *разстоянія*

между этими фактами, сохраняющіяся въ *памяти* объ нихъ, и соотвѣтствующія различнымъ стадіямъ индивидуальной психической исторіи, къ которымъ относятся эти факты.

Спрашивается: въ явленіяхъ *узнаванія*, заключающихъ въ себѣ, какъ доказано, обобщеніе прошлыхъ реальныхъ фактовъ съ текущею дѣйствительностью, — содержится ли еще и другого рода обобщеніе,—а именно *умственное сближеніе прошлыхъ* реальныхъ фактовъ *сходныхъ* между собою?—

Несомнѣнно. Такое умственное сближеніе представляетъ много видовъ, изъ которыхъ одинъ мы уже встрѣтили въ примѣрахъ *ошибочныхъ* узнаваній вещей и лицъ, на далекихъ разстояніяхъ отъ нихъ. Пока съ приближеніемъ къ предметамъ не состоялось узнаваніе ихъ, въ умѣ наблюдателя проходитъ множество идей разныхъ вещей, видѣнныхъ въ разное время и сближенныхъ между собою только умственнымъ дѣйствіемъ узнаванія, по нѣкоторымъ сходствамъ съ наблюдаемымъ предметомъ и между собою.

Мы не будемъ однако останавливаться на такого рода эпизодическихъ и случайныхъ, для явленій узнаванія, умственныхъ сближеніяхъ прошлыхъ реальныхъ фактовъ; ограничимся разсмотрѣніемъ того вида обобщенія послѣднихъ, который, при извѣстной опытности узнающаго, входитъ неизбѣжно въ каждый актъ узнаванія текущей дѣйствительности, и который заключается въ *полномъ отожествленіи* прошлыхъ реальныхъ фактовъ другъ съ другомъ, зависящемъ отъ ихъ отожествленія съ текущими.

Итакъ, съ отожествленіемъ прошлыхъ реальныхъ фактовъ съ текущими, въ явленіяхъ узнаванія послѣдихъ, соединяется ли отожествленіе первыхъ другъ съ другомъ?—

326. Отвѣчаемъ: постоянно,—при извѣстной опытности узнающаго; точнѣе сказать,—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда узнаваемые факты были только разъ въ жизни предметами наблюденія. Говоримъ положительно при узнаваніи каждаго *текущаго* реальнаго факта, сближаются въ мышленіи всѣ *прошлые* факты, *тожественные* съ нимъ.

Сближеніе въ мышленіи тожественныхъ фактовъ ведетъ къ полному совпаденію идей этихъ фактовъ, затрудняющему прямое открытіе ихъ множественности. Но мы имѣемъ косвенное средство къ рѣшенію нашего вопроса, именно—въ одномъ, до сихъ поръ не разъясненномъ, обстоятельствѣ образованія *идей индивидуальныхъ вещей*.

Мы показали (§ 304), что идеи индивидуальныхъ вещей обязаны своимъ *содержаніемъ* собственно *закону смежности*, или стремленію мышленія къ рефлексіи прошлой дѣйствительности во всей ея индивидуальности. Говоря это, мы отнюдь не думали отрицать дѣйствія другого закона, именно закона сходства, при образованіи этихъ идей. Напротивъ, мы желали возбудить вопросъ объ этомъ, опредѣляя идею индивидуальной вещи, какъ умственную рефлексію всей исторіи отношеній *къ ней*,—т. е. *той же самой* вещи. *Тожество* индивидуальной вещи, составляющее одно изъ условій образованія содержанія ея идеи, по смежности,—и есть то обстоятельство, которое мы оставили тамъ не разъясненнымъ, потому что оно разъясняется только дѣйствіемъ закона сходства.

Тожество индивидуальной вещи имѣетъ два главныхъ смысла тожество вещи обладающей *различными свойствами*; и тожество вещи въ ея *исторіи*. — Пользуясь

примѣромъ, приведеннымъ выше (§ 304), мы можемъ сказать о *статуѣ*, что ея тожество означаетъ обладаніе, одною и тою же вещью, различными свойствами: нѣкоторою фигурою, нѣкоторымъ цвѣтомъ, блескомъ, температурою, вѣсомъ, плотностью; и т. д.;—и во-вторыхъ, присутствіе одной и той же вещи во всей исторіи отношеній къ ней ея обладателя,—осмотра статуи, покупки ея, доставки, помѣщенія, ухода за нею; и т. д —Перваго рода тожество индивидуальной вещи назовемъ ея *единствомъ*; второе—*постоянствомъ*.

Отожествленіе перваго рода происходитъ первоначально въ минуты самыхъ наблюденій надъ вещью, или перваго ознакомленія съ нею,—и опирается на совпаденія реальныхъ фактовъ представляющихъ ея свойства,—напр. на совпаденіе видимаго очерка статуи, съ ея осязаемою поверхностью; и т. д. Такого рода отожествленія могутъ состояться безъ пособія со стороны прошлыхъ опытовъ того же рода, или составить элементы сознанія *текущей* психической дѣйствительности (§§ 285—287). Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ содержаніе идеи индивидуальной вещи получается не вдругъ, или бываетъ послѣдствіемъ многократныхъ встрѣчъ съ послѣднею,—разсматриваемое отожествленіе не можетъ обойтись безъ помощи прошлыхъ наблюденій надъ нею, тожественныхъ съ нѣкоторыми текущими, и позволяющихъ новыя наблюденія, по смежности съ послѣдними, присоединить къ первымъ,—т. е. къ прежнему содержанію идеи этой вещи. Такимъ образомъ, единство вещей обладающихъ различными свойствами, подлежавшими наблюденію въ различное время, не можетъ быть дано безъ нѣкотораго отожествленія прошлыхъ реальныхъ отношеній къ ней съ текущими,—т. е. безъ отожествле-

ній второго рода,—безъ признанія ихъ тожества въ смыслѣ постоянства.

327. Теперь посмотримъ, въ какомъ отношеніи это второе отожествленіе индивидуальныхъ вещей находится къ явленіямъ ихъ узнаванія

Узнаваніе, какъ доказано, есть отожествленіе текущей дѣйствительности съ прошлою, испытанною раньше. Узнаваніе индивидуальной вещи будетъ отожествленіемъ вещи наблюдаемой, съ тою которая наблюдалась прежде. Спрашивается: какъ далеко простирается такое отожествленіе? — На всѣ прошлые опыты встрѣчи съ нею, или наблюденій надъ нею. Мы узнаемъ туже самую вещь, которую видѣли прежде, признавая ея тожество во всемъ извѣстномъ рядѣ нашихъ реальныхъ отношеній.

Что отожествленіе вещей простирается, въ явленіяхъ узнаванія, на всю исторію ихъ, какъ она была дана намъ въ нашихъ прошлыхъ опытахъ,—это особенно наглядно въ сознаніи каждымъ *личнаго тожества*. Въ каждомъ текущемъ психическомъ опытѣ, всякой узнаетъ свои прежніе опыты,—во всѣхъ опытахъ вмѣстѣ узнаетъ себя; и это узнаваніе себя въ настоящемъ, не возможно безъ извѣстнаго отожествленія настоящаго со всѣмъ прошлымъ,—настоящихъ реальныхъ опытовъ со всѣми прошлыми реальными опытами, т. е. съ опытами всѣхъ возрастовъ жизни, насколько они допускаютъ такое отожествленіе. Человѣкъ отожествляетъ себя, живущаго въ настоящемъ, съ собою, жившимъ въ прошломъ: такое отожествленіе не возможно безъ умственнаго сближенія всего прошлаго съ настоящимъ, или безъ идей всѣхъ прошлыхъ опытовъ, тожественныхъ съ текущими. — Тоже прилагается и ко всѣмъ внѣшнимъ вещамъ, узнаваемымъ нами; мы

узнаемъ въ нихъ тѣже вещи, съ которыми встрѣчались во всѣ періоды нашей личной исторіи. Такимъ образомъ, узнаваніе ихъ заключаетъ въ себѣ тожественныя идеи фактовъ изъ всѣхъ періодовъ нашей собственной исторіи.

Изъ этого слѣдуетъ, что явленія узнаванія, обобщая прошлое съ текущимъ, сближаютъ тожественное прошлое; и это умственное сближеніе прошлаго составляетъ условіе признанія *тожества* индивидуальныхъ вещей, въ ихъ исторіи для наблюдателя, и слѣдовательно, одно изъ условій, хотя и скрытное, самаго образованія тѣхъ *идей индивидуальныхъ вещей*, различныя свойства которыхъ подлежали наблюденіямъ въ различное время.

ЯВЛЕНІЯ УМСТВЕННАГО РЕТРОСПЕКТА.

328. Въ § 314, объясняя *память* человѣка, въ народномъ значеніи этого термина, именно, въ смыслѣ умственной рефлексіи всей прошлой реальной психической исторіи каждаго человѣка,—рефлексіи данной въ каждую минуту его бодрственнаго и здороваго состоянія, — мы замѣтили, что для полученія такого рода рефлексіи достаточно освѣтить въ сознаніи человѣка лишь нѣсколько отрывочныхъ пунктовъ изъ его реальной психической исторіи,—начиная съ первыхъ лѣтъ его дѣтства,—для того чтобъ освѣтилось и все остальное теченіе его психическаго существованія, до самыхъ послѣднихъ опытовъ, или его настоящаго. Потому что каждый прошлый реальный фактъ, отраженный въ идеѣ, имѣетъ свойство освѣщать, также въ идеяхъ, и всѣ слѣдующіе за нимъ реальные психическіе факты, по закону смежности. Это освѣщеніе, въ идеяхъ, нѣсколькихъ отрывочныхъ пунктовъ психиче-

ской исторіи человѣка, ведущее за собою умственную рефлексію всѣхъ ея фактовъ, — это отрѣшеніе отъ настоящаго и возвращеніе въ мысляхъ къ прошлому, мы и называемъ *явленіями умственнаго ретроспекта*.

Спрашивается, чѣмъ обусловлены такого рода умственныя явленія? — Законъ смежности позволяетъ итти только *впередъ*, — освѣщаетъ факты слѣдовавшіе за какими нибудь другими фактами; но какъ получить эти послѣдніе,—этого нельзя рѣшить изъ дѣйствій закона смежности.—Въ томъ же объясненіи памяти, мы сказали, что явленія называемыя нами теперь умственными ретроспекціями, обязаны своимъ происхожденіемъ *закону сходства*. Разсмотрѣнныя нами явленія *узнаванія* позволяютъ намъ оправдать это утвержденіе.

329. Явленія узнаванія индивидуальныхъ вещей окружающихъ человѣка составляютъ основу его бодрственнаго и здороваго сознанія, и не прерываются вполнѣ ни на одну минуту, отъ перваго пробужденія человѣка, послѣ сна,—до самаго состоянія сна, или аналогическихъ ему состояній обмороковъ, и другихъ болѣзненныхъ явленій. Можно сказать, что узнаваніе вещей, составляющихъ предметъ текущихъ внѣшнихъ наблюденій, и составляетъ психическую основу *пробужденія* человѣка *отъ сна*, какъ и его *бодрствованія*. Когда, послѣ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ припадковъ, человѣкъ *не приходитъ въ себя*,—это значитъ, что послѣ состояній, аналогическихъ съ состояніемъ сна, онъ не приходитъ въ другое состояніе, аналогическое съ пробужденіемъ отъ сна. опъ *не узнаетъ* окружающихъ вещей и себя самого, вслѣдствіе нервнаго разстройства, препятствующаго работѣ мышленія по закону сходства, или возникновенію идей, реальнаго прошлаго,

тожественнаго съ текущимъ, — что необходимо для узнаванія послѣдняго. Пробужденіе означаетъ узнаваніе среды окружающей спящаго· бодрствованіе — узнаваніе среды окружающей пробужденнаго, а съ узнаваніемъ окружающей среды, связано узнаваніе самого себя.

Такимъ образомъ, явленія узнаванія текущей дѣйствительности не прерываются въ теченіе всего бодрствованія человѣка, составляя его психическую основу. — Этого совершенно достаточно для такъ - называемыхъ нами *умственныхъ репроспекцій*, ведущихъ за собою умственную рефлексію всей прошлой реальной исторіи человѣка, или то что называютъ его *памятью*.

Въ самомъ дѣлѣ, узнаваніе себя въ какомъ бы то ни было реальномъ психическомъ фактѣ, — какомъ нибудь *ощущеніи*, *волненіи*, *дѣйствіи* и т. д., — какъ явленіе, заключающее въ себѣ, между прочимъ, умственное сближеніе всѣхъ прошлыхъ реальныхъ фактовъ, тожественныхъ съ текущими, — даетъ постоянно умственную рефлексію цѣлаго ряда прошлыхъ реальныхъ фактовъ, принадлежащихъ ко всѣмъ періодамъ индивидуальной психической исторіи человѣка и, слѣдовательно, способныхъ, по закону смежности, къ рефлексіи и всѣхъ остальныхъ фактовъ послѣдней.

Такимъ образомъ, гдѣ есть самоузнаваніе, тамъ должна быть и *память*, въ смыслѣ умственной рефлексіи всего прошлаго человѣка. А самоузнаваніе заключено въ каждомъ узнаваніи какой-бы то ни было *внѣшней дѣйствительности*, — каждаго внѣшняго явленія, каждой внѣшней вещи, и ихъ измѣненій. Потому что узнаваніе *внѣшняго явленія* есть узнаваніе, во внѣшнемъ текущемъ явленіи, одного изъ своихъ прошлыхъ чувственныхъ опы-

товъ. Узнаваніе *внѣшней вещи* есть узнаваніе, въ вещи наблюдаемой, цѣлой массы своихъ прежнихъ наблюденій. Словомъ, гдѣ есть узнаваніе не-себя, тамъ есть, въ тоже время, и узнаваніе себя. Слѣдовательно, достаточно какого бы то ни было узнаванія, чтобы вмѣстѣ съ этимъ получить и самоузнаваніе, а съ послѣднимъ умственную рефлексію всей реальной психической исторіи человѣка,— что, въ народѣ, называютъ его *памятью*. Этимъ и объясняются встрѣчающіяся въ народныхъ выраженіяхъ, указанія на связь *узнаванія* и *памяти*: *не узнаетъ — не помнитъ себя*.

ЯВЛЕНІЯ УМСТВЕННОЙ КОЛЛИГАЦІИ РЕАЛЬНЫХЪ ФАКТОВЪ.

330. Вслѣдъ за явленіями узнаванія,—какъ простѣйшій типъ явленій логическаго направленія мышленія, мы должны поставить явленія *умственной коллигаціи* реальныхъ фактовъ.

Для опредѣленія явленій умственной коллигаціи, припомнимъ данное намъ впереди дѣленіе *единичныхъ идей* реальныхъ фактовъ. Всѣ единичныя идеи реальныхъ фактовъ мы раздѣлили (§ 297) на два класса: *первичныя*, составляющія рефлексію фактовъ продолжавшихся безъ перерывовъ, — и *вторичныя*, составляющія рефлексію фактовъ, въ своемъ теченіи переплетавшихся съ другими фактами. Мы уже говорили, что послѣднія идеи реальныхъ фактовъ обязаны своимъ происхожденіемъ не только закону смежности, но и закону сходства. А именно, какъ рефлексіи *историческаго порядка* разрозненныхъ частей реальныхъ фактовъ,—вторичныя идеи ихъ суть произведеніе закона смежности; но какъ *цѣльныя*, *связ-*

ныя, *единичныя* рефлексіи ихъ разрозненныхъ по времени частей,—онѣ суть произведеніе закона сходства.—Умственное соединеніе разрозненныхъ по времени частей реальныхъ фактовъ—въ цѣльныя, единичныя идеи этихъ фактовъ, мы и называемъ *умственнымъ собираніемъ*, или *умственною коллигаціею*, реальныхъ фактовъ.

Что коллигація реальныхъ фактовъ въ мышленіи человѣка есть дѣло закона сходства, это косвенно доказывается собственнымъ дѣломъ закона смежности, отражающимъ теченіе этихъ фактовъ (§ 303), со всѣми ихъ взаимными переплетеніями, или во всей ихъ разрозненности въ порядкѣ времени,—слѣдовательно, дающимъ отчасти смутную, хаотическую рефлексію прошлаго. Раздѣленіе этого хаоса дѣйствительности, черезъ соединеніе разрозненныхъ частей реальныхъ фактовъ въ цѣлые факты,—иначе, образованіе ихъ единичныхъ идей, изъ идей ихъ отдѣльныхъ моментовъ въ порядкѣ времени, можетъ быть дѣломъ только другого закона, обобщающаго, или сближающаго въ мышленіи, дѣйствительность,— именно закона сходства.

Умственная коллигація реальныхъ фактовъ есть несомнѣнно явленіе *обобщенія*,—именно, обобщеніе частей того же факта, или рефлексія *общаго* частямъ того же факта,—умственное сближеніе послѣднихъ въ мышленіи, уничтожающее разстояніе ихъ по времени. Умственная рефлексія общаго частямъ, сближающая ихъ въ реальное цѣлое, есть рефлексія *сходнаго* въ этихъ частяхъ,—слѣдовательно, основанная на законѣ сходства. Часть факта, наблюдаемая теперь, вызываетъ умственную рефлексію другихъ частей, которыя наблюдались раньше, въ различное время. Часть факта, освѣщенная въ воспоминаніи,

или другой умственной операціи, по закону смежности,— освѣщаетъ, въ мышленіи, другія части того же факта, по закону сходства.—Такъ, именно, и собираются, въ мышленіи человѣка, разрозненныя части или моменты его *дѣлъ, замысловъ*, *психическихъ готовностей*, *чувствъ*; и т. д.. такъ собираются отрывочныя части чужихъ *рѣчей*, *произведеній*, *плановъ*, *предпріятій*;—отрывочныя части *массивныхъ явленій* физической природы, и массивныхъ *вещественныхъ вещей*, отдѣльные моменты широкихъ *общественныхъ* явленій; и т. д.—

УМСТВЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ СРАВНЕНІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

331. Явленіями *сравненія* дѣйствительности мы называемъ сближенія, въ мышленіи, двухъ или нѣсколькихъ реальныхъ фактовъ, сопровождающіяся ихъ *примѣрными совпаденіями*.

Явленія сравненія нельзя сливать, ни съ явленіями *узнаванія* текущей дѣйствительности, ни съ явленіями *умственной коллигаціи* реальныхъ фактовъ,—хотя тѣ и другія часто имѣютъ ихъ въ своемъ составѣ. Такимъ образомъ, ошибки и колебанія узнаванія могутъ ввести, въ явленія узнаванія, акты сравненія текущихъ реальныхъ фактовъ съ прошлыми, проходящими въ мышленіи, по сходству съ послѣдними; но узнаваніе можетъ обходиться и безъ сравненій. Гораздо болѣе; тамъ гдѣ узнаваніе текущей дѣйствительности совершается безъ колебаній, тамъ совпаденіе прошлаго съ текущимъ не оставляетъ мѣста для сравненій.—Точно также, при затрудненіяхъ умственной коллигаціи разрозненныхъ моментовъ того же факта, съ послѣднею могутъ соединяться акты сравненія,

облегчающіе эти затрудненія, но явленія коллигаціи могутъ обходиться и безъ сравненій собираемыхъ частей или моментовъ того же факта.—Отъ узнаванія текущей дѣйствительности, равно какъ и отъ умственной коллигаціи реальныхъ фактовъ, сравненіе отличается тѣмъ, что оно не оканчивается *соединеніемъ* прошлыхъ фактовъ въ какой нибудь *одинъ фактъ*,—въ одинъ съ *текущимъ реальнымъ*, или въ одинъ *цѣльный*, собранный изъ многихъ. Сравненіе есть только умственное *примѣриваніе* одного реальнаго факта на другомъ, заключающее въ себѣ ихъ *преходящее* совпаденіе, потому что факты, совпавшіе на мгновеніе въ одинъ, продолжаютъ опять оставаться *двумя*, или *нѣсколькими*, фактами. Примѣрныя совпаденія реальныхъ фактовъ представляютъ крайнія ступени ихъ сближенія, въ умственныхъ явленіяхъ сравненія;—такъ какъ обыкновенная форма умственнаго сближенія представляемаго сравненіемъ, есть только взаимное сопровожденіе, въ мышленіи, сравниваемыхъ предметовъ.

332. Явленія сравненія предетавляютъ новый, наиболѣе признанный, видъ *обобщеній*. Обобщающій характеръ сравненій видѣнъ изъ самаго опредѣленія ихъ, какъ явленій умственнаго сближенія реальныхъ фактовъ, сопровождающагося ихъ примѣрными *совпаденіями*.

Что обобщенія представляемыя сравненіями, суть произведенія закона сходства, это вытекаетъ изъ слѣдующихъ двухъ обстоятельствъ. Никакое сравненіе не можетъ *состояться* въ отсутствіи *сходныхъ* фактовъ, или ихъ идей: и эти факты, или отражающія ихъ идеи, не могутъ стать предметами сравненія, безъ помощи *закона сходства*.

Итакъ, во-первыхъ, явленія сравненія не могутъ состояться безъ сходныхъ фактовъ, или ихъ идей. — Это доказывается характеромъ сравненій какъ *обобщеній*, и затѣмъ, самыми *предѣлами сравненія* дѣйствительности. Умственныя сближенія реальныхъ фактовъ, въ актахъ сравненія, достигаютъ ихъ *совпаденія*; но совпаденіе фактовъ и есть то, чѣмъ измѣряется ихъ *сходство*. Слѣдовательно, факты, составляющіе предметы состоявшихся сравненій, должны быть *сходны* между собою.—Тоже доказывается *предѣлами сравненія* Предѣлы сравненія реальныхъ фактовъ даны въ ихъ *сходствѣ*. Предѣлы сравненія указаны дѣлешемъ предметовъ на *сравнимые*, или *соизмѣримые*, и *несравнимые*, или *несоизмѣримые*. Что такое предметы *сравнимые*? — Это предметы *сходные*: сравнимость реальныхъ фактовъ не выходитъ изъ предѣловъ *сходства* ихъ содержанія. — Что такое предметы *несравнимые*? — Это предметы не представляющіе *ничего сходнаго*: сообщите несравнимымъ предметамъ какія бы то ни было сходныя черты, и они тотчасъ же превратятся въ сравнимые.

Посмотримъ, прежде всего, на факты *сравнимые*.—Мы сравниваемъ видимые нами *цвѣта* вещей, и *оттѣнки* цвѣтовъ; сравниваемъ *свѣтъ* поданной *лампы*—съ *свѣтомъ* горѣвшей *свѣчи*, *голосъ* мужчины—съ голосомъ женщины;—сравниваемъ *запахи*, *прикосновенія*, *температуру*, *плотность*, *вѣсъ* вещей; сравниваемъ одну *радость*—съ другою, радость—съ *горемъ*. Точно также, мы сравниваемъ людей по *степени* ихъ *впечатлительности* къ чему нибудь, *проницательности*, *энергіи;* сравниваемъ *государственныя учрежденія* древнихъ и новыхъ народовъ, ихъ

религіи, *обряды*, *обычаи*, *нравы*, *законы*, *успѣхи* въ промышленности, искуствахъ, наукахъ; и т д. Во всѣхъ этихъ сравненіяхъ сближаются факты *сходные* ощущенія съ ощущеніями; волненія съ волненіями; тѣже свойства, въ различныхъ степеняхъ; тѣже общественныя явленія, въ различныя времена, у различныхъ народовъ.

333. Перейдемъ къ фактамъ *несравнимымъ*.—Это факты въ которыхъ замѣчаются одпѣ разницы, или факты не представляющіе никакого сходства. Такъ, мы не въ состояніи сравнивать видимый *цвѣтъ* одной вещи—съ чувствуемымъ *вѣсомъ* другой, *запахъ* розы—съ волненіемъ *испуга*, *температуру*—съ *вѣрованіемъ*, *любовь* къ какому нибудь лицу, съ *устройствомъ* какой нибудь общины,—до тѣхъ поръ, пока останавливаемся на одпѣхъ разницахъ *цвѣта* и *вѣса*, *запаха* и *испуга*, *температуры* и *вѣрованія*, *любви* и *устройства общины;* и т. д. Указанные предметы сравненія, при такомъ условіи, будутъ несравнимыми; акты сравненія не состоятся. дѣло ограничится одною умственною готовностью сравненія, однимъ неразрѣшеннымъ умственнымъ напряженіемъ.

Но положеніе вещей сейчасъ же измѣнится, какъ скоро мы остановимся на какихъ нибудь, хотя бы ничтожныхъ, сходствахъ этихъ различныхъ предметовъ; казавшіеся до тѣхъ поръ несравнимыми, они окажутся сравнимыми. Тяжесть видимаго цвѣта, для глазъ, и тяжесть чувствуемаго вѣса, для руки, дѣлаютъ цвѣтъ и вѣсъ фактами, въ одномъ отношеніи сходными, и въ томъ же отношеніи сравнимыми.—Такимъ же образомъ, запахъ розы, и чувство испуга, сравнимы, съ точки зрѣнія оживленія, вносимаго впечатлѣніемъ этого запаха, и этимъ волненіе-

емъ; вѣра, по степени напряженія, часто называется горячею, и холодною; любовь къ лицу, вознаграждаемая встрѣчною любовью и созидающая нравственный союзъ лицъ, уже сближается съ чувствами взаимнаго расположенія членовъ общины.—Такимъ образомъ, получая какое нибудь сходство, вещи несравнимыя становятся сравнимыми. Это, именно, мы и видимъ на такъ-называемыхъ *уподобленіяхъ*. Уподобленія—также сравненія, и представляютъ тѣ случаи послѣднихъ, когда въ фактахъ казавшихся совершенно различными, открываются нѣкоторыя незначительныя сходства. Такъ, страсти человѣческія уподобляются волненіямъ морскимъ; упадшая рѣшимость поблекшему румянцу (Шекспиръ); и т. д.

Отсюда видно, что сравненія не выходятъ изъ предѣловъ сходства дѣйствительности, и безъ сходныхъ реальныхъ фактовъ, или ихъ идей, состояться не могутъ. А эти факты, или ихъ идеи, не могутъ сдѣлаться предметами сравненія, безъ помощи закона сходства.

334. Чтобы доказать послѣднее, обратимся къ различнымъ *видамъ* сравненій, по различію обстоятельствъ возникновенія идей сравниваемыхъ предметовъ. Послѣднія бываютъ идеями или *текущихъ*, или *прошлыхъ* реальныхъ фактовъ. Сравненіе фактовъ текущихъ, въ отражающихъ послѣдніе идеяхъ, есть явленіе, котораго мы не могли не допустить, при изслѣдованіи умственной рефлексіи текущей дѣйствительности (§ 287); но убѣждены, что и этотъ видъ сравненія не можетъ обойтись, безъ содѣйствія разсматриваемаго нами закона сходства. Данность идей, какъ рефлексій текущихъ реальныхъ фактовъ, сама по себѣ, не въ состояніи объяснить нѣкоторыхъ обстоя-

тельствъ сравненія этихъ фактовъ, — напр., *сближенія* послѣднихъ въ ихъ идеяхъ, умственные *переходы* и *возвращенія*, отъ одного факта къ другому; и т. д — Тѣмъ менѣе, могутъ обходиться,безъ содѣйствія закона сходства, тѣ виды сравненій, въ которыхъ сближаются факты *прошлые*, относящіеся къ различнымъ періодамъ индивидуальной психической исторіи:—напр., сближенія текущаго голоднаго года, съ нѣкоторыми прошлыми; текущихъ землетрясеній въ извѣстной мѣстности, съ памятными прошлыми, или—сближенія великихъ войнъ послѣднихъ трехъ столѣтій; и т. д —Сравненія, какъ сближенія прошлыхъ фактовъ, съ текущими, и съ другими прошлыми,—не могутъ быть объяснены дѣйствіями закона смежности, но вполнѣ объясняются закономъ сходства, т. е. стремленіемъ мышленія къ рефлексіи прошлыхъ фактовъ, сходныхъ съ текущими, или съ идеями данными въ текущихъ умственныхъ операціяхъ, — напр., воспоминаніяхъ, ожиданіяхъ и т. д.—Тоже самое доказывается важнѣйшими умственными произведеніями сравненія дѣйствительности, — а именно· *общими идеями* реальныхъ явленій и вещей; *общими умственными рефлексіями* реальныхъ отношеній; и явленіями *умственнаго анализа* дѣйствительности.

Между сравненіями, какъ обобщеніями, слѣдуетъ различать два вида:—обобщенія *ограниченнаго*, и обобщенія *неограниченнаго* объема. Обычный предметъ логикъ составляютъ обобщенія послѣдняго вида: логически-общее есть общее *неограниченному* множеству явленій, вещей и отношеній.

Къ обобщеніямъ неограниченнаго объема мы относимъ: во-первыхъ, такъ-называемыя *общія идеи*; и во-

вторыхъ, *общія умственныя рефлексіи* реальныхъ отношеній. Общія идеи и рефлексіи отношеній принадлежатъ, какъ мы замѣтили, къ важнѣйшимъ произведеніямъ *сравненія*,—слѣдовательно, къ явленіямъ мышленія, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ *закону сходства*.

ОБЩІЯ ИДЕИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

335. Что такъ-называемыя въ логикахъ, *общія идеи* суть произведенія *сравненія* индивидуальной дѣйствительности, въ *единичныхъ* идеяхъ послѣдней,—это доказывается, во-первыхъ, характеромъ *неограниченности* общихъ идей, по объему; во-вторыхъ, *связчостью* общихъ идей, не объяснимою безъ помощи единичныхъ; и въ-третьихъ, совпаденіемъ *случайныхъ* произведеній сравненія съ *постоянными*, представляемыми общими идеями.

Обратимся къ первому обстоятельству.—Однимъ изъ наиболѣе загадочныхъ свойствъ такъ-называемыхъ общихъ идей представляется *неограниченность* ихъ объема,—иначе, неограниченное количество явленій или вещей, къ которымъ относится содержаніе данныхъ въ нихъ обобщеній,—т. е. нѣкоторыя *общія* или *сходныя* черты. Неограниченность объема общихъ идей кажется непримиримою, съ обыкновенною ограниченностью числа сравниваемыхъ предметовъ, и слѣдовательно, требующею, для ихъ происхожденія, новыхъ условій, кромѣ тѣхъ какія даны въ *явленіяхъ сравненія* индивидуальной дѣйствительности.

Возраженіе это оказывается несостоятельнымъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Такъ какъ сравненію

подлежатъ факты не только текущіе, но и прошлые то естественно ожидать, что масса прошлыхъ фактовъ, сходныхъ съ инымъ текущимъ, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возрасти до размѣровъ, хотя и ограниченныхъ, но такихъ, ограниченность которыхъ будетъ ускользать отъ раздѣльнаго сознанія сравнивающаго.—Безъ сомнѣнія, это указаніе не составляетъ полнаго разрѣшенія нашего затрудненія: какъ бы ни увеличивалось, съ теченіемъ времени, количество сравниваемыхъ фактовъ,—оно не станетъ отъ того неограниченнымъ въ логическомъ смыслѣ,—т. е. *безграничнымъ*. Но анализъ характера общихъ идей устраняетъ всякое затрудненіе съ этой стороны, простымъ показаніемъ, что для образованія неограниченности обобщеній въ логическомъ смыслѣ, вовсе не требуется не только безконечнаго числа общихъ или сходныхъ фактовъ, но даже и просто *большого* количества ихъ. Неограниченность общихъ идей, по объему, есть не *актуальная* или *фактическая*, а *потенціальная*,—означающая просто *приложимость* извѣстнаго содержанія къ неограниченному или безконечному числу реальныхъ фактовъ. Что, именно, сообщаетъ идеямъ неограниченность ихъ объема, въ потенціальномъ смыслѣ,—вотъ главный вопросъ теоріи общихъ идей.

Начнемъ съ перваго утвержденія дѣйствительно ли, для образованія общей идеи, нѣтъ нужды даже въ *большомъ* числѣ реальныхъ явленій или вещей?—Для рѣшенія этого вопроса, слѣдуетъ предложить другой: можетъ ли ботаникъ, зоологъ, новое подраздѣленіе какого нибудь класса, новую разновидность какого нибудь вида,—слѣдовательно въ логическомъ смыслѣ *новые классы*,—создать по *нѣсколькимъ*, по *двумъ*, даже по *одному* экземпляру?—Мы увѣрены,

что, со стороны спеціалистовъ, получимъ на это отвѣтъ утвердительный. Это значитъ, что для образованія общей идеи, мы не нуждаемся не только въ безконечномъ, но и просто въ большомъ количествѣ сравниваемыхъ предметовъ. А такъ какъ, далѣе, общія идеи въ логическомъ смыслѣ, суть безспорно обобщенія неограниченнаго объема· то изъ этого слѣдуетъ, что ограниченность ихъ не актуальная, а *потенціальная*.

Теперь, второй вопросъ. что́ даетъ общимъ идеямъ ихъ потенціально-неограниченный характеръ? — Мы отвѣчаемъ. во-первыхъ тѣ, что общія идеи не просто *сравненія*, или *обобщенія*, а суть *произведенія* обобщеній, въ формѣ сравненій,—т. е. умственныя сближенія, или совпаденія, сохраняющія *постоянство* въ мышленіи, не какъ способности къ повторенію тѣхъ же актовъ сравненія, а какъ способности къ повторенію *результатовъ*, добытыхъ предшествующими сравненіями; во-вторыхъ тѣ, что умственныя произведенія, или результаты—сравненій, представляемые общими идеями, суть созданные сравненіями умственные *типы* индивидуальной дѣйствительности, — типы *явленій*, и *типы* вещей. Умственный типъ индивидуальной дѣйствительности не требуетъ, для своего созданія, безконечнаго числа сходныхъ явленій или вещей,— какъ это свидѣтельствуется созданіемъ художественныхъ типовъ человѣка. Съ другой стороны, умственный типъ остается типомъ неограниченнаго числа реальныхъ явленій и вещей.

Такимъ образомъ, ясно, что анализъ неограниченности общихъ идей по объему, кажущейся, на первый разъ, препятствіемъ къ признанію ихъ произведеніями сравненія, приводитъ къ заключенію, прямо противоположному.

336. Второе обстоятельство, доказывающее происхожденіе общихъ идей, изъ сравненій индивидуальной дѣйствительности, въ отражающихъ ее единичныхъ идеяхъ, есть извѣстная *связность* всѣхъ *общихъ идей* человѣка, необъяснимая безъ помощи его идей *единичныхъ*.

Общія идеи человѣка представляютъ, въ анализѣ, нѣкоторую *систему* идей, обнаруживающую различныя *ступени* обобщенія индивидуальной дѣйствительности,—иначе сказать, нѣкоторую связную *классификацію* всѣхъ вещей и явленій, начинающуюся тѣми общими идеями единичныхъ вещей, которыя впервые образуютъ изъ нихъ нѣкоторые *классы*, и оканчивающуюся такими идеями, содержаніе которыхъ приложимо къ вещамъ и явленіямъ всѣхъ остальныхъ классовъ. Такую связность общихъ идей нельзя объяснить безъ помощи сравненія единичныхъ явленій и вещей, постепенно захватывающаго въ свою сферу все большее и большее количество ихъ. —По допустивши образованіе общихъ идей изъ единичныхъ, не найдемъ никакихъ затрудненій, въ рѣшеніи вопроса объ указанной связности общихъ идей. Одна и таже масса единичныхъ идей, при сравненіи отражаемыхъ ими явленій и вещей, должна дать столько же обобщеній, сколько найдется пунктовъ сходства между сравниваемою дѣйствительностью: и каждое изъ этихъ обобщеній готово принять характеръ *умственнаго типа* дѣйствительности.— Такимъ образомъ, при данной массѣ единичныхъ идей человѣка, и при данномъ сравненіи дѣйствительности, представленной въ этихъ идеяхъ,—система *идей общихъ*, или связная умственная *классификація* реальныхъ явленій и вещей, будетъ естественнымъ произведеніемъ мышленія.

337. Третье обстоятельство. доказывающее образование общихъ идей изъ единичныхъ, путемъ сравненія представляемой въ послѣднихъ дѣйствительности, — есть совпаденіе *случайныхъ* произведеній сравненія, съ общими идеями, какъ *постоянными* формами человѣческаго мышленія.

Случайныя произведенія сравненія, способныя характеризовать происхожденіе общихъ идей, мы наблюдаемъ въ явленіяхъ сравненія случайныхъ *аггрегатовъ* вещей,— напр. въ кучахъ минераллoвъ,—въ лѣсахъ, въ лугахъ, представляющихъ аггрегаты растеній,—въ стадахъ животныхъ, въ собраніяхъ людей; и т. д. Здѣсь акты сравненія бываютъ вмѣстѣ актами умственнаго *отдѣленія* однѣхъ вещей отъ другихъ,—извѣстнаго *перераспредѣленія* ихъ въ мышленіи, соотвѣтственно ихъ сходствамъ.—Взглядъ обращаемый на проходимый лѣсъ, производитъ новую группировку, въ мышленіи, наблюдаемыхъ деревъ, соединяя березу съ березой, ель съ елью, сосну съ сосной; и т. д.—Взглядъ на стадо животныхъ соединяетъ, въ свои группы, мелкій скотъ и крупный,—далѣе, въ свои, лошадей, коровъ, овецъ, свиней; и т. д.—Взглядъ на собраніе людей выдѣляетъ, въ мышленіи, отдѣльныя группы—мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей, молодыхъ и стариковъ; и т. д.—Тоже замѣчается и при встрѣчѣ съ болѣе сложными, или разнородными, аггрегатами. Такъ, когда куча вещей, не разобранная издали, съ приближеніемъ къ ней, становится видимою отчетливо, — бросаемый на нее взглядъ мгновенно раздѣляетъ ее — на людей толкующихъ между собою; животныхъ, напр. лошадей, которыя стоятъ подлѣ нихъ, собакъ, которыя тутъ же сидятъ, или лежатъ; телѣги, орудія земледѣлія и другія произведенія искуства; и т. д.

Въ этой случайной классификаціи вещей, опирающейся на сравненіе единичныхъ реальныхъ фактовъ, или умственное сближеніе ихъ единичныхъ идей, нельзя не признать извѣстнаго совпаденія съ тою классификаціею вещей, которая дана въ общихъ идеяхъ человѣка. Отсюда, нѣтъ причины полагать, чтобы послѣдняя имѣла другія условія своего возникновенія, чѣмъ первая.—Это подтверждается и прямымъ анализомъ общихъ идей реальныхъ явленій и вещей.

338. Возьмемъ примѣры общихъ идей реальныхъ *явленій*, напр. *психическихъ*. Сюда принадлежатъ идея *ощущенія цвѣта;* идея *ощущенія звука;* идея *ощущенія теплоты;* идеи ощущеній *вкусовъ*, *запаховъ* и т. д.; идея чувства *страха*; идея чувства *гнѣва;* идеи чувствъ *нѣжности*, *почтенія*, *справедливости*, *красоты* и т. д.; идея *совѣта*; идея *приказанія;* идея *согласія;* идея *исполненія* и т. д.; идея *терпѣнья*, идея *любви*, идея *жсланья* и т. д.;—болѣе общія идеи идея *ощущенія*; идея *волненія;* идея *активнаго* отношенія; идея *реактивнаго* отношенія; идея *пассивной готовности*; идея *дѣятельности*; и т. д.; еще болѣе общія. идея *чувства*; идея *дѣйствія;* идея *психической готовности*; наконецъ, послѣдняя ступень обобщенія въ кругѣ психической явленій реальнаго характера· идея *реальнаго психическаго факта*.

Достаточно взглянуть на эту систему общихъ идей реальныхъ психическихъ явленій, чтобы согласиться, что всѣ онѣ результаты сравненія единичныхъ психическихъ фактовъ, — при чемъ одни и тѣже единичные факты служатъ факторами общихъ идей, на всѣхъ ступеняхъ ихъ обобщенія. Такимъ образомъ, нѣсколько зрительныхъ

ощущеній цвѣта достаточно для образованія идеи зрительнаго ощущенія цвѣта: но тѣ же зрительныя ощущенія могутъ быть факторами и общей идеи *ощущенія*,—конечно, при сравненіи съ ощущеніями слуховыми, осязательными и т. д.; — и общей идеи *чувства*, — при сравненія ощущеній съ волненіями; и общей идеи *реальнаго психическаго факта*,—при сравненіи чувствъ съ реальными дѣйствіями и психическими готовностями, и т. д.

Туже связь съ единичными реальными фактами, или ихъ идеями, мы находимъ и въ общихъ идеяхъ *вещей*,— напр., *искуственныхъ*, каковы. идея *пера;* идея *чернильницы*; идея *карандаша*; болѣе общая—идея *письменной принадлежности;* еще болѣе общая — идея *домашней вещи;* наконецъ, самая общая—для вещей этого рода идея *произведенія искуства*. Или, для вещей *природы:* идея *розы*; идея *жасмина*, идея *резеды*; и т. д.; болѣе общая—идея *душистаго цвѣтка*; еще болѣе общія—идея *садоваго растенія*, идея *культурнаго растенія;* наконецъ, идея *растенія* вообще, идея *организма*, идея *произведенія природы;* и т. д.—Ясно, что степени общности идей соотвѣтствуютъ количеству различныхъ явленій и вещей, постепенно введенныхъ въ сферу ихъ сравненія, въ представляющихъ тѣ и другія единичныхъ идеяхъ.

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что общія идеи человѣка суть преобразованія его единичныхъ идей, — иначе сказать, преобразованія *историческаго* порядка явленій и вещей—въ *систематическій*.

ОБЩІЯ УМСТВЕННЫЯ РЕФЛЕКСІИ РЕАЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ.

339. Въ предыдущей главѣ, къ явленіямъ умственнаго *обособленія* дѣйствительности мы отнесли, во-первыхъ, *единичныя идеи* реальныхъ психическихъ фактовъ, и идеи *индивидуальныхъ* вещей; и во-вторыхъ, *умственныя рефлексіи индивидуальныхъ* отношеній между психическими фактами, вещами и ихъ измѣненіями,—иначе сказать, рефлексіи *историческаго* порядка ихъ *сосуществованій*, *преемствъ* и *причинной связи*.

Подобно тому, какъ существуетъ разница между *единичными*, и *общими*, *идеями* реальныхъ фактовъ,—существуетъ также разница между *единичными*, и *общими*, умственными *рефлексіями* ихъ *реальныхъ отношеній*. Разсмотрѣнныя нами въ предыдущей главѣ, рефлексіи *индивидуальныхъ* отношеній между реальными фактами суть именно *единичныя* рефлексіи, состоящія изъ *связей единичныхъ идей* (§ 298), или *постоянныхъ сопровожденій* однѣхъ *единичныхъ* идей другими.—*Единичнымъ* рефлексіямъ отношеній слѣдуетъ противопоставить *общія*, какъ новый видъ *обобщеній неограниченнаго* объема. Общія умственныя рефлексіи относятся къ *неограниченному количеству* реальныхъ отношеній, и заключаются въ освѣщеніи ихъ *однообразія*, или *постоянства*. Въ сознаніи человѣка отпечатлѣны однообразія или постоянства трехъ родовъ реальныхъ отношеній: постоянства *сосуществованія* реальныхъ явленій и вещей; постоянства ихъ *преемства*, и постоянства *причинной связи*. Это сознаніе человѣка и заключается въ его *общихъ умственныхъ рефлексіяхъ реальныхъ отношеній*.

Общія умственныя рефлексіи реальныхъ отношеній долго не находили себѣ надлежащаго объясненія, между прочимъ, вслѣдствіе удержаннаго многими предразсудка, что называемыя у насъ этимъ именемъ умственныя явленія, въ своемъ происхожденіи, вполнѣ зависятъ отъ общихъ идей. Полагали, что надобно дать только *общія идеи*, — и *общія рефлексіи отношеній* получатся сами собою, изъ тѣхъ же общихъ идей. Анализъ общихъ рефлексій реальныхъ отношеній убѣждаетъ, напротивъ, что эти рефлексіи возникаютъ изъ *сравненія отдѣльныхъ случаевъ* реальныхъ отношеній, представленныхъ въ ихъ единичныхъ рефлексіяхъ, или въ связяхъ единичныхъ идей по закону смежности.

340 Такое происхожденіе общихъ умственныхъ рефлексій реальныхъ отношеній доказывается отчасти тѣми же соображеніями, которыя были приведены въ защиту подобнаго происхожденія общихъ идей. *Неограниченность* объема общихъ умственныхъ рефлексій реальныхъ отношеній также *потенціальнаго* характера, какъ и общихъ идеи эти общія рефлексіи отношеній представляютъ только *умственные типы* реальныхъ отношеній. Слѣдовательно, происхожденіе такихъ рефлексій не нуждается не только въ безконечномъ числѣ наблюденій надъ реальными отношеніями, но даже опять и просто въ *большомъ* числѣ ихъ.

Образованіе общихъ идей реальныхъ явленій и вещей отнюдь не освобождаетъ отъ сравненія единичныхъ случаевъ отношеній, для образованія общихъ рефлексій послѣднихъ. Обобщеніе рефлексій реальныхъ отношеній неизбѣжно заключаетъ въ себѣ и обобщеніе идей отно-

сящихся фактовъ или вещей, но не наоборотъ. обобщенія реальныхъ явленій и вещей не связано необходимо съ обобщеніемъ ихъ отношеній Открытіе какого нибудь постояннаго отношенія фактовъ можемъ повести къ образованію новыхъ классовъ по классы уже образованные никогда не перестаютъ быть полемъ для открытія новыхъ постоянныхъ отношеній. Отсюда ясно, что обобщеніе единичныхъ идей дѣйствительности не заключаетъ въ себѣ неизбѣжно и обобщеніе *связей* этихъ единичныхъ идей, представляющихъ историческій порядокъ реальныхъ отношеній.

Такимъ образомъ, общія рефлексіи отношеній должны быть признаны *произведеніями* того же сравненія дѣйствительности, которому обязаны своимъ происхожденіемъ общія идеи.

ЯВЛЕНІЯ УМСТВЕННАГО АНАЛИЗА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

341. Подъ явленіями *умственнаго анализа* мы разумѣемъ здѣсь исключительно явленія *различенія*. Явленія различенія суть *косвенныя произведенія* того же сравненія дѣйствительности, которому обязаны своимъ происхожденіемъ *общія идеи*, и *общія* умственныя *рефлексіи*, реальныхъ отношеній.

Умственный анализъ, въ смыслѣ различенія, всегда сопровождаетъ состоявшіяся, и несостоявшіяся, *сравненія*. Сравненіе есть умственное сближеніе реальныхъ фактовъ, сопровождающееся ихъ примѣрными совпаденіями. Насколько сближаемые факты *совпадаютъ*, сближеніе ихъ сопровождается чувствами *тожества* ихъ, или *сходства*. Напротивъ, насколько они не совпадаютъ, сближеніе ихъ

сопровождается чувствами *разности*, или *несходства*. Связь чувствъ тожества съ вызывающими ихъ, въ сравненіи, реальными фактами, представляетъ акты пассивнаго *отожествленія* послѣднихъ, точно также, связь чувствъ *разницы* съ вызывающими ихъ, опять въ сравненіи, фактами, представляетъ акты пассивнаго *различенія* послѣднихъ. При обратномъ вліяніи чувствъ тожества и разности, на вызывающія ихъ и отражающія реальные факты—идеи, акты пассивнаго отожествленія и различенія могутъ переходить въ *умственныя операціи*.

342. Умственный анализъ имѣетъ два главныхъ вида, соотвѣтственно двумъ видамъ умственныхъ дѣлителей дѣйствительности, — а именно, *индивидуальнымъ*, и *общимъ*—идеямъ и рефлексіямъ.

Первый видъ умственнаго анализа сопровождаетъ сравненія однихъ единичныхъ фактовъ съ другими, и однихъ индивидуальныхъ отношеній—съ другими отношеніями. Здѣсь дѣлителями, или орудіями различенія, бываютъ *единичныя идеи*, и ихъ *связи*. Такимъ образомъ, при сравненіи двухъ *привязанностей*, можетъ быть замѣчена разница въ ихъ *продолжительности:* это будетъ актомъ умственнаго анализа, или различенія ихъ продолжительности,—т. е. *болѣе краткаго* продолженія одной, и *менѣе краткаго* продолженія другой. Пусть будетъ, также, замѣчена разница въ *твердости* обѣихъ привязанностей, выразившаяся въ случаяхъ ихъ испытанія: получимъ новый актъ различенія тѣхъ же привязанностей, связанный съ новымъ сравненіемъ ихъ, и открывающій разницу *одной относительно другой*. Здѣсь анализъ явленій вводится простымъ сравненіемъ ихъ, въ представляющихъ ихъ еди-

ничныхъ идеяхъ.—Тоже и съ единичными реальными отношеніями. Они могутъ подлежать умственному анализу, вслѣдствіе простого сближенія ихъ, въ мышленіи, съ другими случаями реальныхъ отношеній. Пусть будетъ замѣчено, что повтореніе извѣстнаго дѣйствія не вызвало прежняго удивленія это будетъ умственнымъ анализомъ или различеніемъ двухъ случаевъ зависимости,—а именно разницу послѣдствій при томъ же дѣйствіи, — низшую степень чувства въ первомъ случаѣ, относительно второго, и высшую—во второмъ, относительно перваго.

343. Второй видъ умственнаго анализа наблюдается въ сравненіяхъ индивидуальной дѣйствительности, и общихъ идей и рефлексій, съ общими, или болѣе общими идеями и рефлексіями реальныхъ отношеній. Здѣсь умственными дѣлителями, или орудіями анализа, служатъ обобщенія неограниченнаго объема, или то что̀ мы назвали *умственными типами* дѣйствительности. Это — преобладающій анализъ зрѣлаго мышленія.

Обратимся, прежде всего, къ анализу индивидуальной дѣйствительности, посредствомъ общихъ идей и общихъ умственныхъ рефлексій. Здѣсь анализъ сопровождаетъ умственное сближеніе единичныхъ реальныхъ фактовъ, съ общими идеями, и единичныхъ реальныхъ отношеній, съ общими рефлексіями послѣднихъ. Такое сближеніе носитъ названіе *подведенія* единичнаго подъ общее. Подведеніе единичнаго реальнаго явленія, или единичной вещи, подъ общія идеи, открываетъ въ нихъ столько же различныхъ свойствъ и отношеній, сколько оказывается общихъ идей, подъ которыя они подведены. Такимъ образомъ, мы различаемъ, въ наблюдаемой нами вещи, свойства *плотно*

сти, *вѣса*, *круглой фигуры*, *цвѣта*, и т. д.,—не обращаясь къ сравненію ея съ другими единичными вещами, а подводя ее подъ свойственныя намъ общія идеи плотности, вѣса, круглой фигуры; и т. д.—Точно также, отдѣльный случай реальнаго отношенія мы подводимъ подъ умственные *типы* реальныхъ отношеній,—такъ-называемые законы дѣйствительности,—различая въ немъ встрѣчу нѣсколькихъ простѣйшихъ отношеній.

Умственный анализъ дѣйствительности, данной въ общихъ идеяхъ и общихъ умственныхъ рефлексіяхъ, связанъ опять съ явленіями—сравненія однѣхъ общихъ идей съ другими, и *подведенія* однѣхъ подъ другія, какъ и сравненія, и подведенія, общихъ умственныхъ рефлексій реальныхъ отношеній.—Идеи равно общія сравниваются другъ съ другомъ, и подводятся подъ идеи болѣе общія: ихъ сравненіе другъ съ другомъ вводитъ различеніе ихъ относительно другъ друга; ихъ подведеніе подъ другія, болѣе общія идеи, вводитъ различеніе въ нихъ простыхъ элементовъ (§§ 260—261).—Такимъ же образомъ, сравненіе однихъ типовъ отношеній съ другими вводитъ сознаніе ихъ отличій другъ отъ друга, называемыхъ отличіями одного закона отъ другого;—и подведеніе одного типа подъ другіе разлагаетъ въ первомъ встрѣчу нѣсколькихъ простѣйшихъ законовъ реальныхъ отношеній,—что̀ называется объясненіемъ одного закона изъ нѣсколькихъ другихъ.

Изъ этого видно, что способность умственнаго анализа, или различенія, находится въ тѣсной связи со способностью сравненія, и простирается не далѣе того, что дозволяется главными умственными орудіями различенія,—единичными, и общими, идеями и рефлексіями реальныхъ отношеній.

УМСТВЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ АБСТРАКЦІИ ИЛИ ОТВЛЕЧЕНІЯ

344. Подъ *отвлеченіемъ*, въ народномъ смыслѣ, разумѣютъ обыкновенно переходъ, въ мышленія, отъ одного реальнаго факта къ другому, отъ одной вещи къ другой, отъ однихъ реальныхъ отношеній къ другимъ. Такое отвлеченіе можетъ быть невольнымъ, и произвольнымъ,— самостоятельнымъ, и вызваннымъ другими.

Къ этому народному смыслу примыкаютъ и *научныя* значенія термина *отвлеченіе*. Мы останавливаемся здѣсь только на одномъ научномъ употребленіи этого термина,— а именно, на *абстракціи* или *отвлеченіи*, въ смыслѣ тѣхъ умственныхъ явленій, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ такъ-называемыя *отвлеченныя идеи*, и *отвлеченныя* умственныя *рефлексіи* реальныхъ отношеній. Чтобъ опредѣлить *отвлеченіе*, какъ источникъ отвлеченныхъ идей и рефлексій, мы должны, прежде всего, ознакомиться съ послѣдними.

Отвлеченныя идеи, и *отвлеченныя рефлексіи* отношеній, не совпадаютъ ни съ *единичными*, ни съ *общими* идеями и рефлексіями; потому что означаютъ нѣкоторое преобразованіе тѣхъ и другихъ, лишающее ихъ *конкретности*.

Преобразованіе единичныхъ идей, изъ конкретныхъ въ отвлеченныя, есть собственно разрѣшеніе *цѣльнаго*, *конкретнаго* содержанія единичной идеи, на отдѣльные, не сопровождающіе другъ друга, въ умственныхъ операціяхъ, ея элементы. Такимъ образомъ, конкретная единичная

идея недавно видѣннаго круглаго, окрашеннаго, вращающагося тѣла, будетъ разрѣшена на нѣсколько идей отвлеченныхъ,—какъ скоро идея видѣнной *круглой формы* припоминается, или представляется, не сопровождаемая идеями видѣнной *окраски*, видѣннаго *вращенія*, и т. д,—идея видѣнной *окраски* не сопровождается идеями видѣнной *круглой формы* и видѣннаго *вращенія*, идея видѣннаго *вращенія* не сопровождается идеями видѣнной *формы* и *окраски*, и т. д. Каждая изъ этихъ идей, и безъ своихъ сопровожденій—въ конкретномъ содержаніи идеи видѣннаго тѣла, не лишается вполнѣ своей индивидуальности, или *единичности*,—но лишается своей *конкретности* (первоначальной связи) съ другими идеальными элементами единичной идеи видѣннаго тѣла.

Преобразованіе *общихъ* идей, изъ конкретныхъ въ отвлеченныя, означаетъ нѣкоторое отрѣшеніе *содержанія* общихъ идей, отъ *единичныхъ представителей* ихъ *объема*. Это отрѣшеніе наблюдается въ тѣхъ умственныхъ операціяхъ, въ какихъ общія идеи выступаютъ, не напоминая никакого отдѣльнаго факта, къ которому приложимо ихъ содержаніе, или составляющія его, нѣкоторыя общія или сходныя черты дѣйствительности. Такимъ образомъ, когда общія идеи *добродѣтели*, *существа*, *бытія*, входятъ въ составъ умственныхъ операцій, не сопровождаемыя единичными идеями какого нибудь добродѣтельнаго дѣйствія, какого нибудь существа, какого нибудь индивидуальнаго бытія той или другой вещи, общія идеи *добродѣтели*, *существа*, *бытія*, будутъ вмѣстѣ и *отвлеченныя*.

345. Теперь спрашивается въ чемъ состоитъ *отвлеченіе*, дающее происхожденіе отвлеченнымъ идеямъ перваго и втораго порядка?—

Для рѣшенія этого вопроса, прежде всего замѣтимъ, что отрѣшенность отвлеченныхъ идей не можетъ быть признана ни *безусловною*, ни *постоянною*.—Безусловная отрѣшенность отвлеченныхъ идей противорѣчила бы, во-первыхъ, природѣ идей *единичныхъ*, какъ постоянныхъ умственныхъ единствъ, не теряющихъ своего характера при всѣхъ ихъ преобразованіяхъ (§ 295), или остающихся при связи всѣхъ своихъ элементовъ даже и тогда, когда мы произвольно устраняемъ нѣкоторые изъ ихъ состава: устраненіе однихъ элементовъ отъ другихъ, въ ихъ составѣ, бываетъ всегда простымъ преобразованіемъ сознанія въ устраняемыхъ элементахъ,—переходомъ послѣдняго, изъ открытой формы его, какую мы находимъ въ текущихъ умственныхъ операціяхъ,—въ скрытую форму *памяти*. Тоже самое должно происходить и въ процессахъ *отвлеченія*, однихъ элементовъ единичныхъ идей, отъ всѣхъ другихъ идея, составляющая одинъ изъ такихъ элементовъ, въ цѣломъ составѣ единичной идеи,—и по отрѣшеніи отъ нихъ, должна сохранять съ ними скрытную связь, какъ со своими *скрытными* сопровожденіями.—Это противорѣчило бы, во-вторыхъ, и природѣ общихъ идей, потому что общія идеи образуются, по закону сходства, въ силу умственнаго сближенія сходныхъ единичныхъ. Безусловное отрѣшеніе *общаго* или *сходнаго* содержанія послѣднихъ, отъ ихъ разницъ, представляющееся подъ формою отрѣшенія общихъ идей отъ единичныхъ, — не возможно, опять, по тому же закону смежности: такъ какъ общія единичнымъ идеямъ черты, сосуществуя съ особен-

постями или разницами каждой, до ихъ сближенія въ формѣ одной общей идеи,—не могутъ, по закону смежности, лишиться безусловно такого сосуществованія, и по состоявшемся сближеніи.—Слѣдовательно, отрѣшенность общихъ идей, отъ разницъ образующихъ ихъ единичныхъ, означаетъ только *скрытное* сосуществованіе послѣднихъ съ первыми.

Отвлеченность идей не можетъ быть признана и *постояннымъ* признакомъ какихъ нибудь единичныхъ, или общихъ идей. Однѣ и тѣже идеи человѣка, единичныя и общія, бываютъ то *конкретными*, то *отвлеченными*; и самая *степень отвлеченности* ихъ бываетъ неодинакова, въ различные моменты мышленія. Отвлекая, одинъ за другимъ, различные элементы какой нибудь единичной идеи, мы получаемъ нѣсколько отвлеченныхъ идей, не лишенныхъ характера индивидуальности, но тѣми же актами послѣдовательнаго отвлеченія, мы сообщаемъ самой единичной идеѣ *различныя степени* отвлеченія. Поступая обратно, мы можемъ возвратить ей ея прежнюю *конкретную* форму.—Тоже и съ общими идеями *отвлеченныя*,—пока ихъ содержаніе не оказывается въ открытой связи съ единичными представителями ихъ объема,—онѣ принимаютъ *конкретную* форму, тотчасъ какъ только къ общему ихъ содержанію, присоединяется открытое сознаніе тѣхъ или другихъ единичныхъ фактовъ, къ которымъ оно относится.

346. Имѣя въ виду эти двѣ черты отвлеченности идей, мы легче можемъ отвѣтить на вопросъ: что обусловливаетъ ее въ мышленіи,—или въ чемъ состоятъ тѣ акты *отвлеченія* или *абстракціи*, которымъ обязаны

своимъ происхожденіемъ отвлеченныя или абстрактныя идеи. Акты эти неодинаковы для отвлеченныхъ идей перваго и втораго порядка,—т. е. единичныхъ, и общихъ.

Отвлеченіе, какъ источникъ отвлеченныхъ *единичныхъ* идей, есть косвенное послѣдствіе *умственнаго анализа* послѣднихъ, или *различенія* Всякій разъ, какъ акты различенія двухъ единичныхъ идей, въ какомъ нибудь свойствѣ или отношеніи, переходятъ въ *умственныя операціи различенія* этого свойства или отношенія, — всѣ другія свойства и отношенія, данныя въ этихъ идеяхъ, должны остаться *внѣ* круга этихъ операцій, — слѣдовательно, простымъ содержаніемъ памяти, или пассивнаго сознанія дѣйствительности.—Напротивъ того, въ анализѣ единичныхъ реальныхъ фактовъ, черезъ подведеніе ихъ подъ общія идеи дѣйствительности, отрѣшеніе ихъ подводимыхъ свойствъ или отношеній, отъ остальныхъ, происходитъ тогда, когда акты пассивнаго подведенія переходятъ въ *умственныя операціи отожествленія* нѣкоторыхъ свойствъ или отношеній съ содержаніемъ общихъ идей, оставляющія всѣ другія свойства и отношенія внѣ круга отожествляемыхъ предметовъ, — т. е. опять содержаніемъ памяти, или пассивнаго сознанія дѣйствительности.

Отрѣшеніе общихъ идей, отъ образующихъ ихъ единичныхъ, — точнѣе сказать, общаго содержанія единичныхъ идей,—образовавшихъ какую нибудь общую идею,— отъ ихъ разницъ,—бываетъ послѣдствіемъ различныхъ обстоятельствъ воспроизведенія общихъ идей. Если единичныя идеи, служащія факторами какой нибудь общей,

не просто сближены въ мышленіи, а *совпадаютъ* въ своемъ тожественномъ содержаніи,—и это послѣднее становится содержаніемъ какихъ нибудь умственныхъ операцій,—общихъ *представленій*, *сужденій*, и т. д. —то разницы этихъ идей, не входя въ сферу этихъ операцій, должны остаться простымъ содержаніемъ памяти. общія идеи представятся отвлеченными отъ разницъ образующихъ ихъ единичныхъ.

Такимъ образомъ, умственныя явленія *отвлеченія* или отрѣшенія нѣкоторыхъ элементовъ идей отъ другихъ, достигается введеніемъ однихъ—въ содержаніе умственнаго анализа или иныхъ умственныхъ операцій,—вмѣстѣ съ обращеніемъ другихъ въ содержаніе памяти, или пассивнаго сознанія дѣйствительности.—

Тѣже разсужденія приложимы и къ отвлеченію *умственныхъ рефлексій*, — какъ *единичныхъ*,—напр. въ явленіяхъ *воображенія* по смежности (§ 320), такъ и *общихъ*,—напр. въ явленіяхъ такъ-называемыхъ отвлеченныхъ *началъ*.

НѢКОТОРЫЯ ЯВЛЕНІЯ УМСТВЕННАГО ПЕРЕНЕСЕНІЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

347. Въ § 311 мы разсмотрѣли *умственныя перенесенія* по закону смежности: теперь разсмотримъ такія же перенесенія *по закону сходства*. По сходству переносятся и *чувства*, и *психическія готовности*.

Чувства, вызванныя какими нибудь предметами или обстоятельствами, способны переходить на другіе пред-

меты и другія обстоятельства, не вызывавшія ихъ и даже не способныя вызывать, но почему нибудь сходныя съ первыми. Къ такому перенесенію способны, прежде всего, наши *волненія*,—напр. *страха, гнѣва, нѣжности, красоты, удивленія* и т. д. Такъ, бываютъ предубѣждены, или выказываютъ чувства *опасенія*, относительно лицъ не сдѣлавшихъ ничего непріятнаго,—единственно вслѣдствіе сходства ихъ наружности, манеръ, или какихъ нибудь другихъ, даже совершенно ничтожныхъ обстоятельствъ,—съ наружностью, манерами и т. д лицъ, дѣйствительно надѣлавшихъ непріятностей.—Такъ, чувства *гнѣва*, и чувства *нѣжности*, часто переносятся, съ отца на сына, съ матери на дочь, только въ силу наружнаго сходства дѣтей съ родителями.—*Красота* лица, всей фигуры человѣка, сообщаетъ нѣкоторое изящество и одеждѣ, и манерамъ человѣка. — Что сказано о волненіяхъ, то прилагается въ нѣкоторой мѣрѣ и къ *ощущеніямъ*. Такимъ образомъ, разсказы о вещахъ отвратительныхъ, гадкихъ, зловонныхъ, могутъ, у обѣдающихъ, испортить *вкусъ* къ поданнымъ блюдамъ, единственно вслѣдствіе какого нибудь ничтожнаго сходства первыхъ съ послѣдними.

Тому же перенесенію подвергаются и наши *психическія готовности*. По перенесенію, часто возникаютъ такъ-называемыя безотчетныя *влеченія* къ однимъ, и *отвращенія* отъ другихъ.—Основанныя на случайныхъ сходствахъ однихъ лицъ съ другими, такія влеченія и отвращенія могутъ быть обманчивы, какъ скоро принимаются за нѣкоторыя *предостереженія*.—Перенесеніе *любви* съ одного лица на другое, по сходству перваго съ послѣднимъ, есть весьма обыкновенное явленіе, и нерѣдко

давало матеріалъ для художественнаго разсказа. (Такова любовь Павла Кирсанова къ Ѳеничкѣ, въ романѣ. «Отцы и Дѣти.»).

ЯВЛЕНІЯ СИМПАТІИ.

348. Въ явленіяхъ *симпатіи*, мы имѣемъ одинъ изъ многихъ примѣровъ умственной рефлексіи дѣйствительности, по закону сходства.—Симпатическія чувства суть рефлексія чужихъ чувствъ, ощущеній и волненій пріятнаго и непріятнаго качества,—опирающаяся, вначалѣ, на законъ смежности, но, въ концѣ, на законъ сходства. Для симпатическихъ чувствъ нужна предварительная опытность въ ощущеніяхъ и волненіяхъ, равно какъ и въ ихъ сопровожденіяхъ, т. е движеніяхъ и дѣйствіяхъ,—почерпнутая въ фактахъ собственнаго психическаго существованія. Вытекающія отсюда связи идей чувствъ, съ идеями движеній и дѣйствій, бываютъ послѣдствіемъ *закона смежности*,—какъ умственныя рефлексіи чувствъ и дѣйствій въ порядкѣ ихъ *внутренней связи*. Но когда эти рефлексіи собственныхъ чувствъ и дѣйствій становятся органомъ отраженія *чужихъ* чувствъ,—мы имѣемъ въ этомъ работу *закона сходства*. Наблюдаемыя нами движенія другихъ, вызывая въ насъ по сходству рефлексію своихъ собственныхъ движеній, вызываютъ по смежности рефлексію когда-то связанныхъ съ ними чувствъ, какъ отраженіе чужихъ чувствъ.—Разъ получена такая рефлексія чужихъ чувствъ, въ началѣ гипотетическая,—продолжающееся наблюденіе надъ чужими движеніями и дѣйствіями или оправдаетъ, или опровергнетъ ее. Въ рефлексіи собственныхъ ощущеній и волненій по смежности,

обыкновенно имѣютъ полныя исторіи теченія чувствъ, со всѣми ихъ выраженіями это позволяетъ сравнивать развитіе чужихъ чувствъ съ своими,—находить въ рефлексіи обычнаго теченія послѣднихъ, оправданіе или опроверженіе первоначальной рефлексіи первыхъ.

Такимъ образомъ, при первомъ взглядѣ на блѣдное лицо, блуждающіе глаза, сотрясеніе во всѣхъ членахъ тѣла, и другія обстоятельства въ положеніи встрѣченной особы,—мы легко подумаемъ, что наблюдаемая особа испугалась. Но такъ какъ волненіе страха ослабѣваетъ почти вслѣдъ за удаленіемъ вызвавшей его причины, то нѣсколькихъ минутъ наблюденія достаточно для того, чтобы мы убѣдились въ присутствіи именно этого волненія, вызваннаго неизвѣстными и уже исчезнувшими причинами· испугавшееся лицо должно понемногу успокоиться.

Но спрашивается достаточно ли *пониманія* чужихъ чувствъ, для *симпатіи* другимъ? — Пониманіе чужихъ чувствъ, и симпатія, суть одинаково умственная рефлексія чужихъ чувствъ, основанная на законахъ смежности и сходства: разница можетъ быть въ томъ, что пониманіе не доходитъ до сочувствія,—т. е. той интенсивности рефлексіи чужихъ чувствъ, которая получается только при нѣкоторомъ *вниманіи* къ нимъ, или остановкѣ на нихъ. Вниманіе здѣсь можетъ вызываться не только характеромъ чужихъ чувствъ, но и постороннимъ имъ обстоятельствами; и эти обстоятельства, имѣя способность содѣйствовать развитію вниманія, могутъ очевидно и противодѣйствовать ему, оставляя умственную рефлексію чужихъ чувствъ на степени простаго *пониманія* ихъ,—или не доводя до симпатіи въ собственномъ смыслѣ.

ЯВЛЕНІЯ УВѢРЕННОСТИ

349. Явленія *увѣренности*, на высшей ступени своего развитія, суть произведенія того же закона сходства.

Увѣренность въ дѣйствительности, первоначально, образуется изъ непосредственнаго обращенія съ нею, или *наблюденій* надъ нею,—какъ пассивныхъ, такъ и дѣятельныхъ, называемыхъ *опытами*. Увѣренность въ дѣйствительности рождается изъ наблюденій, какъ одинъ изъ видовъ *умственнаго напряженія* или *умственной готовности*, т. е. приготовленности къ послѣднимъ, — иначе сказать, какъ увѣренность въ извѣстной наблюдаемости дѣйствительности. Наблюденія разъ состоявшіяся переходятъ въ увѣренность въ нихъ, или въ умственную готовность къ нимъ,—слѣдовательно, въ скрытное или потенціальное отношеніе къ дѣйствительности, вслѣдствіе отрицательныхъ условій времени, мѣста и другихъ обстоятельствъ.

Такимъ образомъ, первоначально, каждое состоявшееся наблюденіе, каждый удавшійся опытъ, рождаютъ соотвѣтственную увѣренность. Эта первоначальная увѣренность разрушается, и возрастаетъ, при новыхъ наблюденіяхъ и опытахъ,—разрушается, при наблюденіяхъ не сходныхъ съ первыми, и возрастаетъ, при наблюденіяхъ тожественныхъ съ ними. Поэтому, предѣлы человѣческой увѣренности совпадаютъ, въ концѣ, съ предѣлами *постоянства* дѣйствительности, отмѣченнаго въ *общихъ идеяхъ* и *общихъ* умственныхъ *рефлексіяхъ* реальныхъ отноше-

ній. Слѣдовательно, на высшей ступени своей обработки, явленія увѣренности суть произведенія закона сходства.

НѢКОТОРЫЯ ПОГРѢШНОСТИ МЫШЛЕНІЯ

350. Къ *погрѣшностямъ* мышленія, основавшимъ на законѣ сходства, относятся всѣ *ошибочныя обобщенія*. Примѣрами послѣднихъ мы избираемъ, во-первыхъ, ошибки *узнаванія*, и во-вторыхъ, ошибочныя *обобщенія умственныхъ рефлексій* реальныхъ отношеній.

Къ *ошибкамъ узнаванія* относятся, между прочимъ, такъ-называемыя *иллюзіи*, или обманы чувствъ;—напр., когда полосы луннаго свѣта принимаютъ за привидѣнія,—или, въ ночное время, какой нибудь кустъ за звѣря. Ошибки такого рода обусловлены въ извѣстной мѣрѣ *волненіями*, ослабляющими критическую работу мышленія; но самая сущность ошибки заключается здѣсь въ ошибочномъ отожествленіи видимыхъ вещей, съ вещами данными раньше въ извѣстныхъ идеяхъ,—въ силу какого нибудь ничтожнаго сходства между ними.—Къ ошибкамъ узнаванія относятся также многіе эффекты, достигаемые *театральною постановкою* сценическихъ произведеній,—*декораціями*, *дѣйствіями машинъ*, *искуствомъ освѣщенія* и т. д.,—равно какъ эффекты такъ-называемымъ *фокусовъ*,—искуства *чревовѣщанія;* и т. д.—Такимъ образомъ, ребенокъ, котораго представляетъ какая нибудь кукла, кажется плачущимъ на сценѣ, когда за сценою раздаются звукоподражанія дѣтскому плачу.—Когда фокусникъ, разводя руками въ воздухѣ, наконецъ что-то схватываетъ, и показываетъ публикѣ, какъ пойманную, вещь ловко вынутую изъ рукава платья совпаденіе его дѣйствій съ

обыкновенными дѣйствіями хватанія на лету или въ воздухѣ, даетъ искуственную иллюзію.—Точно также, когда чревовѣщатель, помѣщенный за своими куклами, говоря разными голосами, заставляетъ, при этомъ, различныя куклы дѣлать движеніе губами, головою и руками,—минутная искуственная иллюзія говорящихъ фигуръ неизбѣжна.

Ошибочныя *обобщенія умственныхъ рефлексій* реальныхъ отношеній представлены, массами, въ *народныхъ предразсудкахъ*, *повѣрьяхъ*, *суевѣріяхъ*.—Таковы *предразсудки* относительно предзнаменованій *кометъ*, *сѣверныхъ сіяній* и нѣкоторыхъ другихъ воздушныхъ явленій.—Таковы *повѣрья*, что «собака воетъ — къ покойнику», «большой урожай рябины—къ огню»; «сорока скачетъ на домѣ больного—къ выздоровленію»; и т. д.—Таковы *суевѣрья*, что «гулъ въ трубѣ — пришла душа покойника», что «отъ мора и болѣзней спасаются, опахивая дворы и деревни», и т. д. Такого же характера многія *примѣты;* напр. «длинныя капельники (ледяныя сосульки) — длинный ленъ»; и «если мыши изгрызутъ хлѣбъ сверху—дорогъ будетъ, снизу—дешевъ, а съ боку—средняя цѣна», и т. д.

---

351. Мы разсмотрѣли всѣ главныя явленія логическаго направленія мышленія,—и нашли законъ сходства собственнымъ источникомъ этихъ явленій, или этого направленія.—Чтобы закончить наше обозрѣніе послѣдняго, взглянемъ на отношеніе явленій обобщенія къ нѣкото-

рымъ популярнымъ терминамъ мышленія,—каковы *умъ*, *воспоминаніе*, *воображеніе*, *остроуміе*, *соображеніе*, *догадка*, *общій* или *здравый* смыслъ.

Умъ.—Народныя значенія этого термина многочисленны, но когда *умъ* противополагается *памяти* и *воспоминанію*, онъ означаетъ обыкновенно всѣ явленія *логическаго* направленія, или явленія *обобщенія*,—особенно же всѣ *массивныя умственныя сближенія* дѣйствительности по сходству, самымъ широкимъ примѣромъ которыхъ являются такъ-называемыя *міровоззрѣнія—логическаго* или *систематическаго* характера.

Массивныя умственныя сближенія служатъ простымъ выраженіемъ того стремленія мышленія, которое называется *закономъ сходства*, и которое заключается въ готовности мышленія — отвѣтить массою идей всей прошлой дѣйствительности, на сходныя съ нею текущіе реальные факты, или идеи данныя въ текущихъ умственныхъ операціяхъ. Иначе сказать, по закону сходства, каждый текущій психическій фактъ вызываетъ нѣкоторое освѣщеніе всего *содержанія* памяти, насколько оно съ нимъ *сходится*. Такъ какъ память человѣка представляетъ умственную рефлексію всей исторіи его психическаго существованія, со всѣми ея эпизодами, физическаго и общественнаго свойства то это новое, *логическое*, освѣщеніе дѣйствительности, данной, въ памяти, въ порядкѣ *историческомъ*, можетъ всякій текущій фактъ, и всякую идею данную въ текущей умственной операціи, сдѣлать исходною точкою соотвѣтственнаго однообразнаго взгляда на міръ. Такимъ образомъ, наблюденія надъ *водою* подали поводъ одному изъ древнихъ философовъ произво-

дить всѣ вещи изъ воды, наблюденія надъ *воздухомъ*, *огнемъ*, *дѣлимостью* тѣлъ, подали поводъ другимъ, къ произведенію всего изъ воздуха, изъ огня, изъ первобытной *массы частицъ*; изъ другихъ наблюденій возникли взгляды на міръ, какъ на явленія *любви* и *ненависти*,—какъ на сочетаніе *противоположностей*; и т. д.

352. Въ области *воспоминаній* законъ сходства заявляетъ свое дѣйствіе *переходами*, и даже *скачками*, изъ однихъ воспоминаній въ другія. Отъ одного воспоминанія, изъ своей или чужой жизни, легко переходятъ къ другимъ, сходнымъ съ нимъ, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. Отсюда, дружеская бесѣда часто представляетъ рядъ воспоминаній на одну тему. — Въ свидѣтельскихъ показаніяхъ можно наблюдать другое явленіе,—*перескакиванія* изъ однихъ воспоминаній въ другія, смѣшивающія лица, дѣйствія, времена, мѣста,—по какому нибудь, часто ничтожному, сходству припоминаемыхъ явленій.

Въ области *воображенія* законъ сходства обнаруживаетъ себя, между прочимъ, слѣдующими явленіями. во-первыхъ, *патетическимъ* теченіемъ идей; во-вторыхъ, участіемъ въ *поэтической обработкѣ* содержанія памяти, въ-третьихъ, явленіями *остроумія*; и въ-четвертыхъ, поэтическими *одушевленіями*, и *олицетвореніями*.

Патетическимъ теченіемъ идей, или *патетическими ассоціаціями*, мы называемъ умственныя рефлексіи дѣйствительности, окрашенныя какимъ нибудь однимъ господствующимъ чувствомъ, — напр., *нѣжности*, *злобы*, *ревности*, *страха*, *восторга*, *благоговѣнія*, *красоты*: и т. д. Особенность патетическаго теченія идей заклю-

чается въ томъ, что оно не допускаетъ идей, расходящихся съ господствующимъ въ немъ чувствомъ, и даже просто безразличныхъ относительно послѣдняго. Патетическія ассоціаціи суть произведенія закона сходства, работающаго надъ извѣстнымъ матеріаломъ, даннымъ памятью, или закономъ смежности; это — рефлексіи всѣхъ прошлыхъ фактовъ сходныхъ въ одной только чертѣ,—въ томъ, что они вызывали когда нибудь одно и тоже чувство, или были связаны съ нимъ по переносенію. Этимъ дѣйствіемъ закона сходства объясняются тѣ странныя, односторонне освѣщенныя картины дѣйствительности, которыя рисуетъ нѣжность однихъ, злоба другихъ, ревность третьихъ, страхъ четвертыхъ, и т. д. Но тѣмъ же дѣйствіемъ объясняются, прежде всего, и тѣ *плящныя* картины, которыми мы любуемся въ произведеніяхъ художниковъ. Рефлексія, въ идеяхъ, одѣхъ плящныхъ сторонъ какого нибудь явленія, какой нибудь вещи, исторіи,—бываетъ прежде всего *эстетико-патетическою*.

353. Въ § 320 мы объяснили участіе закона смежности въ умственныхъ дѣйствіяхъ приписываемыхъ воображенію. Въ работѣ воображенія, представляющаго, въ нѣкоторыхъ отвлеченныхъ чертахъ, извѣстную, по прежнимъ опытамъ, дѣйствительность,—нельзя не признать прежде всего, закона смежности, — а именно, насколько воображеніе сохраняетъ характеръ скрытнаго воспоминанія. Но самое отвлеченіе или обобщеніе воспоминаній не можетъ быть объяснено дѣйствіемъ закона смежности.— Пріятныя волненія, конечно эстетическаго рода, способны удержать на тѣхъ отвлеченіяхъ, которыя вызвали ихъ, — т. е. данныхъ; но произвести ихъ они также не

въ состояніи. Такимъ образомъ, обобщеніе воспоминаній, находимое въ работѣ воображенія, мы должны отнести къ общему началу всякаго обобщенія, — т. е., закону сходства.

Остроуміе обнаруживается въ *сравненіяхъ* опирающихся на самыя ничтожныя, едва уловимыя сходства. Кажется, что между главными порядками ощущеній нѣтъ ничего общаго, кромѣ однообразной зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ условій; однако, поэты находятъ и здѣсь нѣкоторые пункты сходства, и сближаютъ *цвѣта* съ *звуками*, *звуки* съ *запахами*, *вкусами;* и т. д. Такимъ образомъ, у нихъ, нѣкоторые *виды* природы называются *мягкими;* нѣкоторые *звуки—ясными* другіе — *пронзительными*. Звуки, у поэтовъ, «таятъ», «благоухаютъ»; цвѣта «переливаются»; «желтѣющая нива *волнуется*»; «поютъ кто въ лѣсъ, кто по дрова» (т. е. какъ телѣга скрыпитъ); и т. д.

Одушевленія и *олицетворенія*, составляющія признанную работу воображенія, основаны на томъ же законѣ сходства. Поэтическія одушевленія, вещей неодушевленныхъ, опираются иногда на весьма слабыя, уловимыя только въ минуты особеннаго душевнаго возбужденія, сходства. Таковы одушевленія *горъ*, *рѣкъ*, *лѣса, облаковъ*, *бури* и т. д., въ извѣстныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. «Горныя вершины спятъ во мглѣ ночной»; «Терекъ воетъ»; «Тучки небесныя, вѣчные странники»; «Буря мглою небо кроетъ»; и т. д.—*Олицетворенія* у поэтовъ перемѣшаны съ одушевленіями; но особенно выдаются въ такъ-называемыхъ «басняхъ»; какъ, у Крылова, олице-

творенія. *Дуба* и *Трости; Вороны* и *Лисицы*, *Осла* и *Соловья*; и т. д.

354. *Соображеніе*, по обыкновенному употребленію этого слова, означаетъ различные виды *умственнаго сближенія* по сходству, и особенно *сравненія дѣйствій* съ ихъ различными *обстоятельствами* —напр. съ характеромъ и положеніемъ дѣйствующихъ *лицъ* и свидѣтелей дѣйствій, — что̀ ведетъ къ признанію ихъ *приличными*, *пристойными*, или напротивъ; — съ обстоятельствами *мѣста* и *времени*, — что̀ приводитъ къ сознанію ихъ *умѣстности* и *неумѣстности*, *поспѣшности*, *запоздалости* и т. д.; — съ *потребностями*, — что̀ даетъ основаніе находить ихъ *подходящими*, *годными*, *нужными*, *необходимыми*, или напротивъ;—съ *цѣлью*,—что̀ ведетъ къ названію ихъ *удачными*, *успѣшными*, *счастливыми*, *плодотворными*, или наоборотъ; —съ *постановленіями*, *правилами*, *законами*,—что̀ приводитъ къ признанію ихъ *правильности*, *законности*, *точности*, или наоборотъ;— съ *общественнымъ мнѣніемъ*,—что̀ ведетъ къ признанію ихъ *безупречными*, *безукоризненными*, *одобрительными*, *чистыми*, или наоборотъ; и т. д. — Всѣ сравненія дѣйствій съ обстоятельствами сопровождаются *чувствами совпаденія* или *несовпаденія* первыхъ съ послѣдними,— которыя называются иначе чувствами *соотвѣтствія* и *несоотвѣтствія*, или *сообразности* и *несообразности* дѣйствій.

Явленіями *догадки* называютъ обыкновенно явленія *смысла*, обобщенныя по закону сходства,—т. е. *антиципаціи* дѣйствительности, какъ совмѣстныя произведенія

закона смежности и закона сходства.—Есть, какъ мы видѣли антиципаціи, основанныя на одномъ законѣ смежности· — напр. антиципаціи *продолженія* начатыхъ дѣйствій (§ 308), антиципаціи *другихъ свойствъ* тѣхъ же наблюдаемыхъ явленій или вещей (§ 309), антиципаціи *послѣдствій* тѣхъ же дѣйствій, при тѣхъ же обстоятельствахъ (§ 310),—словомъ сказать, антиципаціи того, что находилось прежде въ реальныхъ отношеніяхъ къ наблюдаемому нами факту, — въ отношеніяхъ простого сосуществованія и преемства, или въ отношеніяхъ причинной связи. Пока антиципаціи такого рода находятъ свое приложеніе къ предметамъ, извѣстнымъ изъ непосредственныхъ опытовъ, онѣ будутъ оставаться дѣйствіемъ закона смежности. Но всякое явленіе тѣхъ же антиципацій, въ приложеніи къ *новымъ* предметамъ, требуетъ, для своего возникновенія, не только закона смежности, но и закона сходства. Новое явленіе, или новая вещь, должны быть сближены по сходству, иначе *сравнены* съ извѣстными изъ прежнихъ опытовъ явленіями и вещами, или же *подведены* подъ *общія идеи* явленій и вещей,— для того чтобы совпаденіе ихъ, въ наблюдаемыхъ свойствахъ и отношеніяхъ, съ извѣстными, позволило, по закону смежности, *умственное перенесеніе* на нихъ и другихъ свойствъ и отношеній, еще не подлежавшихъ наблюденіямъ въ нихъ,—т. е. антиципацію для сходныхъ явленій—сходныхъ сопровожденій или послѣдствій, и для сходныхъ вещей—сходныхъ свойствъ и измѣненій.

Антиципаціи по сходству, открываемому *сравненіемъ* отдѣльныхъ явленій и вещей, составляютъ естественную ступень, въ развитіи способности антиципацій. Такимъ образомъ, юные испытатели природы, получивши горѣніе,

путемъ тренія двухъ какихъ нибудь кусковъ дерева, догадываются, что тоже явленіе получится и при треніи двухъ другихъ кусковъ дерева, или отыскавши извѣстныя ягоды на одномъ кусту, надѣются найти ихъ и на другомъ, той же породы.—Такого рода антиципаціи по сходству и составляютъ обыкновенный смыслъ народнаго слова *догадка*. Въ логикахъ, такія антиципаціи называютъ *заключеніями отъ частнаго къ частному*.

Антиципаціи по сходству, открываемому *подведеніемъ* явленій и вещей подъ *общія идеи*, даютъ перенесенія, на новые случаи, *общихъ умственныхъ рефлексій* реальныхъ отношеній, — т. е того, что внушается *неизмѣнными типами* явленій, вещей и ихъ отношеній.—Такія антиципаціи называются, въ логикахъ, заключеніями отъ *общаго къ частному*; въ обыкновенной же рѣчи, онѣ носятъ названіе явленій *общаго* или *здраваго* смысла. Въ силу такого рода антиципацій, никто не ожидаетъ отвѣта—отъ горъ и лѣсовъ; снѣга—въ жаркую погоду; молока—отъ куръ; состраданія—отъ дикихъ звѣрей; но ожидаетъ, въ горахъ, богатствъ минеральныхъ, въ лѣсахъ—растительныхъ; въ жаркую погоду—дождей; отъ куръ—яицъ, отъ дикихъ звѣрей—увѣчья и смерти;—однимъ словомъ, явленій извѣстныхъ постоянныхъ порядковъ дѣйствительности.

ГЛАВА III

РЕФЛЕКСІЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВЪ МЫШЛЕНІИ.

(продолженіе)

Происхожденіе *трансцендентнаго* направленія человѣческаго мышленія — Трансценденціи общаго или здраваго смысла — Трансценденціи воображенія.—Трансценденціи увѣренности.—Трансценденціи ума. Трансценденціи матеріализма; спиритуализма; идеализма, метафизическаго феноменализма.

Происхожденіе трансцендентнаго направленія человѣческаго мышленія.

355. Въ двухъ предшествующихъ главахъ, мы разсмотрѣли два направленія человѣческаго мышленія, *историческое* и *логическое*, — *обособляющее* и *обобщающее*: первое изъ нихъ обязано своимъ происхожденіемъ *закону смежности*, — второе — *закону сходства*. Теперь обратимся къ третьему направленію мышленія, также основному и непроизвольному, какъ и два предыдущія, — именно, *трансцендентному*.

Трансцендентнымъ направленіемъ мышленія мы называемъ стремленіе послѣдняго къ *трансценденціи явле-*

ній,—т. е. къ *переступанію* ихъ *предѣловъ*, и къ *рефлексіи дѣйствительности нефеноменальной*.

Трансцендентное направленіе мышленія обязано своимъ происхожденіемъ совмѣстному дѣйствію обоихъ разсмотрѣнныхъ нами законовъ ассоціаціи,—*закона смежности* и *закона сходства*, — слѣдовательно, вообще, управляемой этими законами умственной *рефлексіи прошлой психической дѣйствительности*.

Что всякая трансценденція явленій коренится въ умственной рефлексіи прошлыхъ психическихъ фактовъ, и въ управляющихъ ею законахъ смежности и сходства,—иначе сказать, не зависитъ ни отъ какихъ другихъ фактовъ или законовъ,—въ этомъ можно убѣдиться, разсматривая *основныя формы* мысленной трансценденціи явленій, которыя мы находимъ, во-первыхъ, въ трансценденціяхъ *общаго* или *здраваго* смысла; во-вторыхъ, въ трансценденціяхъ *воображенія*; въ-третьихъ, въ трансценденціяхъ *увѣренности*; и въ-четвертыхъ, въ трансценденціяхъ *ума*.

ТРАНСЦЕНДЕНЦІИ ОБЩАГО ИЛИ ЗДРАВАГО СМЫСЛА.

356. Стремленіе мышленія къ трансценденціи явленій составляетъ такую же господствующую черту послѣдняго, какъ и стремленія къ ихъ обособленію, и обобщенію. Въ каждомъ актѣ мышленія о *вещахъ* заключается трансценденція *явленій*. Выражаясь иначе, — мысленныя трансценденціи явленій даны во всѣхъ *идеяхъ вещей*; и такъ какъ идеи вещей составляютъ ближайшее основаніе того что̀ называютъ общимъ или здравымъ смысломъ,—то эти трансценденціи *явленій*, данныя въ идеяхъ *вещей*,

мы и называемъ *трансценденціями общаго* или *здраваго смысла.*

Въ первой части этого сочиненія, при подробномъ разсмотрѣніи *предѣловъ* человѣческаго знанія (§ § 82—88), было найдено, что *прямое* знаніе человѣка ограничено его *психическими отношеніями*, или *фактами психическихъ отношеній*; а *косвенное* знаніе его не идетъ далѣе *присутствія какихъ-то вещей* въ фактахъ психическихъ отношеній. Такъ какъ область *явленій*, въ строгомъ или собственномъ смыслѣ, не выходитъ изъ области *психическихъ отношеній:* то ясно, что знаніе идущее далѣе этимъ отношеній, захватываетъ дѣйствительность *нефеноменальную*, — иначе, имѣетъ характеръ *трансцендентный*. Слѣдовательно, всякое знаніе человѣка, имѣющее своимъ объектомъ присутствіе или дѣйствительность *вещей*, въ фактахъ психическихъ отношеній или *явленій*, — трансцендентно. А такъ какъ знанія такого рода заключены въ идеяхъ *вещей*, то ясно, что въ идеяхъ *вещей* даны *трансценденціи явленій.*

Трансценденціи явленій, въ идеяхъ вещей, суть ли послѣдствія какихъ нибудь необыкновенныхъ способностей и законовъ мышленія,—или произведенія тѣхъ же законовъ ассоціаціи, которые открываются въ обособленіяхъ и обобщеніяхъ явленій, — законовъ *смежности* и *сходства?*

Мы утверждаемъ послѣднее. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, обратимся къ трансценденціямъ явленій въ идеяхъ *вещей*,—во-первыхъ, *матеріальныхъ*, и во-вторыхъ, *духовныхъ.*

Трансценденціи явленій въ идеяхъ вещей матеріальныхъ.

357. Какъ было показано прежде (§ § 82—83), къ знанію матеріальныхъ *вещей*, т. е. ихъ *присутствія* въ фактахъ психическихъ отношеній, ведетъ другое, — знаніе матеріальныхъ *отношеній*, т. е. ихъ *данности* въ сочетаніи съ психическими. Поэтому, обратимся сначала къ идеямъ *матеріальныхъ отношеній*.

Такъ какъ область явленій ограничена кругомъ отношеній психическихъ, то ясно, что отношенія *непсихическія*, называемыя *физическими* или *матеріальными*, принадлежатъ къ дѣйствительности *нефеноменальной*,—и въ идеяхъ матеріальныхъ отношеній мы имѣемъ первые опыты *трансцендентныхъ* явленій. Спрашивается, откуда беретъ свое начало эта простѣйшая форма трансцендентнаго направленія мышленія?—

Отвѣчаемъ: — изъ тѣхъ же законовъ ассоціаціи, управляющихъ рефлексіею реальныхъ психическихъ отношеній, или явленій. Какимъ образомъ умственная рефлексія явленій обращается въ рефлексію какихъ-то нефеноменальныхъ, именно матеріальныхъ, отношеній,—отвѣтъ на это дается, частію самымъ характеромъ умственной рефлексіи этихъ отношеній, частію извѣстною работою законовъ ассоціаціи. Въ идеяхъ матеріальныхъ отношеній нѣтъ ничего, кромѣ рефлексіи *присутствія* или *дѣйствительности* какихъ-то отношеній непсихическихъ, въ фактахъ отношеній психическихъ, именно *ощущеній* и *реальныхъ дѣйствій* (§§ 83, 86). Слѣдовательно, трансцендентная рефлексія, въ идеяхъ матеріальныхъ отношеній,

не содержитъ никакихъ *опредѣленій* этихъ отношеній въ мышленіи отмѣчается простой фактъ ихъ *присутствія* или *данности* въ фактахъ ощущеній и реальныхъ дѣйствій, но не проливается ни малѣйшаго свѣта на нефеноменальную природу, или нефеноменальныя свойства этихъ отношеній. Что простой фактъ *данности* нѣкоторыхъ непсихическихъ отношеній, въ сочетаніи съ психическими, отражается въ мышленіи, это объясняется извѣстными намъ явленіями историческаго и логическаго направленія мышленія, — т. е. дѣйствіями законовъ ассоціаціи.

358. Отношенія матеріальныя, активныя и реактивныя, даны какъ прямой *объектъ* ощущеній и реальныхъ дѣйствій (§ 83) и, поэтому, пріобрѣтаютъ названіе *объективныхъ*, въ противоположность ощущеніямъ и реальнымъ дѣйствіямъ, какъ отношеніямъ *субъективнымъ*, обусловленнымъ объективными. Послѣднее обстоятельство открывается *элиминаціею* всѣхъ другихъ психическихъ фактовъ, изъ круга—положительныхъ условій ощущеній, и отрицательныхъ условій реальныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, отношенія объективныя, въ фактахъ ощущеній и реальныхъ дѣйствій, исключаются изъ круга психическихъ отношеній вообще, или обращаются, въ мышленіи, въ отношенія *внѣшнія* психическимъ, — *непсихическія*, *физическія*, *матеріальныя*, какъ прямыя условія ощущеній и реальныхъ дѣйствій.—Вся эта умственная трансценденція психическихъ отношеній, или явленій, достаточно объясняется законами ассоціаціи.

Какъ скоро, въ самыхъ реальныхъ фактахъ сознанія, именно въ ощущеніяхъ и реальныхъ дѣйствіяхъ, содер-

жится разница между субъективнымъ и объективнымъ то нѣтъ причины, чтобъ эта разница не отразилась со временемъ въ мышленіи, т. е. въ идеяхъ ощущеній и реальныхъ дѣйствій. Безспорно, что эта разница не можетъ быть отмѣчена въ сознаніи, безъ умственнаго сближенія единичныхъ идей ощущеній и реальныхъ дѣйствій, ведущаго къ сравненію, и къ умственному анализу, ихъ содержанія; но такое сближеніе должно начаться съ первымъ накопленіемъ чувственной опытности.

Такъ какъ, далѣе, весь порядокъ *внутренней* зависимости отражается, по смежности, въ мышленіи то, съ увеличеніемъ опытности, должны получиться два послѣдствія совмѣстнаго дѣйствія законовъ смежности и сходства. рефлексія зависимости ощущеній и реальныхъ дѣйствій, отъ нѣкоторыхъ объективныхъ отношеній или вліяній, положительнаго или отрицательнаго свойства,—и соотвѣтственная рефлексія независимости ихъ же отъ какихъ нибудь другихъ субъективныхъ отношеній. Всякое, слѣдующее за тѣмъ, обобщеніе субъективныхъ отношеній въ одинъ классъ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ *исключеніемъ* изъ него отношеній объективныхъ, какъ непсихическихъ.

Такое исключеніе, или выдѣленіе, непсихическихъ отношеній изъ круга психическихъ, не заключаетъ въ себѣ ничего отличнаго отъ другихъ, видѣнныхъ нами случаевъ умственнаго исключенія (§ 295), или отвлеченія (§§ 344—346). Въ умственной работѣ, сосредоточенной на отношеніяхъ психическихъ или субъективныхъ, идеи непсихическихъ или матеріальныхъ отношеній должны принять форму *скрытнаго* сознанія, самую удобную для рефлексіи простой данности неизвѣстныхъ отношеній.

Съ развитіемъ трансцендентнаго мышленія о матеріальныхъ вещахъ, идеи матеріальныхъ отношеній сливаются, по смежности, съ сопровождающими ихъ идеями ощущеній, какъ *внѣшнихъ* явленій, или какъ психической символики непсихическихъ, матеріальныхъ, внѣшнихъ отношеній (§ 86).

359. Перейдемъ теперь къ *трансценденціямъ*—въ идеяхъ самыхъ *матеріальныхъ вещей*. Это — вторая и послѣдняя ступень, въ развитіи трансцендентнаго характера мышленія, въ одномъ изъ двухъ главныхъ направленій. Исходнымъ пунктомъ этихъ трансценденцій служатъ идеи *матеріальныхъ отношеній* или внѣшнихъ вліяній; завершеніемъ ихъ—признаніе факта *присутствія*, или *дѣйствительности*, матеріальныхъ *вещей* въ фактахъ *присутствія*, или *дѣйствительности*, матеріальныхъ *отношеній*.

Присутствіе или дѣйствительность матеріальныхъ *вещей* дальше отъ прямого сознанія, чѣмъ дѣйствительность матеріальныхъ *отношеній;* слѣдовательно, знаніе перваго имѣетъ болѣе трансцендентный характеръ, чѣмъ послѣдняго. Но спрашивается: эти новыя трансценденціи явленій, заключенныя въ *идеяхъ матеріальныхъ вещей*, вытекаютъ ли изъ какихъ нибудь новыхъ условій мышленія,—или изъ тѣхъ же законовъ ассоціаціи?

Мы утверждаемъ послѣднее. Къ убѣжденію въ этомъ склоняютъ, прежде всего, полученныя нами заключенія относительно трансценденцій въ идеяхъ матеріальныхъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, если въ идеяхъ матеріальныхъ отношеній, мышленіе переступаетъ предѣлы явленій, съ помощью однихъ законовъ ассоціаціи то почему мы

должны искать иныхъ условій, для объясненія трансценденцій въ идеяхъ матеріальныхъ вещей?—По своему характеру, трансценденціи перваго рода существенно сходны съ послѣдними Трансцендентное знаніе матеріальныхъ *вещей* ограничено фактомъ *присутствія* или *дѣйствительности* ихъ, точно также, какъ и соотвѣтственное знаніе матеріальныхъ *отношеній:*—т. е. въ немъ не содержится никакихъ *опредѣленій* этихъ вещей. Вещи *матеріальныя* суть тоже, что вещи данныя въ фактахъ—*матеріальныхъ*, т. е. *непсихическихъ* отношеній. *Матеріальность* есть указаніе на *происхожденіе* нашего *знанія* о матеріальныхъ вещахъ, а отнюдь не на ихъ нефеноменальную природу, или сущность; матеріальность есть указаніе на связь матеріальныхъ вещей съ нашими ощущеніями и реальными дѣйствіями, какъ реальныхъ началъ обусловливающихъ послѣднія объективныхъ отношеній или вліяній. Субъективныя послѣдствія этихъ вліяній становятся признаками ихъ и, косвенно, ихъ реальныхъ источниковъ, т. е. вещей, но эти признаки не могутъ считаться опредѣленіями объективнаго характера матеріальныхъ отношеній и вещей.

360. Указывая на сходство въ характерѣ трансценденцій, въ идеяхъ матеріальныхъ отношеній, и въ идеяхъ матеріальныхъ вещей, мы отнюдь не думаемъ скрывать и значительной разницы между ними· несомнѣнно, что въ идеяхъ матеріальныхъ вещей содержится болѣе, чѣмъ въ идеяхъ матеріальныхъ отношеній. Въ чемъ состоитъ этотъ излишекъ содержанія первыхъ идей, и какимъ умственнымъ процессомъ онъ пріобрѣтается?—

Идея матеріальной *вещи* есть умственная рефлексія

реальнаго начала матеріальныхъ отношеній, обладающаго *различными* свойствами, и *тожественнаго* при всѣхъ измѣненіяхъ обусловливаемыхъ имъ отношеній. Различныя свойства этого начала составляютъ его *сущность* (essentiam) и вмѣстѣ съ тѣмъ *потенціи* вытекающихъ изъ него, матеріальныхъ отношеній. Относительно своихъ различныхъ свойствъ, реальное начало, называемое матеріальною вещью, является въ мышленіи *опорою*, *субстанціею*. Такимъ образомъ, трансцендентная идея матеріальной вещи заключаетъ въ себѣ идею матеріальной *субстанціи*, обладающей неизвѣстною матеріальною *сущностью*, или неизвѣстными *свойствами*, какъ потенціями неизвѣстныхъ матеріальныхъ *отношеній*, данныхъ въ фактахъ отношеній психическихъ, или въ *явленіяхъ*. Ясно, что идея матеріальной вещи образуется не вдругъ, въ своихъ трансцендентныхъ элементахъ, что послѣдніе находятся не въ одинаковомъ разстояніи отъ прямого знанія явленій; что идея неизвѣстныхъ матеріальныхъ свойствъ, какъ потенцій матеріальныхъ отношеній, и какъ матеріальныхъ *силъ*, стоитъ ближе къ идеѣ матеріальныхъ отношеній, чѣмъ идея матеріальной субстанціи, обладающей этими свойствами, потенціями или силами. Какимъ образомъ мышленіе, отъ матеріальныхъ отношеній, достигаетъ матеріальныхъ свойствъ, и отъ свойствъ достигаетъ матеріальной субстанціи ихъ?—

Отвѣчаемъ: съ помощью тѣхъ же законовъ ассоціаціи, которыми обусловлена элиминація самыхъ матеріальныхъ отношеній.

Неизвѣстныя матеріальныя свойства или силы, присутствіе которыхъ дано въ фактахъ матеріальныхъ отно-

шеній или внѣшнихъ явленій — что это такое? — Ничего болѣе, какъ *обобщенія* матеріальныхъ отношеній, — идеи ихъ однообразнаго повторенія, въ однообразномъ или неизмѣнномъ порядкѣ. Однообразіе объективныхъ отношеній, указываемое однообразіемъ субъективныхъ, т. е обусловливаемыхъ ими ощущеній,—*постоянство* въ сопровожденіи неизвѣстныхъ первыхъ, извѣстными послѣдними, и есть все что составляетъ содержаніе трансцендентной идеи матеріальнаго свойства. Постоянство въ сосуществованіи нѣкоторыхъ неизмѣнныхъ сопровожденій этого рода и есть все, что называютъ *сосуществованіемъ* матеріальныхъ свойствъ. Несомнѣнно, что матеріальныя свойства нельзя смѣшивать со матеріальными отношеніями, какъ постоянства съ случайностями, но также ясно, что это различеніе должно неизбѣжно совершиться въ силу умственнаго сближенія единичныхъ фактовъ дѣйствительности матеріальныхъ отношеній.

Что такое, далѣе, неизвѣстная матеріальная *субстанція*, обладающая различными свойствами, какъ потенціями матеріальныхъ отношеній? — Ничего болѣе, какъ умственная рефлексія одного изъ видовъ *сосуществованія* или связи матеріальныхъ свойствъ. Есть связь *зависимости* свойствъ другъ отъ друга; и есть связь свойствъ *независимыхъ*. Послѣдняя связь есть *внѣшняя* связь; постоянство этой связи свойствъ какъ потенцій, или *возможностей*, дѣлаетъ неизбѣжнымъ представленіе ея въ видѣ внѣшней, для сосуществующихъ свойствъ, *реальности*, — нѣкотораго единаго и тожественнаго реальнаго начала ихъ. Для рефлексіи факта *дѣйствительности* матеріальныхъ отношеній, и ихъ *постоянства*, требуется идея постояннаго сосуществованія ихъ потенцій въ од-

номъ и томъ же реальномъ началѣ. Для образованія такой трансцендентной идеи, достаточно обычной работы законовъ ассоціаціи. Различеніе внѣшней связи свойствъ отъ внутренней, есть дѣло умственнаго анализа сосуществованія свойствъ, вводимаго сравненіемъ этого порядка реальной связи. Исключеніе же этой внѣшней связи изъ самыхъ свойствъ, какъ ихъ внѣшняго или независимаго отъ нихъ начала, есть дѣло умственнаго сближенія не связанныхъ внутреннимъ образомъ свойствъ, какъ простыхъ потенцій, — теряющихъ дѣйствительность безъ общаго имъ единаго и тожественнаго реальнаго начала,— ту дѣйствительность, о которой несомнѣнно свидѣтельствуютъ факты матеріальныхъ отношеній.

361 Спросятъ: если трансцендентное знаніе вещей достигается путемъ такихъ обыкновенныхъ явленій мышленія, или дѣйствіемъ однихъ законовъ ассоціаціи,—то почему же мы не указали этой работы послѣднихъ, излагая явленія историческаго и логическаго направленій мышленія?—

Отвѣчаемъ:—только для раздѣльности самаго изслѣдованія, и изложенія,—и притомъ, не указали отчетливо, молчаливо же мы не разъ соприкасались съ этою трансцендентною работою мышленія. Для примѣра, укажемъ на явленія *узнаванія*. Въ явленіяхъ узнаванія единичныхъ внѣшнихъ вещей несомнѣнно содержится значительная доля трансцендентной работы мышленія; можно сказать болѣе,— эти явленія и суть настоящее мѣсто для разсмотрѣнныхъ нами трансценденцій общаго или здраваго смысла. Нельзя узнать, въ вещи *тяжолой*, и *круглую*, и *голубую*,—словомъ, одной и той же вещи, обладающей различными свойствами, не признавая, что впечатлѣнія

тяжести, круглой фигуры и голубого цвѣта, т. е. неизвѣстныя матеріальныя отношенія связанныя съ ощущеніями тяжести, фигуры и цвѣта, вытекаютъ изъ одной и той же внѣшней причины ихъ.—Точно также, нельзя признать вещь уже извѣстною изъ прошлыхъ опытовъ, не признавая въ ней одной и той же причины различныхъ по времени послѣдствій, данныхъ въ нашихъ настоящихъ и прошлыхъ впечатлѣніяхъ Такимъ образомъ, во всѣхъ явленіяхъ узнаванія содержатся всегда трансценденціи отъ явленій къ вещамъ. Но это самое доказываетъ, что разсмотрѣнныя нами формы трансцендентнаго мышленія не составляютъ не только какого нибудь кульминаціоннаго пункта достигаемаго человѣческимъ мышленіемъ, но и простого преимущества его предъ мышленіемъ животныхъ: свойственныя животнымъ явленія узнаванія внѣшнихъ вещей, достаточно доказываютъ принадлежность этихъ формъ трансцендентнаго мышленія и животнымъ.

Трансценденціи явленій въ идеяхъ вещей духовныхъ.

362. Трансценденціи явленій, наблюдаемыя въ идеяхъ *вещей духовныхъ* или духа, стоятъ ближе къ области прямого знанія человѣка, чѣмъ найденныя нами въ идеяхъ вещей матеріальныхъ; тѣмъ не менѣе, сравнительно съ послѣдними, первыя составляютъ болѣе высокую,—можно сказать, *культурную* вѣтвь трансценденцій общаго или здраваго смысла людей (§ 85).

Трансцендентное знаніе духовныхъ вещей ограничено признаніемъ *присутствія* или *дѣйствительности* какихъ-то вещей въ фактахъ *субъективныхъ* отношеній или

явленій. Неизвѣстность этихъ вещей относится не къ *сущности* ихъ, о которой условное и ограниченное знаніе почерпается изъ самыхъ субъективныхъ отношеній, или представляемыхъ ими *свойствъ*,—а къ *субстаціи* или *субстаціямъ* обладающимъ этою сущностью, — къ *реальному началу* извѣстныхъ психическихъ свойствъ, какъ *потенцій* субъективныхъ отношеній, или субъективной актуальности (§ 88). Въ идеяхъ духовныхъ вещей, какъ неизвѣстныхъ *субстаціій* извѣстныхъ психическихъ свойствъ и отношеній, знаніе человѣка также трансцендентно, какъ и въ идеяхъ отношеній и вещей матеріальныхъ.

Этими предѣлами трансцендентнаго знанія духовныхъ вещей предрѣшается отчасти вопросъ о его происхожденіи. Оно не идетъ дальше признанія присутствія или дѣйствительности какихъ-то *субстаціій*, въ фактахъ субъективныхъ отношеній, или явленій: самое названіе ихъ *духовными* или *психическими*, *душами*, — указываетъ только на тѣ *свойства*, которыя справедливо приписываются имъ, на основаніи представляющихъ послѣднія субъективныхъ явленій, но которыя не разрѣшаютъ вопроса о томъ, отлична ли обладающая этими свойствами субстанція, отъ той которую называютъ матеріальною. Такимъ образомъ, весь вопросъ *трансценденціи*, въ идеяхъ духовныхъ вещей, сводится къ *исключенію* неизвѣстныхъ *субстаціій*, изъ круга извѣстныхъ свойствъ, какъ ихъ *реальнаго начала* и *связи*.

Для этого исключенія достаточно извѣстныхъ дѣйствій законовъ ассоціаціи. При нѣкоторой умственной развитости людей, оно не можетъ не состояться, въ виду характера психическихъ свойствъ, какъ *потенцій* субъ-

ективныхъ отношеній, или явленій. При случайности послѣднихъ, постоянство первыхъ какъ простыхъ *возможностей*, можетъ быть обусловлено только нѣкоторою реальностью отличною отъ психическихъ актовъ, и составляющею, въ отсутствіе послѣднихъ, опору представляемыхъ ими потенцій. Такимъ образомъ, умственная элиминація вещей, какъ реальнаго начала и связи психическихъ свойствъ, есть слѣдствіе умственнаго анализа послѣднихъ, какъ потенцій духовныхъ отношеній,—т е косвенное произведеніе ихъ сравненія.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что такого рода умственный анализъ, продполагая нѣкоторую историческую развитость людей, вовсе не требуетъ какой нибудь значительной культуры ихъ. Къ такому анализу *актуальнаго, потенціальнаго* и, отличнаго отъ того и другого, *реальнаго*—въ области психической дѣйствительности, доставляютъ поводъ ежедневныя сравненія состояній *сна* людей, съ состояніями ихъ *бодрствованія*.

Разсматривая, въ цѣломъ, область трансценденцій общаго или здраваго смысла, нельзя не замѣтить ихъ выдающагося общаго характера. Всѣ онѣ даютъ *дѣйствительность* отношеній и вещей, выходящихъ изъ области явленій, и всѣ онѣ не даютъ никакихъ *опредѣленій* этихъ отношеній и вещей. Такимъ образомъ, трансценденціи здраваго смысла оставляютъ при полной неизвѣстности относительно *нефеноменальнаго бытія*, или *нефеноменальной дѣйствительности*. Этимъ-то и вызываются тѣ разнообразныя попытки ея *опредѣленій*, какія мы встрѣчаемъ въ трансценденціяхъ *воображенія*, *увѣренности*, и *ума*.

ТРАНСЦЕНДЕНЦІИ ВООБРАЖЕНІЯ.

363. Трансценденціями *воображенія* мы называемъ умственныя трансценденціи явленій въ *патетическихъ* и *поэтическихъ* міровоззрѣніяхъ людей

Есть чувства, которыя мы назвали (§ 125) *космическими* чувствами человѣка; это—чувства *неограниченныхъ* по объему, или *космическихъ*, вліяній. Есть, далѣе, нѣкоторыя измѣненія во взглядахъ человѣка на міръ, образующіяся подъ вліяніемъ его космическихъ чувствъ, и дающія начало другимъ міровоззрѣніямъ, которыя мы назвали *патетическими* (§ 125). Патетическія міровоззрѣнія, составляющія естественное сопровожденіе космическихъ чувствъ, представляютъ сочетанія впечатлѣній и идей, вызвавшихъ послѣднія,—съ новыми идеями, отражающими прежніе психическіе опыты наблюдателя, по сходству съ текущими впечатлѣніями и идеями, и съ вызываемыми ими космическими чувствами. Такимъ образомъ, патетическія міровоззрѣнія объясняются условіями *массивныхъ* ассоціацій, переходящихъ въ міровоззрѣнія (§ 351), и *патетическимъ теченіемъ идей* или *патетическими ассоціаціями*, составляющими одно изъ явленій *воображенія*, по закону сходства (§ 352).

Входя глубже въ свойства патетическихъ міровоззрѣній, мы найдемъ, что не смотря на кажущуюся феноменальность всего ихъ содержанія, въ нихъ есть своеобразныя *трансценденціи* явленій. Подъ этими трансценденціями мы не разумѣемъ присущихъ патетическимъ, какъ и всякимъ другимъ, міровоззрѣніямъ, трансценденцій общаго или здраваго смысла, въ идеяхъ и чувствахъ не-

извѣстныхъ космическихъ явленій, и ихъ неизвѣстнаго нефеноменальнаго источника патетическія міровоззрѣнія содержатъ трансценденціи явленій, опредѣляющія эту нефеноменальную дѣйствительность, какъ *чувствующую*, и *дѣйствующую* подъ вліяніемъ *чувствъ*. Такое оживленіе неизвѣстной нефеноменальной дѣйствительности можно наблюдать, напр., въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ первобытныхъ людей на *міръ*, на *небо* и *землю*. Небо представлялось имъ то *гнѣвающимся*, и въ гнѣвѣ *мечущимъ* свои громы, или стрѣлы; то *любящимъ*, и *оплодотворяющимъ* любимую имъ землю, то пронизнутымъ *опасеніями* на счетъ правильности теченія явленій на землѣ, и зорко *слѣдящимъ* за нею, днемъ, своимъ всевидящимъ окомъ—солнцемъ, а ночью, тысячами своихъ очей — звѣздъ, и т. д.—Земля же представлялась, соотвѣтственно, то *любвеобильною* родительницею, *матерью* всѣхъ живыхъ существъ,—*озабоченною* ихъ пропитаніемъ и сохраненіемъ; то *гнѣвающеюся* на нихъ, *устрашающею* ихъ землетрясеніями, и *наказывающею* провалами земли, и *пожраніемъ* ихъ; и т. д.

364. Спрашивается. откуда вытекаютъ такія трансценденціи явленій? Достаточно ли, для ихъ объясненія, простыхъ дѣйствій законовъ ассоціаціи?—Конечно. Патетическое оживленіе міра, — неба и земли, — чувствами и произвольными дѣйствіями, есть умственный процессъ *одушевленія*, составляющій одно изъ главныхъ явленій *воображенія* по закону сходства (§ 353). Для одушевленія нефеноменальной дѣйствительности космоса, съ помощью способности чувствъ и произвольныхъ дѣйствій, нужна та работа законовъ смежности и сходства, на ко-

торой основаны *умственныя перенесенія* психической дѣйствительности (§§ 307, 347, 352). Въ патетическихъ міровоззрѣніяхъ содержатся для такой работы достаточныя точки опоры, или поводы. Измѣнчивые виды природы, то свѣтлой, мягкой, то мрачной, суровой, сближены, съ внѣшними выраженіями чувствъ или волненій человѣка, въ такихъ употребительныхъ фразахъ, какъ *небо улыбается*, *небо хмурится*. Это показываетъ, что между первыми и послѣдними есть нѣкоторое, правда, едва уловимое сходство; но, какъ мы видѣли (§ 353), ничтожныя сходства суть обыкновенный поводъ къ умственнымъ одушевленіямъ; и слѣдовательно, такого, едва уловимаго сходства между видами природы, и выраженіями человѣческихъ чувствъ, совершенно достаточно для перенесенія, на ея нефеноменальную дѣйствительность, самыхъ *чувствъ*, или способности чувствъ, и связанной съ нею способности *произвольныхъ дѣйствій*, — перенесенія, встрѣчающаго весьма благопріятныя условія, для своего осуществленія, въ той усиленной работѣ воображенія, которая отличаетъ патетическія міровоззрѣнія человѣка.

Такимъ образомъ, ясно, что патетическія трансценденціи воображенія обязаны своимъ происхожденіемъ законамъ ассоціаціи. Обращаясь къ общему характеру такихъ трансценденцій, найдемъ, что данныя въ нихъ опредѣленія нефеноменальной дѣйствительности, какъ *чувствующей* и *произвольно дѣйствующей*, значительно удаляютъ ихъ отъ трансценденцій общаго или здраваго смысла, не дающихъ ей никакихъ опредѣленій, — но въ тоже время оставляютъ эту дѣйствительность безъ всякихъ раздѣльныхъ очертаній.

365. Перейдемъ къ трансценденціямъ воображенія въ міровоззрѣніяхъ *поэтическихъ*. Поэтическія міровоззрѣнія не отдѣляются рѣзко отъ патетическихъ, и могутъ быть простымъ преобразованіемъ послѣднихъ. *Поэтическими міровоззрѣніями* мы назвали (§ 128) міровоззрѣнія, слагающіяся изъ поэтическихъ преобразованій индивидуальныхъ явленій и вещей природы,—преобразованій, уклоняющихся отъ свойственныхъ людямъ умственныхъ типовъ вещей и отношеній, и заключающихся въ превращеніяхъ индивидуальныхъ явленій, или отношеній, въ индивидуальныя вещи или существа,—въ оживленіи вещей представляющихся безжизненными, въ одушевленіи признаваемыхъ неодушевленными, въ олицетвореніи безличныхъ,—и въ превращеніяхъ обратнаго вида,—напр., лицъ въ животныя, растенія и даже неорганическія массы.—Поэтическія преобразованія наблюдаемой дѣйствительности свойственны каждому человѣку, въ первые годы дѣтства, и въ минуты нѣкоторыхъ душевныхъ возбужденій, во всякомъ возрастѣ. Бываютъ мгновенія, когда передъ глазами созерцателя природы, такія явленія, какъ *тѣни*, *отраженія*, *эхо*, принимаютъ видъ пугающей реальности; когда оживаютъ вещи чуждыя жизни, какъ *горы*, *пещеры*, *пропасти*, *ручьи*, *рѣки*, *озера*, *моря*, *океаны*, *острова*, *солнце*, *луна*, *звѣзды;* и т. д.; когда *цвѣты*, *деревa*, *лѣса*, *нивы*, кажутся полными чувствъ, думъ и говора; когда *животныя* представляются безстрастными свидѣтелями нравственныхъ дѣйствій человѣка, судьями и мстителями; и т. д. — Такія мгновенія особенно часты у поэтовъ, вслѣдствіе особенной живости ихъ впечатлѣній; такія поэтическія мгновенія должны

сопровождать и патетическія міровоззрѣнія, съ наступленіемъ нѣкотораго ослабленія поддерживающихъ ихъ космическихъ чувствъ.

366. Поэтическія міровоззрѣнія кажутся на первый разъ нѣкоторою игрою воображенія, основанною на слабыхъ сходствахъ, между самыми различными предметами, и не идущею далѣе нѣкотораго украшенія явленій, въ глазахъ ихъ наблюдателя. Но всматриваясь пристальнѣе въ ихъ содержаніе, найдемъ, что въ нихъ есть нѣчто болѣе поэтическаго украшенія явленій,—есть свои *трансценденціи* явленій, опять не въ формѣ признанія неизвѣстной нефеноменальной дѣйствительности природы, какъ основы ея явленій,—а въ формѣ раздѣльныхъ опредѣленій этой дѣйствительности, какъ *множества индивидуальныхъ нефеноменальныхъ дѣятелей*, живыхъ, чувствующихъ, личныхъ, — сокрытыхъ въ безжизненныхъ, безчувственныхъ и безличныхъ вещахъ и явленіяхъ. Въ періодъ зрѣлой культуры людей, такія поэтическія трансценденціи встрѣчаютъ отпоръ со стороны міровоззрѣній высшаго типа; но расположенія къ нимъ никогда не исчезаютъ, и безъ сомнѣнія такого рода поэтическія трансценденціи явленій мы встрѣчаемъ въ тѣхъ воззрѣніяхъ первобытныхъ людей, которыя получили названія *анимизма*, *фетишизма*, и *спиритизма*, и которыя наполняютъ матеріальную среду *духами*,—т. е. тонкими, способными къ ея проникновенію, и одаренными личностью, субстанціями. Анимизмъ наполнилъ духами всѣ индивидуальныя вещи, доступныя одушевленію и олицетворенію, въ поэтическія мгновенія жизни,—и горы, и пещеры, и рѣки, и озера, и воздухъ, и лѣса, и поля, и луга, и солнце, и луну, и звѣзды.

367 Спрашивается откуда — такія трансценденціи явленій?—Вопросъ этотъ раздѣляется на два: во-первыхъ, о происхожденіи *общихъ* формъ поэтическихъ трансценденцій воображенія, и во-вторыхъ, о происхожденіи ихъ *спеціальныхъ* формъ, представляемыхъ *анимизмомъ*.

Первый вопросъ сводится къ слѣдующему откуда берутъ свое начало *олицетворенія* безличныхъ вещей— *трансцендентнаго* характера, — т. е въ смыслѣ представленія безличныхъ вещей *личными дѣятелями*, или въ смыслѣ *помѣщенія* личныхъ дѣятелей въ безличныхъ вещахъ? — Очевидно, что, въ олицетвореніяхъ трансцендентнаго характера, мы имѣемъ простое сочетаніе процессовъ олицетворенія, съ трансценденціями общаго или здраваго смысла, признающаго присутствіе, въ явленіяхъ, неизвѣстныхъ субстанцій. Слияніе личныхъ свойствъ, данныхъ олицетвореніемъ безличной вещи, съ неизвѣстною субстанціею послѣдней, должно дать *личнаго дѣятеля*, скрытаго въ безличной вещи, или *помѣщающагося* въ ней.—Остается вопросомъ что̀ можетъ обусловливать такое сочетаніе одного изъ явленій воображенія, т. е. процесса олицетворенія,—съ трансценденціями общаго смысла? — Отвѣтъ дается самымъ характеромъ такого сочетанія. Сочетаніе личныхъ свойствъ съ неизвѣстною субстанціею безличной вещи, есть *умственное перенесеніе* первыхъ на послѣднюю Есть ли условія для такого перенесенія? — Конечно. Неизвѣстная субстанція безличной вещи есть субстанція *извѣстной* индивидуальной вещи, скрытая за явленіями послѣдней. Олицетвореніе извѣстной индивидуальной вещи есть умственное сообщеніе ей новыхъ свойствъ, *неизвѣстныхъ* изъ на-

блюденій надъ нею, или также *скрытыхъ* за ея явленіями. Этого сходства достаточно, чтобы скрытыя, за явленіями вещи, ея свойства сдѣлались свойствами ея скрытой субстанціи.

368. Второй вопросъ сводится къ слѣдующему какимъ образомъ произведенія олицетворенія,—личные дѣятели, скрытые или помѣщенные въ безличныхъ вещахъ,—преобразовались въ *духовъ анимизма*, — субстанцій болѣе или менѣе *независимыхъ* отъ ихъ феноменальнаго мѣстопребыванія, или способныхъ, отъ времени до времени, выходить изъ него, бывать въ другихъ мѣстахъ, и снова возвращаться въ свое прежнее мѣсто, проникая всѣ встрѣчающіяся на пути тѣлесныя или матеріальныя преграды,—включая сюда и обитаемую тѣлесную или матеріальную среду?—Не требуются ли, для этого преобразованія, какія нибудь другія умственныя условія, кромѣ тѣхъ которыя мы открываемъ въ законахъ ассоціаціи?—Отнюдь нѣтъ. Это мы имѣемъ полное право сказать, опираясь не только на другія явленія трансцендентнаго направленія мышленія, но и на спеціальныя изслѣдованія анимизма. Послѣднія приводятъ къ убѣжденію, что ассоціаціи идей, преобразовавшія произведенія олицетворенія въ духовъ анимизма, обязаны своимъ происхожденіемъ наблюденіямъ надъ нѣкоторыми явленіями физическаго и психическаго характера, каковы *тѣни*, *отраженія*, *сновидѣнія;* и т. д.

Тѣни и *отраженія*, напр. въ водѣ, принимались, у первобытныхъ людей, за *души* людей и другихъ предметовъ. Они вѣрили также, что, во снѣ, души оставляютъ свои тѣла, дѣлаютъ путешествія въ другихъ мѣстахъ, и

возвращаются въ покинутыя тѣла передъ пробужденіемъ. Такого рода факты первобытной культуры человѣка достаточно показываютъ, какъ первобытные люди могли притти къ мыслямъ о душахъ, какъ субстанціяхъ имѣющихъ извѣстныя фигуры, связанныхъ съ тѣлами только какъ съ своимъ мѣстопребываніемъ, и проникающихъ свои тѣла, какъ и всякую другую тѣлесную или матеріальную среду. Фигурою души человѣка сдѣлалась фигура его тѣла, какъ она видится въ сновидѣніяхъ, въ тѣни человѣка, въ его отраженіяхъ. Душа во снѣ выходитъ изъ тѣла, и снова входитъ въ него, слѣдовательно, она *способна проникать* его, какъ и всякое другое тѣло. Душа обитаетъ въ тѣлѣ, какъ хозяинъ въ домѣ, обладая способностью покидать его, иначе сохраняя извѣстную *независимость* или *свободу* отъ него. Ясно, что для представленій о душахъ людей какъ о *духахъ*,— субстанціяхъ обладающихъ, вмѣстѣ съ личностью, и извѣстною независимостью отъ ихъ тѣлесныхъ мѣстопребываній, заключающею въ себѣ способность къ прониканію всякой тѣлесной среды, — не требуется другихъ условій, кромѣ тѣхъ ассоціацій идей, которыя даны наблюденіями надъ личностью человѣка, трансцендентною идеею его субстанціи, и наконецъ, указанными явленіями тѣней, отраженій и сновидѣній.

369. Преобразованіе *душъ* людей въ *духовъ* можетъ служить ключемъ къ рѣшенію предложеннаго нами втораго вопроса. Какъ личные дѣятели, помѣщенные воображеніемъ въ различныхъ безличныхъ вещахъ, могли преобразоваться въ *духовъ* анимизма? — Отвѣчаемъ: черезъ *перенесеніе* на нихъ идей, составившихся относительно *душъ*. Между личными дѣятелями, сокрытыми воображе-

ніемъ въ безличныхъ вещахъ, и душами людей, какъ ихъ сокровенными субстанціями, обладающими личностью, — такъ много рѣшительныхъ сходствъ, что перенесеніе свойствъ *духовности*, съ послѣднихъ на первые, находило въ нихъ самыя благопріятныя условія.—Это заключеніе имѣетъ полное подтвержденіе въ результатахъ изслѣдованій анимизма. Перенесеніе признанной свободы душъ людей, на всѣхъ личныхъ дѣятелей, которыми воображеніе наполнило міръ первобытнаго человѣка, мы открываемъ въ фактахъ, являющихся его естественнымъ окончаніемъ,— въ фактахъ *отожествленія* послѣднихъ съ первыми, — отожествленія всѣхъ духовъ міра съ душами умершихъ людей. Первобытные представители анимистическихъ воззрѣній, въ раннихъ произведеніяхъ своего воображенія, т. е. въ личныхъ дѣятеляхъ которыми оно населило міръ, признали, съ теченіемъ времени, души своихъ предковъ, поселившіяся, послѣ ихъ смерти, въ новыхъ мѣстахъ, но сохранившихъ прежнюю способность перемѣщенія, и поэтому отъ времени до времени выступающихъ изъ нихъ.

Изъ этого ясно, что поэтическія трансценденціи воображенія не требуютъ, для своего осуществленія, другихъ условій кромѣ данныхъ въ законахъ ассоціаціи. Особенность поэтическихъ трансценденцій, сравнительно съ патетическими, заключается въ томъ, что первыя сообщаютъ нефеноменальной дѣйствительности природы—приблизительно туже *индивидуальность*, какую мы находимъ въ явленіяхъ послѣдней, такъ какъ представляютъ нефеноменальное бытіе въ видѣ неограниченнаго множества индивидуальныхъ духовъ, параллельнаго множеству индивидуальныхъ вещей и явленій природы. Такое об-

особленіе нефеноменальной дѣйствительности отвѣчаетъ *историческому* направленію человѣческаго мышленія; но объясняется совмѣстнымъ дѣйствіемъ законовъ смежности и сходства

ТРАНСЦЕНДЕНЦІИ УВѢРЕННОСТИ

370. Такъ называемъ мы тѣ трансценденціи явленій, которыя наблюдаются въ *религіозныхъ міровоззрѣніяхъ* людей, или въ ихъ *религіозной вѣрѣ*.

Если бы въ религіозныхъ міровоззрѣніяхъ людей мы искали ихъ отличительныхъ идеальныхъ элементовъ, не находимыхъ ни въ патетическихъ, ни въ поэтическихъ міровоззрѣніяхъ, то нашли бы ихъ въ идеяхъ *Единой безконечной* или *безпредѣльной* Дѣйствительности, какъ *основы* всего конечнаго. ограниченнаго Сочетаніе идей *единства*, *безконечности*, и *причины*, съ идеями нефеноменальной дѣйствительности, признаваемой общимъ смысломъ, но иначе опредѣляемой въ міровоззрѣніяхъ патетическихъ и поэтическихъ — такова особенность религіозныхъ міровоззрѣній.

Нѣтъ надобности доказывать, что въ этой особенности религіозныхъ міровоззрѣній мы встрѣчаемся съ одною изъ *трансцендентныхъ* формъ человѣческаго мышленія. Спрашивается. зависитъ ли и эта умственная трансценденція явленій—отъ общихъ законовъ человѣческаго мышленія,—т. е. законовъ ассоціаціи? — Несомнѣнно. Это доказывается: и логическимъ отношеніемъ *религіозныхъ* міровоззрѣній къ патетическимъ и поэтическимъ; и самою исторіею первыхъ.

371. Религіозныя міровоззрѣнія находятся въ очевидной логической связи съ разсмотрѣнными формами трансцендентнаго мышленія. Не будемъ останавливаться на томъ, что они стремятся къ *опредѣленію* той же нефеноменальной дѣйствительности, которая составляетъ трансцендентный предметъ и общаго или здраваго смысла. Но, и въ своихъ опредѣленіяхъ, они не такъ удалены отъ міровоззрѣній патетическихъ и поэтическихъ, какъ это можетъ казаться, съ перваго взгляда на ихъ разницы. *Безконечность* или *безпредѣльность* нефеноменальной дѣйствительности, въ міровоззрѣніяхъ религіозныхъ, имѣетъ рѣшительное родство съ *неограниченною* массивностью космическихъ вліяній, въ патетическихъ міровоззрѣніяхъ. Для превращенія этой *неограниченности* нефеноменальной дѣйствительности въ ея *безграничность*, не требуется ничего кромѣ нѣкотораго процесса *отвлеченія* неограниченной нефеноменальной дѣйствительности, отъ всякой *ограниченности* представляемой явленіями. Что касается, далѣе, *единства* нефеноменальной дѣйствительности, то ясно, что и этотъ предикатъ ея имѣетъ родство съ тѣмъ первобытнымъ одушевленіемъ міра, которое составляетъ содержаніе трансценденціи явленій въ міровоззрѣніяхъ патетическихъ. Это направленіе патетическихъ трансценденцій не могло оставаться безъ вліянія на замѣчаніе разлада, между *безконечностью* нефеноменальной дѣйствительности, вырабатывающеюся изъ ея *неограниченности*, и *множествомъ* индивидуальныхъ нефеноменальныхъ дѣятелей, или духовъ поэтическихъ міровоззрѣній. Такимъ образомъ, *единство* безконечной нефеноменальной дѣйствительности религіозныхъ міровоззрѣній находится частію въ положительной, частію въ отрицательной зави-

симости отъ нѣкоторыхъ свойствъ патетическихъ и поэтическихъ міровоззрѣній. Слѣдовательно, оба главныя религіозныя опредѣленія нефеноменальной дѣйствительности не нуждаются, для своего происхожденія, въ какихъ нибудь другихъ условіяхъ, кромѣ данныхъ въ иныхъ, прежде разсмотрѣнныхъ, формахъ трансцендентнаго мышленія, и въ законахъ ассоціаціи.

372. Тоже самое доказывается и исторіею религіозныхъ міровоззрѣній.—Изслѣдованія послѣдней открываютъ въ ней два главные періода, соотвѣтствующіе двумъ главнымъ фазисамъ развитія религіозныхъ міровоззрѣній изъ патетическихъ и поэтическихъ. Первый можно назвать періодомъ *народной* религіи, второй — *ученой*; первый представляетъ исторію народной *мифологіи*, второй—исторію ученаго *богословія*.

Исторія развитія народной мифологіи представляетъ народную культуру данныхъ анимизма, заключающуюся въ установленіи между всѣми духами какихъ нибудь связей или отношеній, и оканчивающуюся утвержденіемъ *единовластія* одного *всемогущаго* духа, надъ всѣми остальными членами духовнаго міра.—Въ исторіи развитія народной мифологіи открывается умственная рефлексія данныхъ отношеній или связей между людьми — слѣдовательно пережитыхъ опытовъ отношеній — индивидуальныхъ и родовыхъ, личныхъ и общественныхъ. Духи народной мифологіи раздѣляются на *полы: рождаютъ* и *рождаются;* живутъ *семействами* и *одиноко; представляютъ покольнія* и *роды;* дѣлятся на *господъ* и *слугъ*, *начальниковъ* и *подчиненныхъ; владѣютъ областями* и

царствами. Съ установленіемъ монархіи въ народѣ, или представляющихъ его племенахъ и обществахъ, наблюдается стремленіе къ установленію такого же *единовластія* и въ мірѣ боговъ.

Такой процессъ развитія народной мифологіи кажется на первый взглядъ простымъ продолженіемъ того же умственнаго процесса *обособленія* нефеноменальной дѣйствительности, который мы находимъ въ поэтическихъ міровоззрѣніяхъ, и которому обязаны своимъ происхожденіемъ духи анимизма (§ 298). Несомнѣнно, что народная мифологія представляетъ только *переходную* ступень, отъ собственно поэтическихъ міровоззрѣній, къ чисто религіознымъ; но какъ переходная форма, она заключаетъ въ себѣ скрытно и другой процессъ, явственно выступающій только въ ученомъ богословіи. Единый всесильный Владыка, между всѣми духами неба и земли, который постепенно вырабатывается народною мифологіею, представляетъ грубое выраженіе той же идеи Единаго безконечнаго нефеноменальнаго Бытія, какъ основы всего конечнаго, — которая составляетъ послѣдній результатъ ученыхъ богословскихъ изслѣдованій на почвѣ народной мифологіи.

373. *Богословіе*, какъ высшую форму религіозныхъ міровоззрѣній, можно раздѣлить на *отрицательное* и *положительное*. Отрицательное богословіе обработываетъ народную мифологію, путемъ логическихъ процессовъ *обобщенія* всего индивидуальнаго въ мифическомъ мірѣ духовъ. Такъ, напр., богословіе дѣлаетъ *коллигацію* разрозненныхъ мифовъ; *отожествляетъ* различныхъ боговъ и сокращаетъ ихъ число; *обобщаетъ* сходныя группы

боговъ—въ ихъ единыхъ представителей; подвергаетъ *умственному анализу* мифы о богахъ вселенной, сообщая имъ болѣе и болѣе *отвлеченный* характеръ, переводитъ идею единаго владыки всѣхъ боговъ и людей, въ единаго безконечнаго духа, какъ родителя другихъ духовъ, и творца всѣхъ тварей; стремясь къ возвеличенію его безконечности, оно не дерзаетъ остановиться ни на какихъ аттрибутахъ его, взятыхъ изъ свойствъ міра явленій, физическихъ и психическихъ,—и такимъ образомъ, оканчиваетъ идеею Бога, какъ Единаго безконечнаго нефеноменальнаго Бытія, и Основы всего конечнаго, всѣхъ явленій.

Положительное богословіе имѣетъ другое стремленіе,—найти въ физическомъ и психическомъ мірѣ достойнѣйшія Божества свойства и дѣйствія. Всѣ религіозныя *чувства*, т. е. всѣ *космическія* чувства, получающія религіозный характеръ подъ вліяніемъ религіозныхъ міросозерцаній, способны давать религіозныя *идеи* нефеноменальной дѣйствительности (§ 130). — Религіозныя идеи положительнаго богословія группируются, въ концѣ, около двухъ центральныхъ идей идеи Бога, какъ нравственнаго Законодателя и Судьи, и идеи *безсмертія* человѣческой *личности*, или *души*. Эти идеи составляютъ основаніе положительнаго богословія, на высшихъ ступеняхъ развитія послѣдняго. Причина, почему имено эти, а не другія религіозныя идеи становятся положительною сущностью религіозныхъ міровоззрѣній, заключается въ томъ, что только съ этими идеями связана та непреодолимая *увѣренность* человѣка, которая вытекаетъ не изъ законовъ его мышленія, а изъ законовъ его произволь-

ной дѣятельности, — изъ великаго закона *мотивацiи* дѣйствій, или *самосохраненiя* (§ 247).—Такимъ образомъ, въ послѣдней стадіи своего положительнаго развитія, религіозныя трансценденціи явленій суть произведеніе всѣхъ основныхъ законовъ психической природы человѣка,—т. е. столько же законовъ ассоціаціи, какъ и закона самосохраненія. Чтобъ указать на эту выдающуюся особенность религіозныхъ трансценденцій, въ послѣдней стадіи ихъ развитія, мы и называемъ ихъ—трансценденціями *увѣренности*.

Хотя религіозная вѣра человѣка не можетъ считаться произведеніемъ одного ума его, или однихъ законовъ его мышленія, называемыхъ законами ассоціаціи,—тѣмъ не менѣе ясно, что новый факторъ религіозной вѣры, т. е. законъ его дѣятельности, называемый закономъ самосохраненія, не есть производитель трансцендентныхъ идей его религіознаго міровоззрѣнія. Идея нравственнаго Законодателя вселенной и человѣка, и идея безсмертія человѣка какъ личности, стоятъ въ очевидной связи съ развитіемъ анимизма, народной мифологіи и богословія. Такимъ образомъ, ясно, что теоретическіе элементы религіозной вѣры, даже на высшей ступени ея развитія, не требуютъ для своего образованія другихъ условій, кромѣ законовъ мышленія, называемыхъ законами ассоціаціи.

ТРАНСЦЕНДЕНЦІИ УМА.

374. Трансценденціями *ума* мы называемъ умственныя трансценденціи явленій, наблюдаемыя въ *метафизическихъ міровоззрѣніяхъ*.

Метафизическія міровоззрѣнія представляютъ ассоціаціи идей, отличающіяся величайшею массивностью и вмѣстѣ систематическимъ характеромъ; поэтому-то, содержащіяся въ нихъ трансценденціи явленій мы и называемъ трансценденціями *ума* (§ 351).

Міровоззрѣніями *метафизическими*, въ отличіе отъ патетическихъ, поэтическихъ и религіозныхъ, называются міровоззрѣнія, предназначенныя къ сближенію религіозной вѣры съ наукою (§ 132), и выступающія, въ исторіи, вслѣдъ за богословіемъ, въ періодъ возникновенія и развитія науки. Религіозныя міровоззрѣнія составляющія, въ формѣ богословія, высшую форму опредѣляющаго трансцендентнаго мышленія, такъ удалены отъ простыхъ трансценденцій общаго или здраваго смысла, и отъ научнаго знанія явленій и ихъ законовъ, что между первыми и послѣдними остается чувствительное отчужденіе, переходящее иногда въ разладъ и враждебность. Устраненію такихъ отношеній между вѣрою и знаніемъ, и содѣйствуютъ метафизическія міровоззрѣнія, представляя *методы* мыслимости нефеноменальной дѣйствительности, достигающіе нѣкоторой гармоніи съ основными идеями религіозной вѣры, и съ началами знанія (§ 137).

Такимъ образомъ, метафизическія міровоззрѣнія представляютъ новую форму трансцендентнаго мышленія, стремящуюся, подобно міровоззрѣніямъ патетическимъ, поэтическимъ и религіознымъ, къ *опредѣленію* нефеноменальной дѣйствительности. Разница между міровоззрѣніями метафизическими и религіозными заключается въ томъ, что съ первыми не соединено той увѣренности, какая соединяется съ послѣдними; что метафизическое мышленіе находится въ полной зависимости отъ знанія

и вѣры, — словомъ, что метафизика играетъ роль служебную относительно высшихъ формъ человѣческаго сознанія,—науки и религіозной вѣры (§ 137).

Характеръ метафизическихъ міровоззрѣній нѣсколько указываетъ на самое происхожденіе заключающихся въ нихъ, трансценденцій феноменальнаго міра. Міровоззрѣнія, обусловленныя началами науки и идеями вѣры, не нуждаются, для своего образованія, въ какихъ нибудь особыхъ силахъ человѣческаго духа, кромѣ тѣхъ, какія даны въ основныхъ законахъ человѣческаго мышленія,— т. е. въ законахъ ассоціаціи. Къ этому заключенію приводитъ родство метафизическихъ трансценденцій — съ другими опредѣлительными формами трансцендентнаго мышленія. Наконецъ, это доказывается анализомъ основныхъ типовъ *метафизическихъ трансценденцій*, представляемыхъ системами,—во-первыхъ, метафизическаго *реализма*, именно *спиритуализма* и *матеріализма;*—во-вторыхъ, метафизическаго *идеализма*; и въ-третьихъ, метафизическаго *феноменализма*

Трансценденціи матеріализма.

375. Въ исторіи метафизическаго мышленія, міровоззрѣнія *матеріалистическія* являются обыкновенно самыми ранними опытами, и направляются къ общей задачѣ метафизики,—къ сближенію религіозной вѣры съ знаніемъ, хотя впослѣдствіи принимаютъ тотъ, непримиримый съ религіозною вѣрою характеръ, который многіе считаютъ неизбѣжною принадлежностью матеріализма. Такимъ образомъ, въ исторіи матеріалистической метафизики слѣдуетъ различать два періода: *первоначаль-*

ный періодъ—матеріализма *религіознаго*, и *позднѣйшій*—матеріализма *ирреліігіознаго*.

Метафизика матеріализма, въ первопачальный періодъ своего образованія, примыкаетъ къ содержащимся въ религіи элементамъ анимизма. Въ воззрѣніяхъ анимизма, души и духи являются субстанціями проникающими тѣла, безъ дальнѣйшаго опредѣленія сущности этихъ субстанцій. Въ первыхъ опытахъ матеріалистической метафизики, души и духи опредѣляются какъ тонкія *матеріальныя* субстанціи, — *воздушныя*, *огненныя*, *эфирныя*. Такого рода матеріалистическая метафизика принимаетъ дѣленіе матеріальныхъ субстанцій на два класса: *тѣла*,—грубыя субстанціи, — и *души*, или духовъ, — субстанціи тонкія, проникающія первыя. Подобно тому, какъ въ народной религіи устанавливается божественная монархія,—метафизика ранняго матеріализма устанавливаетъ принципъ реальнаго единства, принятіемъ *основной матеріальной* и *разумной* субстанціи, подъ именемъ воды, воздуха, огня, эфира и т. под. Само собою разумѣется, что такого рода матеріалистическая метафизика можетъ быть поставлена, безъ всякаго противорѣчія народной мифологіи, и основнымъ идеямъ богословія.

Во второмъ періодѣ своего развитія, метафизика матеріализма утрачиваетъ свой религіозный характеръ,—удерживая идею матеріальности всѣхъ субстанцій, но отвергая существованіе душъ и духовъ отдѣльно отъ тѣлъ, и приписывая свойства чувства и мышленія особенностямъ *организаціи* тѣлесныхъ элементовъ.

376. Въ томъ и другомъ видѣ, метафизика матеріализма объясняется дѣйствіями общихъ законовъ мышле-

нія. Опредѣленіе душъ и духовъ анимизма, какъ матеріальныхъ субстанцій, внушалось усвоенными имъ аттрибутами *фигуры, движенія, мѣстопребыванія* и т. д. Что касается второго вида метафизики матеріализма, то основныя ея положенія сводятся къ слѣдующему: она, во-первыхъ, признаетъ *чувственныя* свойства вещей, данныя въ ощущеніяхъ, за свойства *реальныя*, принадлежащія самымъ вещамъ называемымъ матеріальными; во-вторыхъ, отожествляетъ субстанціи духовныя съ матеріальными; и въ-третьихъ, всѣ субстанціи считаетъ модификаціями одного матеріальнаго субстрата, или единой вѣчной матеріи.—Всѣ эти матеріалистическія трансценденціи явленій объясняются работою законовъ ассоціаціи. Признаніе чувственныхъ свойствъ такъ-называемыхъ матеріальныхъ субстанцій, за свойства *реальныя*, есть явленіе умственнаго *перенесенія* ощущеній, вызываемыхъ неизвѣстными отношеніями неизвѣстныхъ причинъ, на самыя причины: это явленіе объясняется простымъ дѣйствіемъ закона смежности (§ 311). Отожествленіе субстанцій духовныхъ съ матеріальными, и принятіе свойствъ психическихъ—чувства и мышленія, за свойства тѣлесной организаціи, внушается матеріалистическимъ опредѣленіемъ такъ-называемыхъ матеріальныхъ субстанцій, и зависимостью психическихъ явленій отъ свойствъ и состояній тѣла,—равно какъ и локализаціею первыхъ, въ различныхъ частяхъ послѣдняго. Наконецъ, идея единаго вѣчнаго матеріальнаго субстрата всѣхъ вещей можетъ быть разсматриваема какъ простое преобразованіе религіозной идеи безпредѣльной матеріальной, но разумной субстанціи,—идеи свойственной метафизикѣ матеріализма, въ раннемъ періодѣ ея развитія.

Трансценденціи спиритуализма.

377. Метафизика *спиритуализма* представляетъ другую обработку тѣхъ же идей анимизма, какъ болѣе примирительную, относительно религіозной вѣры или богословія. Спиритуалистическія міровоззрѣнія заключаютъ въ себѣ двѣ существенныя черты трансцендентнаго характера, отличающія два періода развитія этихъ міровоззрѣній: первая, составляющая особенность спиритуализма въ его ранней формѣ, состоитъ въ опредѣленіи *духа*, какъ субстанціи *невещественной*, *простой* или *несложной;* вторая, отличающая спиритуализмъ въ его позднѣйшемъ развитіи, заключается въ отрицаніи *реальности* матеріи и матеріальныхъ субстанцій, или въ принятіи ихъ за простыя *явленія сознанія*.

Спиритуализмъ, въ своемъ опредѣленіи духа, какъ субстанціи *противоположной* тѣлу и матеріи, — *нематеріальной*, *несложной*, *недѣлимой*, и т. д.,—могъ выходить изъ нѣкоторыхъ данныхъ анимизма, сохраняющихся въ народно-религіозныхъ воззрѣніяхъ на души и духовъ. Духи анимизма, проникающія тѣла и тѣлесную среду, тѣмъ самымъ противополагаются послѣднимъ, какъ субстанціи другой природы, — *безтѣлесной*, или *невещественной*. Съ такимъ свойствомъ душъ и духовъ несовмѣстимы анимистическія представленія ихъ *фигуры*, *протяженія* и *движенія* въ пространствѣ. Такимъ образомъ, чтобъ удержать характеръ безтѣлесности духа, логически требовалось отвергнуть идею ихъ *протяженности*,—иначе, признать ихъ *непротяженными*, *недѣли-*

мыми, *простыми*,—что оказывалось въ полной гармоніи съ религіозною идеею безсмертія души человѣка.

Такимъ образомъ, въ первомъ фазисѣ своего развитія, спиритуалистическая метафизика представляетъ *дуализмъ*, допускающій, подлѣ субстанцій *простыхъ*, *духовныхъ*, существованіе субстанцій *сложныхъ*, *тѣлесныхъ*, *матеріальныхъ*. Отрицаніе послѣднихъ, и превращеніе ихъ въ простыя явленія сознанія, составляютъ второй фазисъ въ развитіи спиритуализма, соотвѣтствующій періоду спиритуалистическихъ попытокъ, вывести изъ единой безконечной духовной Субстанціи все конечное, и въ томъ числѣ, матерію и матеріальныя субстанціи. Вслѣдствіе установленной рѣшительной противоположности духа и матеріи, такой выводъ матеріи изъ духа сдѣлался логически невозможнымъ единственнымъ выходомъ изъ такого затрудненія оказалось полное отрицаніе реальности матеріи или матеріальныхъ субстанцій и отношеній, и превращеніе ихъ въ *объективную* форму сознанія.—Изъ этого ясно, что важнѣйшія особенности спиритуализма, являющіяся наиболѣе выдающимися чертами этой формы метафизическаго мышленія, образовались путемъ постепенной логической обработки, данныхъ въ религіозныхъ міровоззрѣніяхъ, элементовъ анимизма, — слѣдовательно обусловлены общими законами человѣческаго мышленія.

Трансценденціи идеализма.

278. Метафизика идеализма принимаетъ *идеи*, или *понятія*, за высшія *опредѣленія* нефеноменальной дѣйствительности.—Идеалистическая метафизика является въ ис-

торіи трансцендентнаго мышленія стремленіемъ къ высшей обработкѣ идей спиритуализма. Души или духи опредѣляются спиритуалистами какъ субстанціи простыя, несложныя, недѣлимыя,—слѣдовательно какъ *единства*, — и въ тоже время описываются какъ существа одаренныя *многими* и различными способностями, и живущія въ преемственной *смѣнѣ* ихъ состояній. Эта множественность, и это непостоянство психическихъ состояній, кажутся несовмѣстимыми съ характеромъ простоты или единства духовной субстанціи. Это логическое затрудненіе и заставило перваго основателя идеализма (Платона), признать духовное, психическое, сложнымъ, или производнымъ изъ двухъ высшихъ противоположныхъ началъ:—именно, во-первыхъ, субстанцій *простыхъ*, единыхъ, и *неизмѣнныхъ*, вѣчныхъ; — и во-вторыхъ, начала *множественности* и *измѣняемости* духовнаго или психическаго существованія. Субстанціи стоящія выше жизни и ея измѣненій, и отличающіяся единствомъ или простотою, находили лучшую иллюстрацію своей природы въ *идеяхъ* или *понятіяхъ*, являющихся нѣкоторыми умственными единствами и постоянными элементами мышленія. Этого сходства данныхъ—анализа идей спиритуализма, и общаго анализа понятій, достаточно, чтобъ идеи или понятія принять за опредѣленія нефеноменальныхъ простыхъ и вѣчныхъ бытій, участвующихъ въ произведеніи всего психическаго. Отсюда, метафизика идеализма установила два порядка идей:—идей какъ явленій сознанія, — и идей, какъ простыхъ и вѣчныхъ реальностей. Идеалистическое ученіе объ идеяхъ второго порядка находило поддержку во многихъ обстоятельствахъ: въ значеніи понятій какъ *общихъ типовъ* феноменальной дѣйствительности, позволявшемъ

перенести тоже свойство на идеи какъ бытія;—во взаимныхъ отношеніяхъ понятій, ихъ сподчиненіи и подчиненіи, позволявшихъ установить нѣкоторую организацію, или іерархію міра реальныхъ идей, напоминающую религіозную іерархію нефеноменальной дѣйствительности,—въ соотвѣтствіи міра идей, поставленнаго выше всего тѣлеснаго и духовнаго, стремленіямъ отрицательнаго богословія—возвысить единое безкопечное нефеноменальное бытіе, какъ основу всего конечнаго, надъ міромъ не только матеріальнымъ, но и духовнымъ,—въ наблюдаемомъ постоянствѣ родовъ и видовъ недѣлимыхъ вещей, при смѣнѣ послѣднихъ, и т. д.—Какъ произведеніе логическаго анализа, метафизика идеализма, дошедши до своихъ первыхъ началъ, не была въ состояніи точнѣе опредѣлить ихъ природу и взаимныя отношенія; это особенно замѣтно на ученіи о матеріи. Удерживая точку зрѣнія спиритуализма, идеализмъ не признавалъ реальности матеріи, признавая ее однако однимъ изъ началъ міра, объясняющимъ его множественность и непостоянство. Изъ этой-то комбинаціи противорѣчивыхъ понятій и вышло знаменитое идеалистическое ученіе о матеріи, какъ началѣ чуждомъ всякой реальности, но способномъ уменьшать послѣдпюю.

Изъ этого видно, что метафизика идеализма была первоначально дальнѣйшею обработкою идей спиритуализма, — обработкою чисто логическою, или обусловленною исключительно законами ассоціаціи.

Трансценденціи метафизическаго феноменализма.

379. Метафизика феноменализма, примыкающая къ спиритуализму и идеализму, сформировалась подъ вліяніемъ философскаго ученія объ ограниченности человѣческаго знанія, при сохранившемся убѣжденіи, что метафизика должна предлагать не просто *методы мыслимости* нефеноменальной дѣйствительности, въ согласіи съ религіозною вѣрою и наукою,—а систему *знаній*, заключающихся въ *опредѣленіяхъ* этой дѣйствительности. Метафизика феноменализма не отказывается отъ опредѣленій нефеноменальнаго бытія, но и не желаетъ, въ своихъ опредѣленіяхъ, сходить съ почвы явленій, отсюда, въ своемъ стремленіи къ сближенію религіозной вѣры съ наукою, она опредѣляетъ единое безконечное нефеноменальное Бытіе религіозной вѣры, принимая извѣстныя наукѣ *явленія* и ихъ законы, за Его *откровенія*.

Важнѣйшія положенія метафизики феноменализма сводятся къ слѣдующему. Во-первыхъ, подобно спиритуализму, она отрицаетъ реальность матеріи и матеріальныхъ субстанцій, превращая ихъ въ простыя явленія сознанія, во-вторыхъ, принимаетъ сознаніе, или психическія явленія, за указаніе на всѣ свойства, или на всю сущность, нефеноменальной дѣйствительности; и въ-третьихъ, отожествляетъ субстанцію, присутствіе которой дано въ фактахъ человѣческаго сознанія,—съ единымъ безконечнымъ нефеноменальнымъ Бытіемъ религіозной вѣры. Всѣ эти трансценденціи явленій въ метафизикѣ феноменализма обусловлены дѣйствіями законовъ ассоціаціи.

Отрицаніе реальности матеріи, свойственное метафизикѣ феноменализма, вытекаетъ здѣсь изъ тѣхъ же главныхъ побужденій, которыя привели къ этому отрицанію спиритуализмъ. Что касается принятія сознанія за сущность всей нефеноменальной дѣйствительности, то оно внушается, во-первыхъ, несомнѣнною принадлежностью свойствъ сознанія самой субстанціи явленій сознанія; и во-вторыхъ, непзвѣстностью и даже невообразимостью какихъ нибудь другихъ ея свойствъ, при отрицаніи реальности свойствъ матеріальныхъ. Наконецъ, отожествленіе субстанціи конечныхъ явленій сознанія, съ единымъ безконечнымъ нефеноменальнымъ Бытіемъ, есть перенесеніе свойствъ человѣческаго сознанія, на самое безконечное Бытіе,—перенесеніе, вызываемое стремленіемъ опредѣлить предметъ религіозной вѣры, не выходя изъ области явленій, какъ откровеній. Такое опредѣленіе имѣетъ важные недостатки, съ точки зрѣнія метафизической критики: согласуясь въ нѣкоторой степени съ основными идеями отрицательнаго богословія, оно не избѣгаетъ логическаго противорѣчія, наблюдая реальныя откровенія *безконечнаго* Бытія въ *конечныхъ* явленіяхъ, и не мирится ни съ субстанціальностью конечныхъ вещей, ни съ основными идеями положительнаго богословія, — идеею нравственнаго Законодателя вселенной, отличнаго отъ законовъ явленій нравственнаго сознанія человѣка, и идеею его личнаго безсмертія, отличнаго отъ безсмертія въ потомствѣ и исторіи.—Всѣ эти черты метафизики феноменализма ясно показываютъ ея происхожденіе изъ общихъ источниковъ трансцендентнаго мышленія,—совмѣстной работы основныхъ законовъ ассоціаціи.

380. Трансцендентныя опредѣленія нефеноменальной дѣйствительности суть единственныя отношенія къ ней человѣка, идущія далѣе простого ея признанія.

Сравнивая различныя опредѣляющія формы трансцендентнаго мышленія, мы не можемъ не видѣть *родства* между ними, а такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, именно патетическія и поэтическія, представляютъ ясныя формы *символическаго* мышленія. то есть основаніе полагать, что и всѣ другія опредѣлительныя формы трансцендентнаго мышленія суть формы мышленія символическаго, или представляютъ различные типы *умственной символики* нефеноменальной дѣйствительности·—типъ *преходящей* символики—въ міровоззрѣніяхъ патетическихъ, поэтическихъ, и въ народной мифологіи; типъ символики *устойчивой*, въ основныхъ идеяхъ отрицательнаго богословія,—и *непоколебимой*, *вѣчной*, въ основныхъ идеяхъ богословія положительнаго,—въ идеяхъ нравственнаго Законодателя вселенной, и безсмертія человѣческой души; и наконецъ, типъ *служебной* символики, данной въ метафизическихъ міровоззрѣніяхъ. Положеніе нѣкотораго *вѣчнаго* типа умственной символики нефеноменальной дѣйствительности, въ кругу другихъ ея видовъ, частію преходящихъ, частію служебныхъ,—позволяетъ *надѣяться*, что въ этомъ типѣ человѣкъ имѣетъ наибольшее умственное приближеніе къ нефеноменальному бытію.

ГЛАВА IV.

РЕФЛЕКСІЯ МЫШЛЕНІЯ ВЪ ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Рефлексія мышленія въ *способностяхъ* реальныхъ психическихъ отношеній. — Образованіе вторичныхъ способностей ощущеній. — Чувство пространства. Чувство внѣшности вещей. Чувство мѣстности психическихъ явленій. — Образованіе вторичныхъ способностей волненій. Чувства умственныя; эстетическое; нравственное. — Образованіе вторичныхъ способностей реальныхъ психическихъ готовностей. Аффекты. Склонности. — Образованіе вторичныхъ способностей реальной дѣятельности.

381. Всѣ реальные факты психическаго существованія человѣка отражаются въ его мышленіи. Явленія этой психической рефлексіи мы разсматривали въ трехъ предыдущихъ главахъ,—изучая ихъ формы и законы. При этомъ было найдено, что основные законы, управляющіе умственною рефлексіею прошлыхъ, и отчасти текущихъ, реальныхъ фактовъ, суть такъ-называемые законы ассоціаціи.—Обратимся, теперь, ко второму, соотносительному отдѣлу явленій психической рефлексіи, — именно, къ рефлексіи *идей*, или *мышленія*, въ реальныхъ фактахъ психическаго существованія человѣка, или въ его *психической дѣйствительности*. Рефлексію мышленія въ пси-

хической дѣйствительности мы будемъ называть *реальною рефлексіею мышленія*.

Реальная рефлексія мышленія достигаетъ своей полноты въ *реальныхъ произведеніяхъ творчества* человѣка,—но подлежитъ наблюденію и въ другихъ областяхъ психической дѣйствительности она открывается здѣсь въ *преобразованіи* реальныхъ психическихъ явленій съ помощью идей, ведущемъ къ тому, что *реальные* психическіе факты принимаютъ болѣе и болѣе характеръ умственный или отпечатокъ *мышленія*, — а *идеи* или *мышленіе*—характеръ психической *реальности*. Такія преобразованія психической дѣйствительности человѣка можно свести къ рефлексіи его мышленія—въ его *способностяхъ реальныхъ психическихъ отношеній*.

Этимъ опредѣляются два главные вида реальной рефлексіи мышленія, на которыхъ мы остановимъ наше вниманіе. Сначала мы разсмотримъ *рефлексію мышленія* человѣка въ его *способностяхъ* реальныхъ психическихъ отношеній, а затѣмъ, перейдемъ къ рефлексіи того же мышленія—въ реальныхъ *произведеніяхъ* человѣческаго творчества.

Оба вида реальной рефлексіи мышленія подчинены законамъ мысленной рефлексіи прошлой психической дѣйствительности,—т. е. *законамъ ассоціаціи*. Поэтому, въ элементахъ вносимыхъ мышленіемъ въ дѣйствительность, нѣтъ ни одного который бы въ свою очередь не былъ отраженіемъ дѣйствительности. Иначе сказать, въ реальной рефлексіи мышленія человѣка, мы находимъ *косвенную* рефлексію его же психической дѣйствительности, управляемую тѣми же законами ассоціаціи. Это доказывается анализомъ обоихъ главныхъ видовъ реальной рефлексіи мышленія.

РЕФЛЕКСІЯ МЫШЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ЕГО СПОСОБНОСТЯХЪ РЕАЛЬНЫХЪ ПСИХИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

382. Къ *реальнымъ психическимъ отношеніямъ* человѣка, которыя здѣсь противопоставляются его мышленію, принадлежатъ его чувства, реальныя психическія готовности, и реальныя дѣйствія. *Способности* реальныхъ психическихъ отношеній означаютъ (§ 17) *данность* положительныхъ,—и *отсутствіе* отрицательныхъ условій реальныхъ психическихъ явленій. Отсутствіе первыхъ, и присутствіе послѣднихъ условій того или другаго класса психическихъ явленій, означаютъ ту или другую *психическую неспособность* человѣка.—*Рефлексія мышленія* человѣка, въ его способностяхъ реальныхъ психическихъ отношеній, означаетъ преобразованіе ихъ *первичныхъ* условій, производимое мышленіемъ. Слѣдовательно, рефлексія мышленія, въ способностяхъ реальныхъ психическихъ отношеній, выражается образованіемъ *вторичныхъ* условій тѣхъ же отношеній, — иначе сказать, *вторичныхъ способностей* реальныхъ психическихъ отношеній.

Рефлексія мышленія человѣка въ его способностяхъ реальныхъ отношеній управляется *законами ассоціаціи*,— т. е. умственнаго отраженія прошлой психической дѣйствительности. Поэтому, въ элементахъ вторичныхъ способностей человѣка, или въ тѣхъ элементарныхъ способностяхъ, изъ которыхъ онѣ слагаются, нѣтъ ни одного элемента, т. е. ни одной способности, которыя бы не были сами рефлексіею какого нибудь реальнаго психиче-

скаго факта. Въ подчиненіи законамъ ассоціаціи разсматриваемаго вида реальной рефлексіи мышленія, мы убѣдимся, прослѣдивши *образованіе вторичныхъ способностей*, во-первыхъ, *чувствъ*, — ощущеній и *волненій*; во-вторыхъ, *реальныхъ психическихъ готовностей*; и въ-третьихъ, *реальныхъ дѣйствій*.

Образованіе вторичныхъ способностей ощущеній.

383. Рефлексія мышленія въ *способностяхъ ощущеній*, или во внѣшнихъ чувствахъ, выражается преобразованіемъ *первичныхъ* условій ощущеній, зависимымъ отъ мышленія человѣка, и вносящимъ въ составъ этихъ условій элементы новые, дополнительные, получающіе характеръ *вторичныхъ* условій тѣхъ же фактовъ.

Первичныя условія ощущеній—частію *органическія*, заключающіяся въ непосредственныхъ внѣшнихъ антецедентахъ этихъ фактовъ, или внѣшнихъ вліяніяхъ на составъ человѣка, частію *психическія*. Роль психическихъ условій ощущеній играютъ начальные моменты ихъ образованія, — данные въ нихъ какъ пріятныхъ и непріятныхъ пассивныхъ состояніяхъ, — относительно конечныхъ моментовъ ихъ развитія, данныхъ въ нихъ же, уже осложненныхъ *произведеніями* вызванной ими реактивной дѣятельности, сообщающей имъ характеръ чувствъ нѣкоторыхъ свойствъ внѣшнихъ вещей, или нѣкоторыхъ формъ внѣшней силы,—свѣта, звука, теплоты, движенія и т. д.—Къ условіямъ *вторичныхъ* принадлежатъ сочетавающіяся съ этими первичными, реальными,—условія *умственныя*, данныя въ *идеяхъ*.

Вторичныя условія ощущеній, соединяясь съ пер-

вичными, и преобразуя послѣднія, измѣняютъ и самыя произведенія ихъ. Въ чемъ состоитъ это измѣненіе ощущеній, зависящее отъ ихъ вторичныхъ условій, данныхъ въ идеяхъ? — Измѣненіе вообще сводится къ тому, что ощущенія получаютъ болѣе и болѣе характеръ *умственный*, переходя въ процессы мышленія,—между тѣмъ какъ идеи, сливающіяся съ реальными элементами ощущеній, принимаютъ болѣе и болѣе видъ *реальности*. Такимъ образомъ, напр., человѣкъ получаетъ способность видѣть *знакомыя* вещи, и слышать *откуда* идутъ звуки. — Въ такого рода преобразованіяхъ ощущеній, и открывается образованіе ихъ вторичныхъ условій, — иначе сказать, *вторичныхъ*, пріобрѣтаемыхъ въ силу рефлексіи мышленія, *способностей* ощущеній.

384. Не смотря на очевидность факта образованія вторичныхъ способностей ощущеній, и именно какъ выраженія рефлексіи мышленія человѣка въ его ощущеніяхъ,—остается нерѣшеннымъ вопросъ, что̀ управляетъ образованіемъ этихъ вторичныхъ способностей. подчинено ли оно тѣмъ же законамъ ассоціаціи, или находится въ зависимости отъ какихъ нибудь другихъ психическихъ силъ или законовъ?—Отвѣчаемъ· подчинено тѣмъ же законамъ ассоціаціи. Въ составѣ вторичныхъ, умственныхъ условій ощущеній нѣтъ ни одного, которое бы не имѣло уже своей исторіи: всѣ идеи обусловливающія преобразованія ощущеній, сами представляютъ умственную рефлексію *прошлыхъ* психическихъ опытовъ, именно, прошлыхъ ощущеній,—подчиненную *закону сходства* и *закону смежности*.

Обозрѣвая явленія логическаго и историческаго на-

правленій мышленія, мы нашли, что ощущенія *текущія* служатъ постояннымъ поводомъ къ воспроизведенію, въ формѣ идей,—*сходныхъ* съ ними *прошлыхъ*,—чѣмъ объясняется, напр., процессъ *узнаванія* чувственныхъ вещей;—и что всякое ощущеніе, воспроизведенное въ идеѣ, бываетъ поводомъ къ воспроизведенію въ той же формѣ и другихъ ощущеній, *смежныхъ* съ нимъ,—т. е. современныхъ ему, или непосредственно за нимъ слѣдовавшихъ. Такимъ образомъ, по законамъ ассоціацій сходства и смежности, каждое текущее ощущеніе имѣетъ способность вызывать цѣлую массу ощущеній прошлыхъ, замѣняющихъ или *замѣщающихъ* соотвѣтственную массу новыхъ ощущеній, потребныхъ для полноты чувственныхъ опытовъ.

Преобразованія текущихъ ощущеній, съ помощью идей ощущеній прошлыхъ, достигаютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, характера *превращеній*,—т. е. измѣненій, въ которыхъ не легко узнаются обусловливающіе ихъ прошлые опыты. Такія превращенія особенно выдаются въ области ощущеній пассивно-реактивнаго характера,—ощущеній свѣта, звука, тепла и т. д. Открывающееся въ этихъ превращеніяхъ, образованіе вторичныхъ способностей заслуживаетъ особеннаго вниманія. Ко вторичнымъ способностямъ ощущеній, обнаруживающимся въ ихъ превращеніяхъ, принадлежатъ, напр.: *чувство пространства*; *чувство внѣшности* вещей; *чувство мѣстности* психическихъ явленій. Подвергая анализу эти вторичныя способности ощущеній, мы найдемъ, что образованіе ихъ стоитъ въ полной зависимости отъ накопленія чувственной опытности, и законовъ ассоціаціи.

ОБРАЗОВАНІЕ ЧУВСТВА ПРОСТРАНСТВА.

385. *Мысли* о пространствѣ, или *идеи* пространства, бываютъ *конкретныя* и *отвлеченныя*. Въ конкретныхъ идеяхъ пространства отражается пространство *наблюдаемое*,—пространство неба и земли; въ отвлеченныхъ — тоже пространство, *отвлеченно* отъ помѣщающихся въ немъ вещей и совершающихся явленій. Тѣ и другія идеи составляютъ умственную рефлексію пространства, какъ *психической дѣйствительности:* — конкретныя—*историческую* рефлексію этой дѣйствительности, а отвлеченныя—*логическую*. Пространство, какъ психическая дѣйствительность, иначе *психически-реальное* пространство, входитъ въ составъ или содержаніе такъ-называемыхъ внѣшнихъ наблюденій; а такъ какъ внѣшнія наблюденія суть преобразованія ощущеній. то мы можемъ, съ полнымъ основаніемъ, опредѣлить содержаніе *идей* пространства—умственною рефлексіею пространства составляющаго содержаніе нашихъ *ощущеній*, или предметъ нашихъ *внѣшнихъ чувствъ*, — чувства мускульнаго, чувства осязанія, чувства зрѣнія и т. д.

Сравнивая первоначальное содержаніе внѣшнихъ ощущеній съ позднѣйшимъ, мы найдемъ, что ни одно внѣшнее чувство не бываетъ чувствомъ пространства, въ первую эпоху своего развитія; такими чувствами они дѣлаются позднѣе, вслѣдствіе рефлексіи мышленія въ ихъ первоначальномъ содержаніи. Такимъ образомъ, внѣшнія чувства, какъ чувства пространства, суть *вторичныя*,—пріобрѣтаемыя съ помощью мышленія—*способности*, которыя, по предмету, могутъ быть сведены къ одной,—подъ

общимъ именемъ *чувства пространства*. Образованіе этого чувства есть послѣдствіе законовъ ассоціаціи, управляющихъ рефлексіею мышленія—въ первичныхъ способностяхъ ощущеній.

386. *Чувство пространства*, какъ вторичная способность ощущеній, не означаетъ ничего другого кромѣ постоянства или данности ихъ вторичныхъ условій, вводимыхъ мышленіемъ,—и превращающихъ ихъ въ ощущенія пространства. Такія вторичныя условія ощущеній заключаются въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ текущихъ ощущеній съ прошлыми, или ихъ идеями Въ составѣ такихъ сочетаній, обусловливающихъ ощущенія пространства,—первое мѣсто принадлежитъ идеямъ *мускульныхъ* ощущеній; второе — идеямъ ощущеній *осязанія* и *зрѣнія*, третье—идеямъ остальныхъ классовъ ощущеній. Присутствіе этихъ трехъ порядковъ идей, какъ условій ощущеній пространства, и зависимость этого присутствія исключительно отъ законовъ ассоціаціи, доказывается многими убѣдительными анализами ощущеній пространства.

Въ сочетаніяхъ идей, обусловливающихъ ощущенія пространства, первое мѣсто отводится идеямъ *мускульныхъ* ощущеній: потому что эти идеи собственно и сообщаютъ тожественность и единство явленіямъ пространства, въ различныхъ внѣшнихъ чувствахъ, и прежде всего, въ чувствахъ осязанія и зрѣнія. Мускульныя ощущенія движеній, и ихъ идеи, являются сами по себѣ нѣкоторыми опредѣлителями проходимаго движеніями пространства; но условіями *раздѣльныхъ* ощущеній пространства они становятся только въ сочетаніи съ идеями ощущеній осязанія и зрѣнія. Послѣднія идеи, не игра-

ющія, подобно мускульнымъ, никакой независимой роли въ образованіи чувства пространства, но болѣе остальныхъ содѣйствующія въ этомъ идеямъ ощущеній мускульныхъ, занимаютъ такимъ образомъ, послѣ нихъ, второе мѣсто, въ сочетаніяхъ идей, обусловливающихъ ощущенія пространства.

387. Чтобы видѣть роль мускульныхъ ощущеній и ихъ идей, въ сочетаніяхъ съ идеями и ощущеніями осязанія и зрѣнія, слѣдуетъ обратиться къ первоначальному содержанію послѣднихъ. Счастливыя наблюденія надъ слѣпорожденными, которымъ зрѣніе давалось впервые въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ удачныхъ операцій надъ ихъ глазами, привели къ открытію, что чувство зрѣнія, въ самую раннюю пору его упражненія, не есть чувство пространства: все что видится первоначально, или составляетъ первичное содержаніе зрѣнія,—не выходитъ изъ предѣловъ мерцающаго свѣта, или мерцающихъ точекъ *свѣта*, безъ всякихъ дальнѣйшихъ пространственныхъ очертаній. Первичное содержаніе зрительныхъ ощущеній близко подходитъ къ такому же содержанію ощущеній осязанія, ограниченнаго одними точками *прикосновеній;* отъ ощущеній такихъ разрозненныхъ прикосновеній, далеко до осязаемыхъ *измѣреній* вещей, — ихъ линій, поверхностей, объема, — ихъ *положеній* и *разстояній*. Спрашивается: какимъ образомъ, зрѣніе и осязаніе, изъ чувствъ точекъ свѣта и прикосновеній, превращаются въ чувства видимаго и осязаемаго пространства?

Очевидно, что простѣйшее измѣреніе пространства, именно *линейное*, не можетъ быть дано осязанію, безъ *движеній* осязающихъ органовъ; точно также, какъ зрѣ-

нію тоже измѣреніе не можетъ быть дано безъ движеній органовъ зрѣнія, именно, глазныхъ яблокъ. Но какимъ образомъ движенія органовъ осязанія и зрѣнія могутъ перевести эти чувства—въ чувства линейныхъ измѣреній пространства, или *линій*?—Единственно въ силу мускульныхъ ощущеній этихъ движеній, сливающихся съ зрительными ощущеніями точекъ свѣта, и осязательными—точекъ прикосновеній. Анализъ показываетъ, что пройденный рядъ движеній, или испытанный рядъ ихъ мускульныхъ ощущеній, при возобновленіи въ мысли одного изъ его членовъ, стремится къ такому же возобновленію и въ остальныхъ, слѣдующихъ за нимъ членахъ,—слѣдовательно, при повтореніяхъ того же опыта движеній или ихъ ощущеній,—и во всѣхъ членахъ его преемства, со скоростью превращающею послѣднее въ ихъ *современность;* и что, далѣе, каждый рядъ движеній органовъ осязанія и зрѣнія, фиксированный такимъ образомъ въ идеяхъ, способенъ къ фиксаціи испытанныхъ вмѣстѣ съ нимъ, и повторяемыхъ вновь ощущеній осязанія и зрѣнія, — именно ощущеній ряда прикосновеній, или ряда точекъ свѣта, — превращая эти ощущенія въ ощущенія *осязаемыхъ* и *видимыхъ линій*.

388. Расширеніе такого рода сочетаній мускульныхъ ощущеній, прошлыхъ и текущихъ, съ ощущеніями осязанія и зрѣнія, достаточно для преобразованія осязаемыхъ и видимыхъ линій въ *поверхности*. То и другое измѣреніе пространства, т. е. линіи и поверхности, могутъ быть даны осязанію независимо отъ зрѣнія, какъ у слѣпорожденныхъ, — и зрѣнію независимо отъ осязанія, — какъ это оправдывается на предметахъ зрѣнія, находящихся на неизмѣримыхъ разстояніяхъ отъ наблю-

дателя—человѣка. Фигуры небесныхъ свѣтилъ, въ видѣ свѣтящихся круглыхъ поверхностей, даются зрѣнію безъ помощи осязанія, или при помощи однихъ мускульныхъ ощущеній движеній глазъ. Но такъ-называемое *третье* измѣреніе пространства, включая сюда *объемъ* вещей, ихъ *разстоянія* и *расположеніе* въ *пустомъ* пространствѣ, дѣлается доступнымъ зрѣнію, только подъ руководствомъ осязанія и тѣхъ мускульныхъ ощущеній, которыя не связаны ни съ тѣмъ, ни съ другимъ чувствомъ, и которыя испытываются при перемѣщеніяхъ тѣла, и движеніяхъ органовъ осязанія, не встрѣчающихъ *противодѣйствія*. Продолженіемъ перемѣщенія и движеній, не встрѣчающихъ препятствій, измѣряется *пустое* пространство. *Разстоянія* видимыхъ предметовъ, и ихъ *объемы*, получаются для глазъ, — какъ показали опыты надъ прозрѣвшими, при изложенныхъ выше условіяхъ, слѣпорожденными, — только тогда, когда видимые предметы, т. е. ихъ видимыя линіи и поверхности, *ощупываются:* тогда, вмѣсто вертикальной картины видимыхъ линій и поверхностей, получается *перспектива* вещей, находящихся на различныхъ *разстояніяхъ*, и обладающихъ различнымъ *объемомъ* или *широтою*, съ различнымъ *положеніемъ* ихъ въ *пустомъ* пространствѣ.—Что касается до осязанія, то третье измѣреніе обусловлено для него одною помощью мускульныхъ ощущеній, или движеній, какъ свободныхъ, такъ и встрѣчающихъ препятствія.

389. Такимъ образомъ ясно, что зрѣніе и осязаніе, какъ чувства пространства, столько же испытываютъ непосредственно, сколько представляютъ: зрѣніе не только видитъ, но и представляетъ видимое пространство, и

размѣщенныя въ немъ вещи; и осязаніе не только чувствуетъ, но и представляетъ осязаемыя вещи.

Что касается остальныхъ чувствъ, именно слуха, обонянія, вкуса, то они дѣлаются чувствами пространства, не только вслѣдствіе сочетаній съ мускульными ощущеніями или ихъ идеями, но и въ силу ассоціацій съ пространственными пріобрѣтеніями осязанія и зрѣнія. Зрительные опыты пространства, у людей взрослыхъ, становятся руководящими для всѣхъ остальныхъ чувствъ, такъ что даже опыты осязанія и осязаемыя вещи, вмѣстѣ съ опытами слуха, обонянія и вкуса, находятъ свое мѣсто въ области видимаго пространства, или вступаютъ въ ассоціаціи съ зрительными ощущеніями послѣдняго. Эти-то ассоціаціи и сообщаютъ чувствамъ слуха и обонянія характеръ чувствъ пространства Такимъ образомъ человѣкъ получаетъ способность слышать *направленіе* и *разстоянія* звуковъ: слышать, откуда раздаются звуки,— или гдѣ шумятъ; слышать звуки близкіе и отдаленные, или ихъ приближеніе и удаленіе; и т. д.

ОБРАЗОВАНІЕ ЧУВСТВА ВНѢШНОСТИ ВЕЩЕЙ.

390. На первый взглядъ кажется, что чувство *внѣшности* вещей тожественно съ чувствомъ пространства, такъ какъ пространственное есть всегда внѣшнее, и внѣшнее пространственно. На дѣлѣ это не такъ: пространственное совпадаетъ съ внѣшнимъ; но *пространство* не тожественно съ *внѣшностью* вещей. Пространство есть медленно вырабатывающееся *явленіе* въ содержаніи ощущеній. *внѣшность* вещей означаетъ изъятіе

вещей изъ круга *явленій*. Идеи внѣшнихъ вещей, — непсихическихъ или физическихъ, — идеи матеріальныхъ отношеній и субстанцій, — суть, какъ мы видѣли (§ 357 и слѣд.), *трансцендентнаго* характера, и принадлежатъ къ тѣмъ трансценденціямъ явленій, которыя свойственны общему или здравому смыслу трансцендентныя идеи внѣшности вещей не могутъ совпадать съ историческими и логическими идеями пространства. Но точно также, какъ и пространство, — внѣшность вещей есть предметъ не только идей, но и *чувства*· человѣкъ *чувствуетъ* присутствіе внѣшнихъ вещей въ фактахъ текущихъ ощущеній.

Чувство *внѣшности* вещей, какъ и чувство пространства, не отдѣляется отъ внѣшнихъ чувствъ, а есть новое преобразованіе послѣднихъ, происходящее подъ вліяніемъ мышленія, или идей. Преобразованіе это распространяется на всѣ внѣшнія чувства, начиная съ *мускульнаго*, и чувства *осязанія:* условіями такого преобразованія служатъ *трансцендентныя идеи* внѣшнихъ отношеній и вещей, или рефлексія этихъ идей въ первичныхъ способностяхъ ощущеній. — Доказательства такого образованія чувства внѣшности вещей заключаются, съ одной стороны, въ фактѣ этого чувства, и въ фактахъ трансценденцій общаго или здраваго смысла; съ другой, въ неизбѣжной работѣ законовъ ассоціаціи, сочетающей трансцендентныя идеи внѣшности съ текущими ощущеніями и ихъ идеями. По закону смежности, текущія ощущенія должны возобновлять идеи обусловливающихъ ихъ внѣшнихъ отношеній и внѣшнихъ вещей; и этотъ процессъ возобновленія такихъ идей, сочетавая ихъ съ текущими ощущеніями, или подставляя внѣшнія

отношенія и вещи подъ условливаемыя ими ощущенія, долженъ превращать послѣднія въ ощущенія внѣшнихъ отношеній и вещей. Чувства внѣшности вещей суть, поэтому, столько же *ощущенія*, какъ и *представленія*.

ОБРАЗОВАНІЕ ЧУВСТВА МѢСТНОСТИ ПСИХИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

391. *Чувствомъ мѣстности* психическихъ явленій мы называемъ чувство ихъ *распространенія*, или *помѣщенія*, въ *ограниченныхъ мѣстностяхъ* тѣла. Прямымъ объектомъ этого чувства служатъ собственно ощущенія называемыя *органическими*; но по связи послѣднихъ съ *волненіями*,—особенно въ среднихъ и высшихъ степеняхъ ихъ развитія,—съ *мышленіемъ*, въ тѣхъ элементахъ его, которые своимъ происхожденіемъ обязаны этимъ ощущеніямъ,—и съ *психическими готовностями*, такими какъ *аппетиты* или тѣлесныя требованія,—мѣстный характеръ, свойственный первоначально органическимъ ощущеніямъ, сообщается въ нѣкоторой мѣрѣ и другимъ классамъ психическихъ явленій.

Чувство мѣстности органическихъ ощущеній, подобно чувству пространства и чувству внѣшности вещей, *образуется*,—или составляетъ *вторичную способность* человѣка, обязанную своимъ происхожденіемъ рефлексіи мышленія въ первичныхъ способностяхъ ощущеній. Доказательства вторичнаго характера разсматриваемаго чувства раздѣляются на косвенныя и прямыя. Къ косвеннымъ принадлежатъ, во-первыхъ, характеръ органическихъ ощущеній какъ психическихъ явленій, не дозволяющій приписывать имъ помѣщенія въ той или другой части тѣла, не смотря на то что такое помѣщеніе чувствуется; и во-вто-

рыхъ, нѣкоторые случаи медицинской практики, оправдывающіе такого рода заключеніе, — напр., тѣ извѣстные случаи, когда больные, лишившіеся вслѣдствіе ампутаціи обѣихъ ногъ, продолжали жаловаться на боли въ колѣнахъ. Прямыя доказательства вторичнаго характера чувства мѣстности органическихъ ощущеній почерпаются изъ наблюденій надъ развитіемъ дѣтей, которыя весьма медленно научаются локализаціи своихъ болей въ надлежащихъ частяхъ тѣла.

392. Образованіе чувства мѣстности органическихъ ощущеній предполагаетъ впереди себя образованіе двухъ раньше разсмотрѣнныхъ чувствъ,—чувства пространства или протяженія, и чувства внѣшности вещей,—въ приложеніи къ собственному тѣлу, или его частямъ. Изъ соединенія именно этихъ двухъ чувствъ, въ указанномъ приложеніи, образуется то *чувство мѣстности собственнаго тѣла*, которое, сочетавшись съ органическими ощущеніями, преобразуется въ *чувство мѣстности органическихъ ощущеній*.

Такое образованіе послѣдняго чувства доказывается, прежде всего, несомнѣннымъ присутствіемъ чувства мѣстности *тѣла*, тамъ гдѣ есть чувство мѣстности *органическихъ ощущеній*,—и происхожденіемъ перваго чувства изъ другихъ ощущеній, именно мускульныхъ, осязательныхъ и зрительныхъ. Такъ, при давленіи рукою на подкожные мускулы получается чувство подвергшейся давленію мѣстности, образующееся изъ осязательныхъ ощущеній прикосновеній, и мускульныхъ—давленій. Очевидно, что чувство мѣстности тѣла, подвергающейся давленію, не измѣнится въ своемъ характерѣ, если, при нѣкото-

рыхъ давленіяхъ, съ нимъ будутъ соединены органическія ощущенія *боли*. Вся разница между предыдущими и послѣдующими опытами будетъ заключаться въ томъ, что послѣдніе, къ широкому чувству мѣстности тѣла, подвергавшейся давленію, прибавятъ другое, болѣе тѣсное, — чувство той ограниченной мѣстности, давленія которой сопровождаются ощущеніями боли. Идеи этой мѣстности не могутъ не входить въ составъ ассоціацій давленій съ вызываемыми ими ощущеніями боли. Чувство этой мѣстности имѣетъ ту особенность, что объемъ его, или объемъ чувствуемой въ немъ мѣстности тѣла, не отдѣляется отъ объема или массивности связанныхъ съ нею страданій. Это-то слияніе органическихъ ощущеній съ чувствомъ мѣстностей тѣла и превращаетъ послѣднее въ чувство мѣстности сливающихся съ нимъ органическихъ ощущеній.

Образованіе вторичныхъ способностей чувствъ называемыхъ волненіями

393. До сихъ поръ мы разсматривали рефлексію мышленія въ способностяхъ ощущеній. Но та же рефлексія открывается и въ способностяхъ высшихъ чувствъ называемыхъ *волненіями*.

Волненія представляютъ высшую форму реальнаго сознанія человѣка, сравнительно съ его ощущеніями, такъ какъ находятся въ зависимости собственно отъ однихъ *психическихъ* условій, и объектомъ своимъ имѣютъ содержаніе не только всѣхъ порядковъ ощущеній, но и всѣхъ другихъ классовъ психическихъ явленій.

Всѣ волненія, каково бы ни было ихъ происхожденіе, имѣютъ свойство *развиваться*. Развитіе этихъ чувствъ

заключается въ томъ, что они становятся *тоньше* и *шире*: развитіе есть *утонченіе* и *расширеніе* ихъ,—что указываетъ на ихъ первоначальную *грубость* или *дикость*, и *узкость*. Разница между развитыми, и неразвитыми чувствами разсматриваемаго класса обнаруживаетъ разницу въ самыхъ *способностяхъ* къ нимъ: тонкія и широкія волненія обличаютъ развитость самыхъ способностей къ нимъ, напротивъ, грубость и узкость волненій открываютъ неразвитость самыхъ способностей къ чувствамъ этого отдѣла. Способности волненій, взятыя въ ихъ первоначальной грубости или неразвитости, мы называемъ ихъ *первичными* способностями; а способности развитыя тѣхъ же волненій — *вторичными*. *Образованіе вторичныхъ способностей* волненій есть такимъ образомъ *развитіе первичныхъ способностей* къ послѣднимъ.

394. Спрашивается: въ чемъ состоитъ развитіе первичныхъ способностей чувствъ называемыхъ волненіями?— Очевидно, что опредѣляя его какъ утонченіе и расширеніе этихъ способностей, мы не пролили на него достаточно свѣта. Освѣтить это развитіе мы можемъ только обращеніемъ къ точному значенію слова *способность*, дающему понять, что развитіе первичныхъ способностей волненій состоитъ въ такомъ *преобразованіи* первичныхъ условій этихъ чувствъ, которое дѣлаетъ ихъ *тоньше* и *шире*.

Преобразованіе *первичныхъ* условій *волненій*, вслѣдствіе введенія въ ихъ кругъ элементовъ новыхъ, вносимыхъ мышленіемъ и получающихъ значеніе *вторичныхъ* условій этихъ чувствъ, не поддается тому отчетливому очертанію, какому доступно измѣненіе первичныхъ условій *ощущеній*. Въ этомъ преобразованіи, какъ и въ послѣд-

немъ измѣненіи, есть черты общія обоимъ· — а именно, зависимость того и другого отъ рефлексіи мышленія въ первичныхъ условіяхъ чувствъ;—и перемѣны въ характерѣ чувствъ, и умственныхъ элементовъ являющихся ихъ вторичными условіями, — перемѣны, приближающія чувства къ процессамъ мышленія, и сообщающія умственнымъ элементамъ нѣкоторый видъ психической реальности, т. е. чувства. Но есть и важная разница между обоими первичныя условія ощущеній *реальны*; но тѣже условія волненій часто не обходятся безъ участія *мышленія*. Такимъ образомъ, между первичными и вторичными условіями волненій нѣтъ такой рѣзкой границы, какъ между первичными и вторичными условіями ощущеній. Вторичныя условія волненій, вносимыя рефлексіею мышленія въ кругъ первичныхъ, часто только увеличиваютъ собою массу умственныхъ элементовъ, уже содержащихся въ послѣднихъ.

395. Законами, которые управляютъ развитіемъ первичныхъ способностей волненій, оказываются тѣже законы ассоціаціи. Поэтому, въ умственныхъ элементахъ, составляющихъ условія волненій, или содержаніе развитыхъ способностей чувствъ этого отдѣла, нѣтъ ни одного, который бы не былъ умственною рефлексіею дѣйствительности, или реальныхъ психическихъ фактовъ. Въ подчиненіи развитія первичныхъ способностей волненій законамъ ассоціаціи убѣждаетъ анализъ этого развитія, наблюдаемаго въ способностяхъ волненій какъ *общихъ*, такъ и *спеціальныхъ*. Въ примѣръ развитія способностей волненій, общихъ человѣку съ животными, мы остановимся на *чувствахъ сходства* и *разницы*, называемыхъ *умствен-*

ными чувствами; въ примѣръ же развитія способностей гуманныхъ чувствъ, остановимся на *эстетическомъ вкусѣ*, или *художественномъ чувствѣ*, и на *чувствѣ нравственномъ*, или *чувствѣ долга*.

РАЗВИТІЕ УМСТВЕННЫХЪ ЧУВСТВЪ.

396. *Умственныя* чувства, или впечатлительность къ *сходствамъ* и *разницамъ* явленій и вещей, могутъ достигать замѣчательной степени развитія. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на впечатлительность людей къ сходствамъ и разницамъ вещей и явленій, входящихъ въ предметы ихъ спеціальныхъ занятій;—на различіе, напр., между чувствительностью къ *вѣсу*, свойственною пріемщикамъ писемъ, и ихъ обыкновеннымъ отправителямъ на почту, — чувствительностью ко *вкусамъ*—поваровъ, продавцевъ съѣстныхъ припасовъ, виноторговцевъ, гастрономовъ,—и обыкновенныхъ потребителей яствъ и винъ; чувствительностью къ *запахамъ* — парфюмеровъ, дрогистовъ, лаборантовъ,—и людей мало пользующихся ихъ приготовленіями. Многіе оттѣнки *цвѣтовъ*, особенности *формъ*, *тембры* звуковъ, различаются только знатоками. Эта разница умственной впечатлительности людей еще замѣтнѣе въ ихъ наблюденіяхъ надъ предметами болѣе сложными, чѣмъ *вѣсъ*, *вкусы*, *запахи;* и т. д.

Развитость умственныхъ волненій сходства и разности обусловливается развитостію *способностей* къ этимъ волненіямъ. Спрашивается: въ чемъ состоитъ развитіе этихъ способностей?—Вопросъ о способностяхъ умственной чувствительности переходитъ въ вопросъ о ея пер-

вичныхъ и вторичныхъ условіяхъ, къ рѣшенію котораго мы можемъ приблизиться, обращаясь къ фактамъ составляющимъ общія условія умственныхъ чувствъ. Общія условія умственной впечатлительности, сводятся, въ послѣднемъ анализѣ, къ фактамъ извѣстной *корреляціи* идей, выражающейся ихъ *совпаденіемъ* и *несовпаденіемъ*, и составляющей сущность всѣхъ явленій *логическаго* направленія мышленія,—а именно, *узнаванія*, *умственной колливаціи*, *сравненія*, *общихъ идей* и *общихъ умственныхъ рефлексій* реальныхъ отношеній, *умственнаго анализа;* и т. д. Основнымъ типомъ развитія умственной впечатлительности служитъ процессъ развитія послѣдней въ явленіяхъ *умственнаго анализа* дѣйствительности,—реальныхъ психическихъ фактовъ, вещей, и ихъ отношеній. Такимъ образомъ, вопросъ объ условіяхъ развитія умственныхъ чувствъ можетъ быть обращенъ въ вопросъ о первичныхъ и вторичныхъ условіяхъ этихъ чувствъ въ процессѣ умственнаго анализа

397. Первичныя и вторичныя условія умственныхъ чувствъ, въ явленіяхъ умственнаго анализа, даны въ двухъ главныхъ видахъ этихъ явленій,—представляющихъ два главные момента развитія послѣднихъ. Первый видъ явленій умственнаго анализа опирается на сравненіе вещей, явленій и ихъ отношеній, въ *индивидуальныхъ* идеяхъ и умственныхъ рефлексіяхъ дѣйствительности (§ 342), — получаются ли эти идеи и рефлексіи въ присутствіи самыхъ вещей, явленій и ихъ отношеній,—или нѣкоторыя изъ нихъ отражаютъ предшествующіе случаи ихъ наблюденій. Анализъ этого рода сохраняетъ черты первоначальной грубости сравненія, и чувствительность къ сход-

ствамъ и разницамъ, обусловленная совпаденіемъ и несовпаденіемъ идей и рефлексій въ явленіяхъ такого анализа, не можетъ отличаться ни тонкостью, ни широтою.— Вторая форма умственнаго анализа основана на сближеніи вещей, явленій и ихъ отношеній,—иначе сказать, ихъ индивидуальныхъ идей и умственныхъ рефлексій, — съ *общими типами* дѣйствительности,—типическими идеями и типическими умственными рефлексіями реальныхъ отношеній, которыя даны въ такъ-называемыхъ *общихъ понятіяхъ*, и *законахъ природы*. Образованіе такихъ умственныхъ типовъ, обусловливающее вторичную, высшую форму умственнаго анализа, обусловливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и высшую умственную чувствительность.—Такимъ образомъ, первичныя и вторичныя условія умственныхъ чувствъ, въ процессѣ умственнаго анализа, сводятся, въ концѣ, къ первичной и вторичной формѣ идей и умственныхъ рефлексій, въ составѣ этого анализа: *первичными* условіями служатъ *индивидуальныя* идеи и рефлексіи реальныхъ отношеній; *вторичными — общія* или *типическія*. Развитіе способностей къ умственнымъ чувствамъ связано здѣсь съ образованіемъ типическихъ идей и умственныхъ рефлексій, какъ вторичныхъ условій такихъ чувствъ.

Для объясненія этихъ общихъ указаній на развитіе способностей къ чувствамъ сходства и разности, обратимся къ извѣстнымъ видамъ развитой чувствительности къ *вѣсу*. Чувствительность къ вѣсу не можетъ отличаться тонкостью, пока не выработаны нѣкоторыя общія идеи или умственные типы тяжестей, доступныхъ взвѣшиванію руками, каковы пуды, фунты, лоты, золотники, или дру-

гія подобныя мѣры тяжестей. Но когда испытываютъ тяжести соотвѣтствующія принятымъ мѣрамъ, и эти опыты возобновляются въ идеяхъ, которыя, отъ повторенія ихъ, пріобрѣтаютъ силу или интенсивность, не дозволяющую усомниться въ вѣрности умственнаго анализа, исполняемаго, съ помощью этихъ идей, надъ встрѣчными тяжестями тогда чувствительность къ вѣсу достигаетъ той тонкости, какой мы удивляемся у продавцовъ товаровъ, или у пріемщиковъ писемъ. — Такимъ же образомъ, съ успѣхами умственнаго образованія человѣка, — иначе, съ образованіемъ типическихъ идей и умственныхъ рефлексій, относящихся къ различнымъ областямъ явленій, вещей и ихъ отношеній, развивается умственная чувствительность и во всѣхъ другихъ направленіяхъ.

РАЗВИТІЕ ЭСТЕТИЧЕСКАГО ИЛИ ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЧУВСТВА.

398. *Эстетическимъ*, или *художественнымъ*, чувствомъ мы называемъ чувство *красоты*. Какъ велика разница между грубою и развитою чувствительностью къ красотѣ дѣйствительности или явленій, можно убѣдиться, изъ сравненія, въ этомъ отношеніи, людей дикихъ съ цивилизованными, и обыкновенныхъ любителей изящнаго — съ художниками. — Развитіе эстетической впечатлительности стоитъ въ зависимости отъ развитія *способностей* къ ней, или отъ преобразованія *первичныхъ* условій эстетическихъ впечатлѣній, посредствомъ введенія, въ число этихъ условій, элементовъ новыхъ, доставляемыхъ мышленіемъ, и получающихъ значеніе *вторичныхъ* условій эстетическихъ чувствъ

Первичныя условія чувствъ красоты *реальны*, и заключаются въ нѣкоторыхъ *сочетаніяхъ ощущеній*, — сочетаніяхъ, не имѣющихъ символическаго или изобразительнаго характера. Такія сочетанія называются. *гармоніею* цвѣтовъ и тоновъ, *прелестью* фигуръ или формъ. *граціею* движеній, *симметріею* порядка; и т. д. Отсюда. самыя чувства красоты распадаются на чувства *гармоніи*, *прелести*, *граціи*, *симметріи;* и т. д. Обращаясь къ самымъ элементамъ такихъ эстетическихъ сочетаній, находимъ, что эти элементы, т. е. *зрительныя* и *слуховыя* ощущенія, должны быть *пріятнаго* качества, и настолько интенсивны, чтобы въ состояніи были *нейтрализовать* неотдѣлимые отъ нихъ, элементы *непріятные*, а примѣшивающимся къ нимъ, элементамъ *нейтральнаго* качества сообщать *пріятную* квалификацію.

Реальныя условія эстетическихъ впечатлѣній играютъ первую роль въ *художественныхъ* условіяхъ красоты, или чувствъ изящнаго. Гармонія цвѣтовъ и свѣтотѣни входитъ въ число выдающихся условій красоты—въ области живописи; прелестныя формы играютъ такую же роль—въ живописи, ваяніи и архитектурѣ, гармонія тоновъ или вообще звуковъ — въ музыкѣ, поэзіи и изящной прозѣ; грація движеній—въ танцахъ и мимикѣ, симметрія порядка — въ архитектурѣ, декоративномъ искуствѣ; и т. д.

399. Чувства красоты, обусловленныя эстетическими сочетаніями ощущеній, чуждыми символическаго характера, составляютъ первую ступень эстетической чувствительности,—иначе сказать, чужды той утонченности и широты, какія пріобрѣтаются ими, когда первичныя условія ихъ

преобразуются, — когда эстетическія сочетанія, чуждыя символическаго значенія, получаютъ характеръ эстетической символики; — слѣдовательно, когда къ первичнымъ, реальнымъ условіямъ красоты прибавляются вторичныя, *мысленныя* или *идеальныя*.

По самому характеру вторичныхъ условій красоты, или высшихъ эстетическихъ сочетаній ощущеній, видно, что эти условія, или сочетанія, имѣютъ мѣсто только въ *произведеніяхъ* изящныхъ искуствъ. Потому что природа не бываетъ символомъ, пока не будетъ преобразована въ него человѣкомъ. Символическія сочетанія ощущеній, эстетическаго характера, являются отличительными условіями красоты *художественной*.

Эстетическія комбинаціи ощущеній, составляющія реальныя условія впечатлѣній красоты, получаютъ новый характеръ, какъ скоро преобразуются въ символы, иначе реальное отраженіе идей человѣка, или представляемой этими идеями дѣйствительности; — когда сочетанія линій, формъ, свѣта, тѣни и цвѣтовъ, переходятъ, напр., въ живописное изображеніе видовъ природы или быта человѣка; когда, въ формахъ придаваемыхъ дереву, глинѣ, камнямъ, или металламъ, отражаются прелестныя формы человѣческаго тѣла; когда сочетанія музыкальныхъ тоновъ передаютъ чувства и мечты человѣка, — его тоску, или радость, или надежды; когда мелодія рѣчи вступаетъ въ соперничество съ музыкою и пластическими искуствами, въ изображеніи дѣйствительности; когда, въ сложныхъ комбинаціяхъ реальныхъ условій различныхъ порядковъ, — напр., въ комбинаціяхъ сценическаго искуства, получается, болѣе или менѣе полное, отраженіе семейной и общественной жизни человѣка, среди окружающей его природы; и т. д.

400. Разсматривая характеръ вторичныхъ условій эстетическихъ впечатлѣній, или отличительныя условія художественной красоты, находимъ, что эти условія даются нѣкоторыми *ассоціаціями идей*, вызываемыми реальными условіями красоты, или эстетическими комбинаціями ощущеній, и сообщающими этимъ комбинаціямъ ихъ символическій, или изобразительный характеръ. Идеи, входящія въ составъ такихъ ассоціацій, чтобы быть условіями красоты, должны обладать двумя свойствами: во-первыхъ, *гармоніею* съ извѣстною дѣйствительностью и, во-вторыхъ, качествомъ *пріятности*. Чувство художественной красоты есть, прежде всего, *чувство гармоніи* эстетической символики, или художественнаго изображенія, съ дѣйствительностью: въ этомъ чувствѣ гармоніи и заключается все чувство художественной *правды*. Но идеальные элементы гармонирующіе съ дѣйствительностью, чтобы быть полными условіями впечатлѣній красоты, должны обладать еще качествомъ *пріятности*, и притомъ, опять, въ такой степени силы или интенсивности, которая бы дозволяла нейтрализацію качества идей непріятныхъ, и квалификацію идей нейтральныхъ, неизбѣжныхъ въ полномъ составѣ символическихъ ассоціацій. Отсюда, въ составъ вторичныхъ условій эстетическихъ чувствъ входятъ, прежде всего, идеи эстетическихъ волненій, и тѣхъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній, которыя составляютъ реальныя условія послѣднихъ; затѣмъ, идеи всѣхъ другихъ ощущеній, волненій, или вообще реальныхъ состояній сознанія---пріятнаго качества; и только, въ концѣ, при указанныхъ ограниченіяхъ или условіяхъ, допускаются идеи чувствъ нейтральныхъ, и даже непріятныхъ, какъ—страха, гнѣва и т. д. Робость кра-

сиваго ребенка еще не умѣющаго ходить, оставленнаго на мгновеніе безъ поддержки и простирающаго граціозно руки къ своей красивой матери, — эта робость, представленная на картинѣ художника, можетъ входить въ составъ условій производимаго картиною впечатлѣнія красоты, не взирая на непріятное качество этого чувства; такъ какъ, при указанныхъ обстоятельствахъ, непріятность его идеи можетъ быть совершенно нейтрализована пріятностью другихъ идей, въ составѣ этихъ условій.

401. Такимъ образомъ, высшія эстетическія чувства, или чувства *художественной* красоты суть, прежде всего, чувства художественной правды въ изящныхъ произведеніяхъ человѣка, — чувства поддерживаемыя, во-первыхъ, эстетическими впечатлѣніями первой степени; во-вторыхъ, пріятностью идей художественныхъ ассоціацій; и въ-третьихъ, свободою послѣднихъ ассоціацій отъ такихъ идей, непріятность которыхъ—не поддается нейтрализаціи, а нейтральность — пріятной квалификаціи, со стороны другихъ идей художественныхъ ассоціацій.

Изъ этого видно, что способности человѣка къ высшей эстетической чувствительности заключаются въ его ассоціаціяхъ идей. Въ основаніи художественныхъ ассоціацій лежатъ явленія мышленія, принадлежащія къ кругу такъ-называемыхъ явленій *узнаванія:* содержаніе художественныхъ произведеній узнается, или понимается, какъ изображеніе извѣстной дѣйствительности. Очевидно, что успѣхи этого пониманія находятся въ зависимости отъ степени знакомства съ изображаемою художниками дѣйствительностью, или отъ успѣховъ умственной рефлексіи послѣдней. Такимъ образомъ, развитіе эстетическихъ чувствъ человѣка находится въ зависимости отъ развитія его мышленія.

РАЗВИТІЕ НРАВСТВЕННАГО ЧУВСТВА.

402. *Нравственнымъ*, или *моральнымъ*, чувствомъ мы называемъ чувство *долга*, — точнѣе сказать, чувство *сообразности* или *несообразности* дѣйствій съ *нравственнымъ долгомъ* человѣка, или *культурными нравами* людей.

Нравственное чувство людей есть произведеніе исторіи ихъ культуры, и косвенно отражаетъ въ себѣ тѣ *нравы* ихъ, которые заключаются въ культурныхъ свойствахъ ихъ личности, или нѣкоторыхъ историческихъ приспособленіяхъ послѣдней къ цѣлямъ сохраненія (§ 217). Воспитаніе нравственнаго чувства въ отдѣльномъ лицѣ не создаетъ этого чувства,—не производитъ послѣдняго, а только *воспроизводитъ* его въ каждомъ новомъ членѣ общества: самое благовоспитанное нравственное чувство не заключаетъ въ своемъ содержаніи ничего такого, чтобы выходило изъ границъ нравственныхъ впечатлѣній воспитавшей его общественной среды. Тѣмъ не менѣе, для каждаго отдѣльнаго лица, воспитаніе играетъ роль развивающую въ нравственномъ отношеніи: оно доводитъ развитіе нравственнаго чувства каждаго новаго члена общества до той высоты, какая свойственна нравственному чувству большинства членовъ этого общества.—О развитіи нравственнаго чувства въ отдѣльномъ лицѣ, путемъ воспитанія въ широкомъ смыслѣ, здѣсь и будетъ именно рѣчь.

Способности къ нравственнымъ чувствамъ заключаются въ присутствіи положительныхъ условій для послѣднихъ. Между этими условіями нравственныхъ чувствъ мы раз-

личаемъ *первичныя* и *вторичныя* изъ двухъ важнѣйшихъ ступеней развитія нравственной чувствительности, одна соотвѣтствуетъ отдѣльной работѣ первичныхъ условій, а другая — совмѣстной работѣ первичныхъ и вторичныхъ.

403. Для опредѣленія различія между первичными и вторичными условіями нравственныхъ чувствъ, замѣтимъ, что въ составъ *первичныхъ* условій входятъ элементы, частью *реальные*, частью *мысленные*. Мысленные элементы заключаются въ *идеяхъ* текущихъ или предусматриваемыхъ *дѣйствій;* реальные—въ *культурныхъ побужденіяхъ* къ этимъ дѣйствіямъ, вызываемыхъ ихъ идеями, и часто встрѣчающихъ противодѣйствіе со стороны другихъ побужденій, не имѣющихъ культурнаго характера. Нравственныя чувства, вызываемыя своими первичными условіями, суть чувства сообразности и несообразности представляемыхъ дѣйствій, съ культурными побужденіями къ нимъ.—Культурныя побужденія къ дѣйствіямъ заключаютъ въ себѣ всѣ формы культурной готовности къ дѣйствіямъ, — культурныя *стремленія*, *влеченія*, *желанія*, *рѣшенія*, *расположенія*, *склонности*.—Культурная готовность къ дѣйствіямъ дается человѣку его воспитаніемъ: воспитаніе постепенно усвояетъ людямъ культурные *нравы*, развивая въ нихъ культурные *навыки* произвольной дѣятельности, — напр., трудолюбіе, бережливость, воздержность, справедливость, доброжелательство. Такимъ образомъ, культурная готовность къ дѣйствіямъ, какъ произведеніе культурныхъ нравовъ, привитыхъ воспитаніемъ, есть *нравственная* готовность къ дѣйствіямъ. Отсюда, самое чувство отношенія дѣйствій къ культурной готовности есть чувство нравствен-

наго характера или *нравственности* этихъ дѣйствій, — чувство *нравственное*, *моральное*. Свойства нравственнаго чувства, на первой ступени его развитія, вполнѣ объясняются его реальными условіями, — т. е. явленіями нравственной готовности, или нравственными побужденіями къ дѣйствіямъ. Привычка—вторая природа; поэтому, чувство нравственности дѣйствій, т. е. сообразности дѣйствій съ нравственною готовностью, и культурными навыками дѣйствій или культурными нравами, должно имѣть характеръ:—во-первыхъ, *непосредственности*,—какъ чувство опредѣляющее нравственныя свойства дѣйствій, безъ вмѣшательства мышленія или разсужденій;—во-вторыхъ, голоса самой *природы* человѣка; и въ-третьихъ, сознанія *нравственной необходимости* извѣстныхъ дѣйствій, или *нравственнаго долга*. Отсюда нравственное чувство опредѣляется какъ *чувство долга*, или—сообразности дѣйствій съ *нравственнымъ долгомъ* человѣка.

404. Анализъ первичныхъ условій нравственнаго чувства показываетъ, что развитіе его въ отдѣльномъ человѣкѣ предполагаетъ факты добрыхъ или культурныхъ нравовъ, данныхъ въ обществѣ, и выработанныхъ его исторіею. Привитіе такихъ нравовъ новому члену общества, т. е. дитяти, ведущее за собою развитіе его нравственнаго чувства, совершается обыкновенно путемъ короткихъ приказаній и запрещеній, иногда сопровождаемыхъ объясненіями приноровленными къ дѣтскому возрасту, и весьма часто далекими отъ истины. Поэтому, нравственное чувство, зависящее отъ однихъ первичныхъ условій, безотчетно, и содержаніе его не отличается раздѣльностью. Эти недостатки нравственнаго чувства устра-

няются совмѣстною работою первичныхъ и *вторичныхъ* условій его.

Вторичныя условія нравственнаго чувства получаются черезъ прибавленіе къ первичнымъ новыхъ умственныхъ элементовъ, именно, вносимыхъ *мысленною рефлексіею* нравственной готовности, или культурныхъ нравовъ,— въ формѣ нравственныхъ идей, понятій, правилъ, законовъ, принциповъ и общественнаго мнѣнія. Различныя формы этой моральной рефлексіи сообщаютъ нравственному чувству раздѣльность и отчетливость.—Поднимаясь на новую высоту, вслѣдствіе новыхъ условій умственнаго происхожденія, нравственное чувство получаетъ характеръ нѣкоторыхъ «непосредственныхъ нравственныхъ сужденій», придающихъ ему тонкость и широту; а когда моральная рефлексія, обусловливающая нравственное чувство содержитъ въ себѣ указаніе и на историческіе мотивы культурныхъ нравовъ, нравственное чувство принимаетъ форму *нравственныхъ убѣжденій*, и становится *отчетливымъ*.

Изъ этого видно, что нравственное чувство человѣка, на высшей ступени своего развитія, зависитъ отъ его умственной развитости въ практическихъ вопросахъ. Истолкованіе, въ идеяхъ или умственной рефлексіи, — реальнаго содержанія нравственнаго чувства можетъ быть истиннымъ и ложнымъ; въ первомъ случаѣ, оно будетъ улучшать нравственную чувствительность дѣтскаго возраста, во второмъ — подавлять ее. Черты добраго воспитанія, конечно, не изгладятся, но обнаруженія ихъ не будетъ, если практическое мышленіе человѣка не будетъ вѣрнымъ отраженіемъ культурныхъ нравовъ общества. Отсюда ясно, что высшее развитіе нравственнаго чувства

въ отдѣльномъ человѣкѣ, обусловлено правильнымъ развитіемъ его нравственныхъ идей, правилъ и принциповъ, подъ руководствомъ законодательства и общественнаго мнѣнія.

Образованіе вторичныхъ способностей реальныхъ психическихъ готовностей.

405. *Психическими готовностями* мы называемъ состоянія психическаго напряженія, рождающіяся вслѣдствіе препятствій, встрѣченныхъ развитіемъ психическихъ фактовъ, и оставляющихъ послѣдніе въ состояніи *скрытномъ*, или *потенціальномъ*. *Реальными* психическими готовностями мы называемъ готовности *чувствъ* и *реальныхъ дѣйствій*,—или задержанныя въ своемъ раскрытіи чувства и реальныя дѣйствія. Соотвѣтственно разницѣ этихъ двухъ порядковъ реальныхъ психическихъ фактовъ, реальныя психическія готовности можно раздѣлить на *страдательныя* и *дѣятельныя*.

Изъ самаго опредѣленія реальныхъ психическихъ готовностей слѣдуетъ, что *первичныя* способности человѣка къ этого рода психическимъ фактамъ заключаются въ сочетаніяхъ ихъ положительныхъ и отрицательныхъ условій,—въ *чувствахъ* и *реальныхъ дѣйствіяхъ*, и во встрѣченныхъ ихъ раскрытіемъ *препятствіяхъ*. Эти первоначальныя способности измѣняются, подъ вліяніемъ повторенія фактовъ рождаемой ими психической готовности. Такія измѣненія заключаются въ *возрастаніи* первичныхъ, или въ образованіи *вторичныхъ*, способностей реальныхъ психическихъ готовностей, черезъ прибавленіе къ первичнымъ условіямъ послѣднихъ—условій *вторичныхъ*,

данныхъ рефлексіею, въ *текущихъ* фактахъ реальнаго психическаго напряженія,—фактовъ *прошлыхъ*,—слѣдовательно, условій, доставляемыхъ мышленіемъ человѣка, или законами ассоціаціи.

Чтобъ убѣдиться въ томъ, что образованіе вторичныхъ способностей реальныхъ психическихъ готовностей находится въ зависимости отъ реальной рефлексіи мышленія, управляемой законами ассоціаціи, остановимся на двухъ примѣрахъ этого образованія, представляемыхъ, во-первыхъ, фактами *скрытнаго возрастанія волненій*, оканчивающагося *аффектами*, и во-вторыхъ, фактами *скрытнаго образованія склонностей*.

СКРЫТНОЕ ВОЗРАСТАНІЕ ВОЛНЕНІЙ, ОКАНЧИВАЮЩЕЕСЯ АФФЕКТАМИ.

406. *Аффектами* мы называемъ *взрывы* волненій,—т. е. тѣ высшія степени *силы* или *интенсивности* волненій, которыя достигаются ими часто почти мгновенно, и обнаруживаются безпорядочнымъ теченіемъ идей, и безпорядочною энергіею выраженій и дѣйствій. Нельзя указать такихъ видовъ волненій, которые не могли бы достигать указанныхъ степеней силы, или переходить въ аффекты: встрѣчаются аффекты не только чувствъ *гнѣва*, *нѣжности*, *страха*, *успѣха*, но и чувствъ *красоты*, *правды*, *сходства*.

Когда волненія быстро обращаются въ аффекты, возрастаніе ихъ замѣтно, или открыто для наблюденій. Взрывы волненій, при указанныхъ обстоятельствахъ, порождаются не только степенью ихъ положительныхъ условій, но и отсутствіемъ, или слабымъ дѣйствіемъ, условій отрицательныхъ въ такой исторіи развитія волненій, нѣтъ

указаній на другой классъ психическихъ явленій,—именно, явленій реальнаго психическаго напряженія, или реальной психической готовности. Но каковы бы ни были положительныя условія волненій, встрѣча послѣднихъ, съ препятствіями ихъ развитію, способна *задержать* его, или превратить вызываемыя волненія, въ одну *готовность* ихъ развиться, съ устраненіемъ встрѣченныхъ къ тому препятствій. На эту готовность къ волненіямъ, даже взрыву волненій, по самой скрытности присутствія послѣднихъ, менѣе обращаютъ вниманіе, чѣмъ на задерживающія ихъ развитіе условія. Отсюда, явленія готовности чувствъ отмѣчены въ словахъ, указывающихъ на препятствіе ихъ развитію, иначе задержку послѣднихъ,—каковы *терпѣнье*, *сдержанность*, *самообладаніе*. — Когда волненія встрѣчаютъ препятствія своему развитію, и принимаютъ форму страдательной реальной психической готовности, послѣдняя не означаетъ прочнаго равновѣсія между тѣми и другими. Опытъ показываетъ, что при простомъ *повтореніи* однихъ и тѣхъ же поводовъ къ волненіямъ, въ присутствіи тѣхъ же препятствій ихъ развитію, готовность къ волненіямъ можетъ незамѣтно *возрастать*, и возрастаніе послѣдней можетъ разрѣшиться взрывомъ волненій, или явленіями *аффектовъ*. На этомъ случаѣ скрытнаго возрастанія волненій, въ составѣ реальныхъ психическихъ готовностей,—какъ менѣе сложномъ, мы прежде всего и остановимся.

407. Скрытное возрастаніе волненій, при тѣхъ же поводахъ, и тѣхъ же препятствіяхъ ихъ развитію, — въ составѣ страдательныхъ психическихъ готовностей, можетъ быть объяснено только вторичными или дополни-

тельными условіями послѣднихъ. Такія условія даются фактами простого *повторенія* задерживаемыхъ чувствъ. Повтореніе задерживаемыхъ чувствъ ведетъ къ *накопленію* ихъ. Накопленіе это заключается въ томъ, что волненіе текущее возобновляетъ, по законамъ ассоціаціи, всѣ сходныя съ нимъ прошлыя, конечно въ идеяхъ; эти идеи, отражающія прошлые опыты, сами отражаются въ текущемъ, или, какъ говорятъ, сливаются съ текущимъ опытомъ. Такимъ образомъ, при повтореніяхъ волненій вызываемыхъ тѣми же поводами, и встрѣчающихъ тѣже препятствія къ своему развитію, каждый послѣдующій опытъ будетъ произведеніемъ *возрастающихъ* или *вторичныхъ* способностей къ нимъ, — иначе сказать, совмѣстной работы—оригинальныхъ положительныхъ условій волненій, и идей всѣхъ предшествующихъ опытовъ тѣхъ же чувствъ.

Возьмемъ, для примѣра, скрытное возрастаніе *напряженія гнѣвнаго*,—или волненія гнѣва, готоваго развиться, при устраненіи подавляющихъ его обстоятельствъ. Положимъ, что обстоятельства, задерживающія его развитіе, заключаются въ какихъ нибудь враждебныхъ гнѣву, ровныхъ или неизмѣняющихся, психическихъ настроеніяхъ или расположеніяхъ духа,—или въ какихъ нибудь твердыхъ идеяхъ, или навыкахъ. Допустимъ, что при этомъ тожествѣ отрицательныхъ условій гнѣвной готовности, оригинальныя условія содержащагося въ ней волненія гнѣва остаются безъ перемѣны и состоятъ, напр., въ повтореніи тѣхъ же дѣйствій невниманія, неуваженія, насмѣшки, упрековъ, брани и т. д. Если, при этихъ условіяхъ, явленія гнѣвнаго напряженія повторяются, повтореніе не можетъ остаться безъ вліянія на возрастаніе его или

содержимаго имъ волненія. Каждый новый случай гнѣва, задержаннаго въ своемъ развитіи тѣми же препятствіями, возобновитъ въ мысляхъ всѣ предыдущіе случаи того же чувства, по тожеству ихъ обстоятельствъ; и слѣдовательно, съ каждымъ новымъ случаемъ сдержаннаго гнѣва, чувство гнѣва будетъ накопляться. Чѣмъ значительнѣе будутъ препятствія раскрытію этого чувства, тѣмъ большее потребуется накопленіе его, для преодолѣнія этихъ препятствій. Отсюда и вытекаетъ то обыкновенное явленіе, что чувство гнѣва, скрытно и медленно накопившееся, обнаруживается взрывомъ или *аффектомъ,* неожиданнымъ не только для личнаго объекта гнѣва, но и для гнѣвающагося субъекта.

408 Само собою разумѣется, что разрѣшеніе готовности къ гнѣву—самымъ гнѣвомъ, включая сюда и его высшія ступени или аффекты,—произойдетъ скорѣе, если мѣсто неизмѣнныхъ отрицательныхъ условій развитія этого чувства будутъ занимать условія уменьшающіяся въ силѣ или значеніи; — напр , мѣсто неизмѣнныхъ или ровныхъ настроеній или расположеній духа, враждебныхъ гнѣву, будутъ занимать расположенія ослабѣвающія. Такимъ образомъ, пусть волненіе гнѣва будетъ сдержано въ своемъ развитіи чувствомъ нѣжности, и мыслью о вредныхъ послѣдствіяхъ взрыва или аффекта гнѣва. Если чувство нѣжности будетъ ослабѣвать, или мысль о вредныхъ послѣдствіяхъ—для имущества, свободы или положенія лица, будетъ терять свою силу, вслѣдствіе открывшихся новыхъ видовъ обезпеченія· то, при повтореніи случаевъ дающихъ поводы къ волненію гнѣва, гнѣвное напряженіе будетъ расти съ увеличенною скоростью и.

слѣдовательно, можетъ скорѣе разразиться взрывомъ гнѣва. — Тоже ускоренное возрастаніе гнѣвной готовности будетъ имѣть мѣсто и тогда, когда, при неизмѣнности сдерживающихъ условій гнѣва, оригинальныя причины его будутъ измѣняться, именно увеличиваться; — напр., когда, отъ холодныхъ рѣчей, переходятъ къ раздражающимъ намекамъ, отъ намековъ—къ оскорбительнымъ замѣчаніямъ, отъ замѣчаній—къ брани, отъ брани—къ насилію; и т. д. Эти, и еще болѣе сложные, случаи возрастанія волненій, въ составѣ страдательныхъ психическихъ готовностей, представляютъ менѣе наглядные примѣры работы мышленія или законовъ ассоціаціи, но не скрываютъ этой работы, какъ центральнаго явленія, въ образованіи вторичныхъ способностей, къ фактамъ реальнаго психическаго напряженія.

СКРЫТНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ СКЛОННОСТЕЙ.

409. *Склонностями* мы называемъ *развитыя* или *вторичныя*, формы *реальной дѣятельной готовности*,— или готовности реальныхъ дѣйствій человѣка.—Когда реальныя дѣйствія задерживаются, въ своемъ развитіи или продолженіи, встрѣченными къ тому препятствіями,—образуется *готовность реальныхъ дѣйствій* — открыться, при устраненіи встрѣченныхъ препятствій.

По различію двухъ главныхъ отдѣловъ реальныхъ дѣйствій, реальная дѣятельная готовность можетъ быть раздѣлена на *реактивную* и *активную*. Къ основнымъ формамъ *реактивной* готовности реальныхъ дѣйствій принадлежатъ явленія *влеченій* и *отвращеній;* къ такимъ же формамъ готовности *активной* принадлежатъ явленія

стремленій, *аппетитовъ*, *желаній*. Указанныя формы реальной дѣятельной готовности, развиваясь при повтореніи ея явленій, и возрастая въ своемъ напряженіи или энергіи, переходятъ въ *склонности*.—Влеченія, и отвращенія, переходя въ склонности, получаютъ названія *любви*, и *ненависти*. *Степени любви* къ лицамъ выражаются словами: *расположеніе* къ кому нибудь, *пріязнь*, *страсть*. Степени *ненависти*—словами: *нерасположеніе*, *непріязнь*, *вражда*. Видоизмѣненія ненависти представляютъ формы реальной дѣятельной готовности—въ явленіяхъ *зависти* и *ревности*. — Стремленія, аппетиты, желанія, переходя въ склонности, получаютъ названіе *наклонностей*, *охоты* до чего нибудь, и *любви* или *страсти* къ чему нибудь.

410. Склонности къ реальнымъ отношеніямъ, реактивнаго и активнаго характера, образуются отъ *повторенія* индивидуальныхъ опытовъ реальной дѣятельной готовности, при которомъ, къ *первичнымъ* или оригинальнымъ условіямъ послѣдней, заключающимся въ вызываемыхъ реальныхъ дѣйствіяхъ и препятствіяхъ къ ихъ развитію или продолженію,—прибавляются *вторичныя*, вводимыя мышленіемъ, или законами ассоціаціи. По законамъ ассоціаціи, при каждомъ повтореніи того же опыта реальной дѣятельной готовности, воспроизводятся въ идеяхъ и всѣ прежніе случаи, тожественные съ текущимъ опытомъ: идеи прежнихъ, сливаясь съ текущимъ, подкрѣпляютъ его энергію, всею суммою своего напряженія или своей силы. Поэтому, съ каждымъ повтореніемъ того же явленія реальной дѣятельной готовности, послѣднее должно возрастать въ своей силѣ или крѣпости, — т. е., переходить въ *склонность*.—Такимъ образомъ, склонности суть *вто-*

ричныя формы реальной дѣятельной готовности, скрытно образующіяся отъ повторенія ея явленій, въ силу законовъ ассоціаціи, или реальной рефлексіи мышленія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, остановимся на образованіи одной изъ *реактивныхъ* склонностей,—именно *любви* къ лицамъ, рѣзкимъ примѣромъ которой служитъ любовь между *полами*,—и одной изъ *активныхъ*,—именно *властолюбія*.

411. *Любовь* къ лицу есть послѣдствіе *накопленія влеченій* къ нему, содержащаго въ себѣ накопленіе *сдержанныхъ чувствъ*. Чувства заключенныя въ любви, представляютъ различные виды *волненій нѣжности*. *Влеченіе* къ лицу есть вліяніе нѣжныхъ чувствъ, на отношенія къ вызвавшему ихъ лицу,—задержанное въ своемъ раскрытіи, и перешедшее въ одну *готовность* къ дѣятельнымъ отношеніямъ нѣжности. Задержка вліянія нѣжныхъ чувствъ, на вызвавшія ихъ отношенія къ лицу, сопровождается нѣкоторою задержкою раскрытія самыхъ чувствъ. — При повтореніи факта влеченья, вызванномъ новыми нѣжными чувствами, и сдерживающими ихъ вліяніе обстоятельствами, воспроизводятся въ идеяхъ, по закону сходства, всѣ прежніе факты тожественные съ текущимъ, со всѣмъ ихъ содержаніемъ,—т. е. сдержанными нѣжными чувствами, и ихъ сдержаннымъ вліяніемъ. Очевидно, что эти воспроизведенія прошлыхъ фактовъ влеченья, по поводу текущаго, должны вести къ возрастанію влеченья, независимо отъ его первичныхъ или оригинальныхъ условій,—иначе сказать, въ силу простой работы мышленія или законовъ ассоціаціи, дающей, въ этихъ воспроизведеніяхъ, его вторичныя условія, прогрессивно возрастающія. Въ самомъ

дѣлѣ, готовность къ раскрытію нѣжнаго волненія въ дѣятельномъ направленіи, съ устраненіемъ къ тому препятствій, — т. е. съ переходомъ нѣжной дѣятельной готовности въ самыя дѣйствія,—должна возрастать, по общему правилу возрастанія сдержанныхъ чувствъ. Точно также, и скрытное вліяніе сдержанныхъ волненій нѣжности, подкрѣпляемое, въ каждомъ текущемъ опытѣ, всѣми прошлыми того же рода, должно возрастать, параллельно возрастанію самыхъ чувствъ.—Это-то возрастаніе нѣжнаго влеченья къ лицу, или заключающейся въ немъ страдательной и дѣятельной нѣжной готовности,—въ силу повторенія его явленій или въ силу законовъ ассоціаціи, и составляетъ сущность процесса образованія *любви* къ лицу.—Признаками силы любви, какъ склонности къ лицу, служатъ степени *привязанности* къ любимому лицу, наблюдаемыя въ явленіяхъ противодѣйствія идеямъ, или дѣйствіямъ, разлуки съ нимъ.

Перейдемъ къ образованію *властолюбія*.—Властолюбіе,—склонность или страсть къ власти, образуется также изъ отдѣльныхъ случаевъ *стремленія* къ власти. Стремленіе къ власти заключаетъ въ себѣ. во-первыхъ, пріятныя чувства *силы*, вызываемыя дѣйствіями приказаній, распоряженія, управленія и т. д., встрѣчающими въ другихъ соотвѣтственную реакцію; и во-вторыхъ, вліяніе этихъ чувствъ, на вызывающія ихъ движенія или дѣйствія, задерживаемое отрицательными условіями въ скрытномъ или потенціальномъ состояніи. При повтореніи отдѣльныхъ случаевъ стремленія къ власти, скрытыя въ немъ чувства силы, и ихъ скрытное вліяніе, повторяются въ дѣйствительности, и воспроизводятся въ мы-

шленіи; съ накопленіемъ этихъ воспроизведеній, открывающихся по поводу каждаго текущаго случая, сила стремленія къ власти возрастаетъ, обращая послѣднее въ склонность, или страсть, къ власти,—*властолюбіе*. Признаками силы властолюбія служатъ степени *потребности* власти, наблюдаемыя въ періоды ея бездѣйствія, или лишенія.

Образованіе вторичныхъ способностей реальной дѣятельности.

412. Изслѣдуя образованіе вторичныхъ способностей реальной дѣятельности человѣка, мы остановимся на высшемъ порядкѣ ея явленій, — именно на дѣйствіяхъ *цѣлесообразныхъ*,—слѣдовательно, *произвольныхъ*, и рождающихся изъ нихъ *невольныхъ*.

Реальныя явленія произвольной дѣятельности человѣка, консервативнаго и прогрессивнаго направленія, имѣютъ два періода своего образованія,—*низшій* и *высшій*, первоначальный и вторичный. Въ первоначальномъ періодѣ своего образованія, произвольныя дѣйствія человѣка далеки отъ требуемой ихъ цѣлями соразмѣрности, и культурнаго характера: они не сразу отыскиваютъ мѣру энергіи, въ достиженіи своихъ цѣлей, безъ вреда для самыхъ способностей дѣйствія; они же, въ этомъ періодѣ образованія, бываютъ не только не приноровлены къ постороннимъ имъ цѣлямъ, но и въ полномъ разладѣ съ послѣдними. Эти недостатки произвольной дѣятельности, т. е. ея *несоразмѣрность*, *односторонность* или *исключительность*, и *дикость*, исчезаютъ только во второмъ періодѣ ея образованія, съ развитіемъ

первичныхъ способностей къ ней, или съ образованіемъ ея *вторичныхъ* условій.

Первичныя условія реальной произвольной дѣятельности сводятся къ корреляціи *ощущеній* и *волненій* съ вызывающими ихъ движеніями и дѣйствіями (§ 158 и слѣд.); вторичныя—къ замѣщающей ее корреляціи *идей*, съ тѣми же движеніями и дѣйствіями, или съ идеями послѣднихъ. Иначе сказать, первичныя условія реальной произвольной дѣятельности заключаются въ *реальной мотиваціи* движеній и дѣйствій; вторичныя—въ *мысленной*, - которая представляется въ трехъ главныхъ формахъ:—въ формѣ *прямой антиципаціи* реальныхъ мотивовъ (§ 185), *простой*, и *суммарной* (§ 192); въ формѣ *перенесенія* реальныхъ мотивовъ (§ 195); и въ формѣ *симпатическаго воспроизведенія* послѣднихъ (§ 202). Вліяніе вторичныхъ условій реальной произвольной дѣятельности, т. е. мотивирующихъ идей, возрастаетъ постепенно, вмѣстѣ съ повтореніемъ самыхъ дѣйствій; вершину образованія реальной произвольной дѣятельности человѣка составляетъ превращеніе реальныхъ дѣйствій, достигшихъ, подъ вліяніемъ мысленныхъ мотивовъ, требуемой соразмѣрности и культуры, — въ твердые *навыки* такихъ дѣйствій.

413. *Навыки* дѣйствій означаютъ *постоянство* ихъ теченія, пріобрѣтаемое вслѣдствіе ихъ повторенія, и составляющее ихъ вторичные законы. Навыки соразмѣрныхъ и культурныхъ явленій реальной произвольной дѣятельности означаютъ превращеніе соразмѣрности и культурнаго характера реальныхъ дѣйствій, во вторичные законы, или вторую природу, послѣднихъ. Начало тако-

вымъ навыкамъ полагается съ первымъ дѣйствіемъ идей, соразмѣряющаго и приспособляющаго характера. Такое дѣйствіе мотивирующихъ идей встрѣчаетъ на первый разъ свои препятствія, не только психическія, но и физическія или органическія,—требующія замѣтныхъ усилій; но съ повтореніемъ явленій произвольной дѣятельности, потребность въ такихъ усиліяхъ уменьшается, и преемство мотивирующихъ идей и мотивируемыхъ ими дѣйствій достигаетъ, наконецъ, той *легкости*, и *твердости* или постоянства, которыя даютъ ему названіе *навыка*.

Превращеніе въ навыки—реальныхъ произвольныхъ дѣйствій высшаго порядка, зависящее отъ *повторенія* послѣднихъ, доказываетъ, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, значеніе мышленія, или законовъ ассоціаціи, въ процессѣ этого превращенія. Ясно, что для образованія высшихъ навыковъ реальной дѣятельности, не требуется другихъ условій, кромѣ тѣхъ, какія даются законами ассоціаціи, и которыя заключаются, во-первыхъ, въ присутствіи *мотивирующихъ идей* извѣстнаго порядка и, во-вторыхъ, въ фактахъ *повторенія* ихъ *вліянія* на движенія и дѣйствія. Съ повтореніемъ явленій этого вліянія, воспроизведенія ихъ въ идеяхъ, по законамъ ассоціаціи, количественно должны увеличиваться; и вмѣстѣ съ тѣмъ должна возрастать самая энергія этого вліянія. Возрастающая энергія вліянія идей сопровождается, очевидно, прогрессивнымъ приспособленіемъ мозга и нервной и мускульной системъ, къ произведенію мотивируемыхъ ими движеній.

Чтобы убѣдиться въ подчиненіи образованія высшихъ навыковъ реальной дѣятельности законамъ ассоціаціи, разсмотримъ оба главные порядка ихъ:—а именно,

во-первыхъ, навыки дѣйствій *не имѣющихъ* символическаго характера, и во-вторыхъ, навыки *символическихъ* дѣйствій.

ОБРАЗОВАНІЕ ВЫСШИХЪ НАВЫКОВЪ НЕСИМВОЛИЧЕСКИХЪ ДѢЙСТВІЙ.

414. Навыки реальныхъ дѣйствій не имѣющихъ символическаго характера, но отличающихся соразмѣрностью и приспособленностью, открываются въ различнаго рода *умѣньяхъ* и *искуствахъ*, а также въ *нравахъ* и *обычаяхъ*.

Умѣнья, и *искуства*, движеній и дѣйствій различаются только по степени сложности: умѣнья означаютъ навыки болѣе простые, элементарные; искуства — болѣе сложные, производные, вторичные. Есть свое умѣнье каждаго употребительнаго дѣйствія несимволическаго характера, — активнаго и реактивнаго: умѣнье *плавать*, *лазать*, *прыгать*, *ловить*, *бросать*, *разбивать*, *обдѣлывать*, *красить*, *лѣпить*, *ковать*, *вязать*, *плести*, *строить*, *сѣять*, *молотить*, *варить*, *сушить*, *прясть*, *ткать*, *кроить*, *шить*, *наряжать*, *пріучать*, *лѣчить* и т. д. — Каждое умѣнье вырабатывается изъ дѣйствій грубыхъ, чуждыхъ мѣры и сноровки, и притомъ первоначально непроизвольныхъ. Произвольными такія дѣйствія становятся подъ вліяніемъ вызываемыхъ ими ощущеній и волненій. Тѣже чувства, то поощряя, то сдерживая ихъ энергію и продолженіе, сообщаютъ имъ впервые нѣкоторую мѣру, а подвергаясь вліянію постороннихъ имъ дѣйствій, приспособляютъ послѣднія къ своимъ цѣлямъ. Но

эта обработка дѣйствій еще не уничтожаетъ всей ихъ первичной грубости; потому что не даетъ имъ ни полной соразмѣрности, ни полной приспособленности или культуры. Послѣднія свойства дѣйствій получаются только съ вмѣшательствомъ мышленія въ ихъ теченіе, или съ замѣщеніемъ реальныхъ мотивовъ мотивирующими идеями, и съ превращеніемъ выработавшихся такимъ образомъ дѣйствій, въ *навыки* такого рода дѣйствій: такіе навыки и получаютъ названіе *умѣній*. Какъ скоро извѣстныя дѣйствія, подъ вліяніемъ мысленныхъ мотивовъ, достигли полной обработки, превращенье ихъ въ навыки не требуетъ другихъ условій, кромѣ повторенія ихъ въ такомъ обработанномъ видѣ: повтореніе придаетъ имъ легкость и твердость, иначе характеръ навыковъ,—именно умѣній.—Такимъ образомъ, каждое умѣнье наживается опытностью въ дѣлѣ, или практикою, т. е. при помощи мышленія и законовъ ассоціаціи; въ каждомъ текущемъ явленіи умѣнья, отражается вся предшествующая ему, и тожественная съ нимъ, опытность дѣйствій.

415. *Добрые нравы* представляютъ классъ явленій реальной произвольной дѣятельности, въ которыхъ открываются *навыки* культурно-обработанныхъ дѣйствій, именно, культурныя свойства людей какъ лицъ. Къ такимъ нравамъ принадлежатъ, напр., *бережливость*, *благоразуміе*, *умѣренность*, *честность*, *справедливость*, *великодушіе*, *доброжелательство*.

Добрые нравы суть произведенія культуры людей, т. е. приспособленій ихъ личныхъ свойствъ къ основнымъ цѣлямъ произвольной дѣятельности человѣка, именно къ сохраненію его въ смыслѣ недѣлимаго, рода, и

общества. Будучи первоначально произведеніемъ исторической культуры человѣка, добрые нравы поддерживаются въ обществѣ путемъ воспитанія или образованія молодыхъ поколѣній. Воспитаніе добрыхъ нравовъ есть такимъ образомъ воспроизведеніе ихъ въ представителяхъ новыхъ поколѣній.—Исторія *воспроизведенія* добрыхъ нравовъ не вполнѣ походитъ на исторію *произведенія* ихъ въ обществѣ, но напоминаетъ послѣднюю, въ ея высшихъ моментахъ,—именно, въ переходѣ добрыхъ или культурныхъ дѣйствій въ *навыки* къ послѣднимъ, или въ добрые нравы молодыхъ поколѣній. Въ самомъ дѣлѣ, реальные мотивы, сообщающіе дѣятельнымъ отношеніямъ дѣтей первую обработку, могутъ быть не похожи на историческіе мотивы послѣдней; съ этимъ вмѣстѣ, и мотивирующія позднѣе идеи могутъ быть далеки отъ истины и серьезности основныхъ цѣлей произвольной дѣятельности. Но въ закрѣпленіи выработанныхъ другимъ способомъ дѣйствій, въ добрые навыки или нравы, приходится итти однимъ и тѣмъ же путемъ, — путемъ *упражненія* въ добрыхъ или культурныхъ дѣйствіяхъ, иначе путемъ *повторенія* ихъ. Такимъ образомъ, первый опытъ бережливости, или великодушія, бываетъ труденъ, потому что случается въ минуты противныхъ ему, не только намѣреній, но и дѣйствій. Но каковы бы ни были тѣ мотивы, съ помощью которыхъ воспитателю удалось осуществить его въ дѣятельности воспитанника, такой опытъ не пройдетъ безслѣдно, для послѣдующихъ опытовъ въ томъ же родѣ: каждый новый опытъ, по законамъ ассоціаціи, будетъ поддерживаться тожественными съ нимъ прежними; и добрыя или культурныя дѣйствія, бывшія въ началѣ трудными, пріобрѣтутъ постепенно бо-

лѣе легкости и твердости, пока не перейдутъ въ добрые навыки, или *нравы*.

Въ добрыхъ *обычаяхъ*, характеръ культурныхъ навыковъ произвольной дѣятельности, выступаетъ еще болѣе, чѣмъ въ добрыхъ нравахъ. Возьмемъ, для примѣра, обычаи *гостепріимства*. Обычаи *посьщать* и *принимать посьщенія*,—*встрѣчать* гостей, *занимать*, *развлекать угощать* и т. д., во всѣхъ странахъ, и во всѣхъ слояхъ общества, имѣютъ много характера традиціоннаго,—т. е. характера навыковъ, прививаемыхъ воспитаніемъ и жизнью. Нѣтъ сомнѣнія, что подробности традицій гостепріимства выработались первоначально, подъ вліяніемъ живыхъ дружескихъ или общительныхъ чувствъ: но чувства перешли въ мотивирующія идеи; мотивируемыя ими дѣйствія, отъ повторенія, обратились въ навыки; навыки стали воспроизводиться путемъ воспитанія и подражаній; и твердое сочетаніе этихъ навыковъ составило *обычаи гостепріимства*.

ОБРАЗОВАНІЕ НАВЫКОВЪ СИМВОЛИЧЕСКИХЪ ДѢЙСТВІЙ.

416. Всѣ навыки символическихъ дѣйствій человѣка имѣютъ, первоначально, историческое или культурное происхожденіе. Къ такимъ навыкамъ принадлежатъ, напр., навыки *рѣчи*, навыки *письма*, навыки *художественной* техники.

Навыки рѣчи можно раздѣлить на *простые*, и *сложные*. Къ простымъ принадлежатъ сочетанія членораздѣльныхъ движеній, или звуковъ, въ *словахъ*, безъ отношенія

къ вещамъ, къ сложнымъ — навыки *названій* вещей, явленій и ихъ отношеній,—и навыки *предложеній*, выражающихъ, въ сочетаніяхъ словъ, существованіе явленій или вещей, и ихъ отношенія.

Слова, составляющія элементы языка какого нибудь народа, суть произведенія исторіи его культуры,—но сохраняютъ свое мѣсто, въ составѣ его общественности, путемъ воспитанія, какъ традиціонные навыки символическихъ дѣйствій, данныхъ въ сочетаніяхъ членораздѣльныхъ звуковъ человѣческаго голоса, или членораздѣльныхъ движеній органа рѣчи. Воспитаніе, въ молодомъ поколѣніи, навыковъ къ словамъ совершается такимъ же образомъ, какъ и воспитаніе навыковъ несимволическихъ дѣйствій. Навыкъ къ слову образуется не вдругъ: сначала привыкаютъ произносить одинъ слогъ,—начальный, средній или конечный,—изъ цѣлаго состава слова; потомъ, къ привычнымъ слогамъ дѣлаютъ прибавленія, постепенно приближающія ихъ къ полному составу слова. При этомъ, первые, отрывочные слоги извѣстныхъ словъ должны быть получены на первый разъ случайно, и имѣть характеръ совершенно непроизвольныхъ членораздѣльныхъ движеній органа рѣчи. Совпаденіе случайнаго и невольнаго членораздѣльнаго звука, издаваемаго дитятей, съ такими же звуками рѣчи окружающихъ его лицъ,—поражая дитя пріятнымъ чувствомъ сходства, впервые ведетъ къ произвольности издаваемаго имъ звука, подчиняя это членораздѣльное движеніе вліянію вызваннаго имъ чувства, располагающему къ его продолженію, повторенію, или усиленію. Состоявшаяся, такимъ образомъ, встрѣча собственныхъ звуковъ дитяти, съ звуками рѣчи его окружающихъ, устанавливаетъ ассоціаціи между по-

слѣдними ощущеніями слуха, и движеніями его органа слова, такъ что, позднѣе, чужіе звуки рѣчи могутъ вызывать, въ дитяти, воспроизведеніе его собственныхъ звуковъ, тожественныхъ съ ними. Въ послѣднемъ случаѣ, мотивами воспроизводимыхъ звуковъ будутъ не чувства, а идеи прежнихъ чувствъ. Съ повтореніемъ звуковъ, чувства совпаденія и несовпаденія ихъ съ звуками окружающихъ, поощряя ихъ обработку въ первомъ направленіи, и противодѣйствуя ихъ развитію во второмъ, и даютъ, въ концѣ, членораздѣльный звукъ вполнѣ выработанный,— т. е. вполнѣ совпадающій со звуками другихъ; повтореніе же вполнѣ выработаннаго звука даетъ одинъ изъ элементовъ полнаго навыка къ слову. — Каждое прибавленіе, къ привычнымъ уже слогамъ, новыхъ слоговъ, приближающихъ первые къ полному составу слова, бываетъ въ началѣ также невольно, или неожиданно, для дитяти и, подъ вліяніемъ вызываемыхъ имъ новыхъ чувствъ совпаденія и несовпаденія, получаетъ дальнѣйшую обработку, переходя въ новый элементъ навыка къ слову. Вниманіе со стороны воспитателей, и намѣренное повтореніе слоговъ, или словъ, изучаемыхъ дитятей, способно ускорить ходъ образованія ихъ навыковъ къ слогамъ и словамъ,—но ничего не измѣняетъ въ существѣ этого процесса. Слова, ставшія собственностью дитяти, представляютъ, такимъ образомъ, сложные и медленно вырабатывающіеся навыки членораздѣльныхъ звуковъ.

417. Навыки *употребленія словъ*, какъ *названій* явленій, вещей и ихъ отношеній, или какъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименій, глаголовъ и частицъ рѣчи, образуются почти въ

одно время съ навыками самыхъ словъ. Навыки называнія, въ своемъ простѣйшемъ видѣ, т. е. не въ формѣ предложеній,—состоятъ въ правильныхъ и твердо установившихся ассоціаціяхъ словъ, съ наблюдаемою дѣйствительностью, по законамъ смежности и сходства. По смежности, навыкъ называнія состоитъ въ правильной и твердой ассоціаціи слова съ *индивидуальнымъ* явленіемъ, или *индивидуальною* вещью. Такая ассоціація должна быть признана установившеюся, когда индивидуальный предметъ вызываетъ, въ наблюдающемъ его дитяти, свое названіе;—напр., когда дитя, увидѣвши отца, говоритъ: *папа*, или увидѣвши свою кошку, говоритъ: *кыска*. Такъ какъ слово вступаетъ въ ассоціацію съ предметомъ, а не съ наблюденіемъ его,—хотя послѣднее и входитъ въ эту ассоціацію· то рефлексія предмета въ идеѣ, не уничтожаетъ его ассоціаціи съ словомъ. Предметъ мыслимый вызываетъ свое привычное названіе, точно также какъ и дѣйствительный; напр., научившись называть свою мать, дитя, не видя ее долго, но припоминая, говоритъ: *мама*. Эти-то ассоціаціи словъ, съ предметами въ идеяхъ, и называютъ ассоціаціями *словъ и идей*.—Тѣже ассоціаціи словъ и предметовъ представляются въ обратномъ порядкѣ, когда сказанныя другими слова напоминаютъ дитяти называемые имъ предметы; напр., когда при словѣ: *папа*, дитя, еще не видя отца, а только имѣя его въ мысли, начинаетъ дѣлать веселыя движенья. Очевидно, что ассоціаціи словъ и предметовъ, прямыя и обратныя, не смотря на тожество ихъ членовъ, составляютъ два рода навыковъ, различныхъ по порядку преемства ихъ членовъ.—По закону сходства, ассоціаціи словъ съ индивидуальными предметами *обобщаются;* это обобщеніе за-

ключается въ *перенесеніи* названія, съ одного индивидуальнаго предмета, на всѣ предметы *сходные* съ нимъ,—или въ приложеніи готоваго навыка названія, къ новымъ предметамъ, сходнымъ съ тѣмъ, относительно котораго онъ былъ выработанъ. Перенесеніе имени, по сходству, означаетъ здѣсь, что новые предметы, отожествляемые или сливаемые съ извѣстнымъ, вызываютъ или напоминаютъ его названіе, какъ свое собственное. Такимъ образомъ, имена индивидуальныхъ вещей и явленій, наболѣе доступныхъ вниманію дитяти, при встрѣчѣ его съ другими вещами, сходными съ первыми, становятся *общими*, или названіями *классовъ*.—Твердость навыковъ названій зависитъ отъ упражненія въ называніи; но правильность ихъ отъ чувствъ совпаденія или несовпаденія дѣйствій называнія, съ такими же дѣйствіями окружающихъ, опытныхъ въ этомъ. Дѣти часто употребляютъ слова ошибочно, при первыхъ называніяхъ индивидуальныхъ предметовъ; непріятное чувство несовпаденія, усиливаемое вмѣшательствомъ со стороны, въ концѣ избавляетъ ихъ отъ этихъ ошибокъ. Но еще чаще ошибки перенесенія, или обобщенія, названій. мѣра перенесенія, или объемъ предметовъ, къ которымъ приложимо то или другое названіе, имѣющее первоначально характеръ единичнаго или собственнаго имени,—отыскивается дитятей постепенно, послѣ многихъ ошибокъ въ ту и другую сторону,—т. е. ошибокъ уменьшенія, и преувеличенія, объема называемыхъ тѣмъ же именемъ предметовъ. Вырабатывая, постепенно, правильное употребленіе слова, въ смыслѣ названія, дитя устанавливаетъ съ словомъ ту ассоціацію идей, которую называютъ соединяемымъ съ нимъ *общимъ понятіемъ*. Такимъ

образомъ, въ правильныхъ навыкахъ названій заключены такъ-называемыя *общія понятія* людей.

418. Навыки *предложеній* суть преобразованія навыковъ названій. Когда дитя, видя кошку, собаку, корову, говоритъ. кысь, амъ, му-у,—сопровождая каждое слово особенною мимикою,—окружающіе переводятъ слова и мимику дитяти предложеніями *кошка идетъ; собачка лаетъ; корова реветъ*. Форма предложеній обозначается ясно, при употребленіи двухъ названій,—имени вещи, и имени дѣйствія,—какъ бы при этомъ преемство названій не отступало отъ правильныхъ предложеній. Окружающіе вполнѣ понимаютъ предложенія· собака—амъ; кысь—мяу; корова — му-у; или· Соня — бай (я хочу спать); мама дала (дай), и т. д. Въ такомъ послѣдовательномъ употребленіи названій есть предложенія, только нѣтъ *правильныхъ* предложеній, — т. е. употребительныхъ, въ языкѣ взрослыхъ, *словъ* или *названій*, грамматическихъ *измѣненій* словъ, ихъ *согласованій*, *размѣщеній*, *удареній*, и т. д. Навыки правильныхъ предложеній образуются, по смежности и сходству, подъ тѣмъ же руководствомъ чувствъ совпаденія и несовпаденія собственныхъ опытовъ дитяти, въ дѣлѣ предложеній, съ опытами его окружающихъ. Пока названія вещей единичны, предложенія имѣютъ также характеръ единичный; но съ обобщеніемъ именъ вещей и явленій, предложенія также обобщаются.

419. Навыки *письма* позднѣе навыковъ рѣчи. Навыки письма заключаютъ въ себѣ, во-первыхъ, твердыя ассоціаціи буквъ съ членораздѣльными звуками; во-вторыхъ, такія же ассоціаціи движеній или дѣйствій начер-

танія буквъ, съ идеями буквъ или членораздѣльныхъ звуковъ; и въ-третьихъ, твердыя ассоціаціи всѣхъ свойствъ письма, составляющихъ его признаваемую правильность.

Техника *изящныхъ искусствъ* заключаетъ въ себѣ много художественныхъ навыковъ: навыки владѣть кистью, рѣзцомъ, музыкальнымъ инструментомъ, стихомъ, литературнымъ изложеніемъ, и т. д. Художественные навыки образуются изъ дѣйствій, достигающихъ впечатлѣній красоты,—какъ скоро такого рода дѣйствія повторяются. Художественными навыками опредѣляется техника каждаго художника.

420. Въ заключеніи нашихъ изслѣдованій относительно образованія вторичныхъ способностей произвольныхъ дѣйствій, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ *органическихъ* навыкахъ дѣятельности.—Факты показываютъ, что самые высшіе навыки дѣйствій, изъ *психическихъ*, могутъ дѣлаться *органическими*. Такимъ образомъ, чтеніе знакомыхъ стиховъ можетъ происходить въ теченіе глубокаго сна,—помимо всякихъ идей, или всякаго пособія со стороны психическихъ явленій. Факты такого рода доказываютъ, что приспособленія мозга и нервной и мускульной системъ, къ легкому и твердому произведенію движеній или дѣйствій, съ переходомъ послѣднихъ въ твердые навыки, могутъ въ нѣкоторой мѣрѣ замѣщать психическіе антецеденты этихъ движеній или дѣйствій,—иначе сказать, давать мѣсто цѣлесообразнымъ движеніямъ, при помощи однихъ органическихъ средствъ, пріобрѣтенныхъ, подъ вліяніемъ мышленія, мозгомъ и нервною и мускульною системами. Трудно опредѣлить, въ чемъ со-

стоятъ эти пріобрѣтенія, но самый фактъ такихъ пріобрѣтеній можетъ оказать большую услугу, для объясненія наслѣдственности цѣлесообразныхъ движеній и инстинкта.—Нѣтъ сомнѣнія, что мышленіе человѣка имѣетъ свою реальную рефлексію, не только въ его дѣйствительности психической, но и органической; и весьма вѣроятно, что рефлексія мышленія въ мозгѣ, равно какъ въ нервной и мускульной системахъ родителей, не теряется всецѣло для ихъ потомства.

ГЛАВА V.

РЕФЛЕКСІЯ МЫШЛЕНІЯ ВЪ ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Рефлексія мышленія человѣка въ *реальныхъ произведеніяхъ* его символическаго творчества.—Происхожденіе невольныхъ направленій символическаго творчества. — Реальная символика фактовъ. Реальная символика типовъ. Реальная символика идей бытія нефеноменальнаго.—Образованіе произвольныхъ направленій символическаго творчества консервативныхъ, прогрессивныхъ.

РЕФЛЕКСІЯ МЫШЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ЕГО СИМВОЛИЧЕСКАГО ТВОРЧЕСТВА.

421. *Творчествомъ* человѣка, или *психическою производительностью* его, мы называемъ явленія *преобразованій* его психическихъ отношеній къ дѣйствительности, заключающія въ себѣ превращеніе отношеній *данныхъ*,—реальныхъ и умственныхъ,—въ отношенія *новыя*, *оригинальныя* (§ 14). *Произведенія* творчества, *реальныя* и *умственныя*, нельзя отдѣлить отъ вводимыхъ имъ новыхъ, оригинальныхъ отношеній: разница между производительными или творческими *дѣйствіями*, и *произве-*

денiями творчества, насколько послѣднія составляютъ явленія психическаго порядка, сводится къ тому, что, въ произведеніяхъ творчества, творческія дѣйствія получаютъ характеръ нѣкотораго *постоянства*, или *вторичныхъ законовъ* психическаго существованія (§ 15).

Творчество человѣка, умственное и реальное, бываетъ *несимволическимъ* и *символическимъ*. *Символомъ*, или *знакомъ*, мы называемъ дѣйствительность превращенную въ *органъ мышленія*, или получившую, по законамъ ассоціаціи, способность вызывать въ наблюдателѣ ея извѣстныя идеи.—Знаки бываютъ *употребительными*, или *принятыми*, когда связанныя съ ними ассоціаціи идей устанавливаются въ исторіи культуры людей, и поддерживаются воспитаніемъ или образованіемъ молодыхъ поколѣній.—Употребительныя, или историческія, системы знаковъ выходятъ изъ области свободнаго творчества пользующихся ими поколѣній: символическое творчество человѣка, сохраняющее постоянно свою свободу, ограничено областью свободныхъ *сочетаній* принятыхъ знаковъ, и ихъ *обработки*. Каждый символъ, или знакъ, какъ и всякая другая реальность, получаетъ свою идею (§ 41). поэтому, символическое творчество человѣка, можетъ быть чисто *умственнымъ*,—но по связи идей знаковъ, съ самыми знаками, стремится быть *реальнымъ*. — Соотвѣтственно характеру символическаго творчества, какъ чисто умственнаго, или реальнаго, самыя произведенія его раздѣляются на *умственныя* и *реальныя*,—при чемъ послѣднія представляютъ его *высшую*, или *законченную* форму.

422. Въ реальныхъ произведеніяхъ символическаго творчества человѣка, мы находимъ *высшій* видъ *реальной рефлексіи мышленія*, отличающійся *полнотою*, и *произвольностью* послѣдней.

Рефлексія мышленія человѣка въ его *способностяхъ* реальныхъ отношеній, разсмотрѣнная нами въ предыдущей главѣ, не отличается полнотою: не легко открывается она въ образованіи вторичныхъ способностей реальныхъ отношеній; при этомъ послѣдніе, отражая мышленіе, не превращаются въ простое орудіе его реальной рефлексіи,—а напротивъ, превращаютъ эту рефлексію въ орудіе своего усовершенствованія. — Иное мы находимъ въ реальныхъ произведеніяхъ символическаго творчества; здѣсь реальность, отражающая мышленіе, не имѣетъ другого значенія, кромѣ реальной рефлексіи послѣдняго: въ рефлексіи идей, или представляемой ими дѣйствительности, и заключается сущность реальной символики человѣка. Это видно въ символическихъ произведеніяхъ *первичнаго* характера, т. е. составляющихъ *прямое* отраженіе дѣйствительности или ея идей,—каковы, напримѣръ, поэмы Гомера, представляющія реальную рефлексію преданій, вѣрованій и быта грековъ отдаленной древности. — или трагедіи Шекспира, отражающія нѣкоторые типы характеровъ и общественныхъ отношеній. – Это еще замѣтнѣе въ символическихъ произведеніяхъ *вторичнаго* характера, т. е. составляющихъ *косвенное* отраженіе дѣйствительности, или ея идей.—отраженіе идей, уже получившихъ свою реальную рефлексію въ другихъ произведеніяхъ символическаго творчества. Какое другое значеніе, кромѣ реальной рефлексіи мышленія или дѣйствительности,—могутъ дать символическія произведенія, представляемыя

греческою грамматикою по Гомеру, мифологіею по Гомеру, исторіею грековъ, по Гомеру, и т. д.; или произведенія живописи, представляющія сцены изъ Гамлета, Венеціанскаго Мавра,—или статуи Офелии, Дездемоны, и т. д.

Другая характеристическая черта рефлексіи мышленія въ символическихъ произведеніяхъ, заключается въ ея *произвольности*.—Разсмотрѣнные нами до сихъ поръ виды психической рефлексіи, умственной и реальной, представляютъ область психической *непроизвольности*,—непроизвольныя *направленія* мышленія, и непроизвольное *отраженіе* послѣдняго въ развитіи психическихъ *способностей*: въ реальныхъ произведеніяхъ символическаго творчества, мы встрѣчаемся, наконецъ, съ психическою рефлексіею, принадлежащею къ области психической *произвольности*. написать драму, изваять статую, составить греческую грамматику по Гомеру, нельзя помимо воли.

423. Реальная рефлексія мышленія, наблюдаемая въ символическихъ произведеніяхъ человѣка, управляется преимущественно слѣдующими законами: во-первыхъ, такъ-называемыми *законами ассоціаціи;* и во-вторыхъ, такъ-называемымъ нами *закономъ мотиваціи*, иначе *произвольности*, или *самосохраненія*.

Мы сказали, что рефлексія мышленія въ символическихъ произведеніяхъ отличается произвольностью; изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ явленіяхъ этой рефлексіи, или въ фактахъ символическаго творчества, не было ничего *невольнаго*, что могло бы подчиняться законамъ ассоціаціи. — Все невольное содержаніе въ явленіяхъ символическаго творчества принадлежитъ къ области такъ-

называемаго *вдохновенія*. Вдохновеніе человѣка бываетъ *страдательнымъ* и *дѣятельнымъ*: первое состоитъ въ преобразованіяхъ данныхъ *идей*, или страдательныхъ умственныхъ отношеній къ дѣйствительности; второе получается изъ перваго, когда чувства, вызываемыя теченіемъ такихъ преобразованій, сообщаютъ преобразуемымъ идеямъ характеръ *умственныхъ операцій* (§ 13). То и другое вдохновеніе невольно,—и управляется *законами ассоціаціи*. Такимъ образомъ, вдохновеніе открываемое въ произведеніяхъ символическаго творчества, не заключаетъ въ себѣ никакихъ умственныхъ явленій, которыя не были бы явленіями извѣстныхъ направленій мышленія, историческаго, логическаго и трансцендентнаго,—иначе сказать, никакихъ идей, которыя бы не были умственною рефлексіей испытанной прежде дѣйствительности.

424. Символическое творчество человѣка, какъ вдохновеніе, управляется законами ассоціаціи; но какъ дѣятельность *произвольная*, должно подчиняться *закону произвольности*, *мотивации*, или *самосохраненія*. Произвольнымъ оно становится изъ невольнаго, когда послѣднее дѣлается мотивированнымъ, или подчиняется вліянію имъ же вызываемыхъ чувствъ.—Вліяніе чувствъ вызываемыхъ теченіемъ символическаго творчества, бываетъ или *положительнымъ*,—благопріятнымъ развитію его явленій,—или *отрицательнымъ*, неблагопріятнымъ послѣднему. Тѣмъ и другимъ вліяніемъ чувствъ и опредѣляется, прежде всего, консервативное направленіе символическаго творчества человѣка. По мѣрѣ приспособленія явленій консервативнаго направленія символическаго творчества, къ широкимъ цѣ-

лямъ произвольной дѣятельности человѣка, оно получаетъ свою *культуру*, или обнаруживаетъ *прогрессивныя* направленія,—доказывая, такимъ образомъ, свою полную зависимость отъ закона произвольности, или самосохраненія (§§ 214 и дал.).

Чтобъ убѣдиться въ указанномъ нами подчиненіи явленій символическаго творчества—законамъ ассоціаціи, и закону произвольности или самосохраненія, разсмотримъ. во-первыхъ, происхожденіе *невольныхъ направленій* символическаго творчества, или направленій его какъ *вдохновенія;*—и во-вторыхъ, образованіе *произвольныхъ направленій* того же творчества,—*консервативныхъ* и *прогрессивныхъ*.

Происхожденіе невольныхъ направленій символическаго творчества человѣка.

425. *Невольными* направленіями символическаго творчества человѣка, мы называемъ направленія его невольнаго содержанія, называемаго *вдохновеніемъ*. Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи невольныхъ направленій символическаго творчества переходитъ въ вопросъ о происхожденіи *направленій вдохновенія,* наблюдаемаго въ реальныхъ произведеніяхъ символическаго творчества.

Въ направленіяхъ человѣческаго вдохновенія мы находимъ лучшее доказательство подчиненія его общимъ законамъ человѣческаго мышленія, т. е. законамъ ассоціаціи. Основныя направленія вдохновенія не уклоняются отъ основныхъ направленій мышленія, вытекающихъ изъ законовъ ассоціаціи,—именно, *историческаго*, *логическаго* и *трансцендентнаго*. Всѣ реальныя произведенія сим-

волическаго творчества, по содержанію открываемаго въ нихъ *вдохновенія* или творческаго мышленія, сводятся къ тремъ видамъ реальной символики· во-первыхъ, *символики фактовъ*, или мысленныхъ обособленій дѣйствительности; во-вторыхъ, *символики типовъ*, или мысленныхъ обобщеній дѣйствительности; и въ-третьихъ, *символики* идей бытія *нефеноменальнаго*. Чтобъ убѣдиться въ справедливости этого раздѣленія реальныхъ произведеній символическаго творчества, и найти въ немъ оправданіе нашего взгляда на основныя направленія наблюдаемаго въ этихъ произведеніяхъ вдохновенія, разсмотримъ, по порядку, указанные виды реальной символики.

РЕАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ФАКТОВЪ, ИЛИ МЫСЛЕННЫХЪ ОБОСОБЛЕНІЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

426. Изслѣдуя основныя явленія *историческаго* направленія мышленія,—какъ-то· единичныхъ идей отдѣльныхъ психическихъ фактовъ,—единичныхъ рефлексій ихъ индивидуальныхъ отношеній,—идей индивидуальныхъ вещей, и т. д., — мы открыли въ этихъ явленіяхъ стремленіе психической дѣйствительности, къ *рефлексіи въ мышленіи*, во всей ея *индивидуальности*.

Рядомъ съ этимъ стремленіемъ дѣйствительности къ обособленію, идетъ другое стремленіе,—именно, стремленіе такого мышленія къ рефлексіи въ символахъ или знакахъ, съ сохраненіемъ его обособляющаго характера и, слѣдовательно, съ передачею отражаемой имъ дѣйствительности—во всей ея индивидуальности. Это стремленіе мышленія, къ реальной рефлексіи въ знакахъ, мы и наблюдаемъ въ томъ отдѣлѣ реальныхъ произведеній символи-

ческаго творчества, которыя мы назвали *реальною символикою фактовъ*, или индивидуальнаго содержанія дѣйствительности. — Реальная символика фактовъ, въ ихъ единичныхъ свойствахъ и отношеніяхъ, составляетъ отдѣлъ *описательной* символики дѣйствительности,—именно символику *единичныхъ описаній*,—понимая послѣдній терминъ въ общемъ смыслѣ *изображеній*.

427. Символика реальныхъ фактовъ, иначе символика единичныхъ описаній, съ точки зрѣнія ея приближенія къ индивидуальному характеру дѣйствительности, можетъ быть раздѣлена на *конкретную* и *отвлеченную*. Къ первой относятся описанія фактовъ при помощи *тѣлодвиженій*, *начертаній*, *пластики* и *голоса;* къ послѣдней—описанія въ формахъ *рѣчи* и *письменности*.

Конкретная символика реальныхъ фактовъ имѣетъ свои преимущества предъ отвлеченною, въ изображеніи дѣйствительности принадлежащей къ области зрѣнія и слуха. Видимыя движенія и дѣйствія нагляднѣе передаются тѣлодвиженіями, чѣмъ словами. Тонъ рѣчи легче представить голосомъ, чѣмъ описательными предложеніями.

Съ своей стороны, отвлеченная символика единичныхъ описаній имѣетъ великія преимущества передъ конкретною, въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ изображеніи фактовъ, выходящихъ изъ области зрѣнія и слуха; и во-вторыхъ, въ передачѣ всѣхъ индивидуальныхъ отношеній между отдѣльными реальными фактами. Слову и письменности доступнѣе передача психическихъ фактовъ существованія человѣка, — его *волненій*, *колебаній*, *намѣреній*, — не говоря уже объ изображеніи порядка ихъ

теченія, ихъ взаимной зависимости, ихъ сходства; и т. д. Древнѣйшій конкретный способъ символическихъ сношеній между людьми, посредствомъ *мимики*, *нечленораздѣльныхъ звуковъ* голоса, и *начертаній* самыхъ вещей, равно какъ и *слѣпковъ* съ нихъ,—долженъ былъ постепенно уступать свое мѣсто отвлеченному способу символическихъ сношеній посредствомъ *рѣчи*, и передающей ее *письменности*, — именно вслѣдствіе обоихъ великихъ преимуществъ отвлеченной символики фактовъ. Поэтому, конкретная символика реальныхъ фактовъ сохраняетъ нынѣ значеніе простого *дополненія* отвлеченной, въ предѣлахъ своихъ преимуществъ, — иначе сказать, играетъ роль подчиненную и ограниченную.

428. По различію индивидуальнаго содержанія описываемой дѣйствительности, символика реальныхъ фактовъ, или единичныхъ описаній, можетъ быть раздѣлена на два вида. описанія *природы* окружающей человѣка, и описанія самого *человѣка*.

Къ единичнымъ описаніямъ окружающей человѣка *природы*, относятся изображенія отдѣльныхъ случаевъ изъ исторіи природы, и ихъ индивидуальныхъ отношеній—современности, преемства и причинной связи. Такія изображенія мы находимъ въ произведеніяхъ путешественниковъ, въ отчетахъ наблюдателей—астрономовъ, наблюдателей — натуралистовъ, наблюдателей — клиницистовъ; и т. д. Преобладающею формою такихъ описаній является рѣчь, или литература, но литературныя изображенія часто сопровождаются начертательными изображеніями—видѣнныхъ явленій и вещей,—фотографическими снимками съ тѣхъ и другихъ, и даже приложеніемъ по-

слѣдникъ, въ сыромъ, или обработанномъ видѣ.—Къ единичнымъ описаніямъ *человѣка*, въ окружающей его природѣ, относятся изображенія отдѣльныхъ фактовъ исторіи человѣка, какъ животнаго организма, какъ лица, какъ смѣняющихся поколѣній, и какъ общества или массы обществъ; сюда же относятся изображенія индивидуальныхъ отношеній такихъ фактовъ, — ихъ современности, преемства, причинной связи.—Такія изображенія мы находимъ, опять, въ разсказахъ путешественниковъ и естествоиспытателей; въ дневникахъ, запискахъ, хроникахъ; въ литературныхъ объявленіяхъ, извѣстіяхъ; въ письменныхъ донесеніяхъ, показаніяхъ, приказахъ, предложеніяхъ; въ отмѣткахъ важныхъ происшествій, изъ жизни частной и общественной; и т. д.—Масса иллюстрированныхъ изданій содѣйствуетъ наглядному представленію индивидуальнаго содержанія текущей исторіи человѣка. — Символика иллюстраціи историческихъ событій рисунками доказываетъ, что единичныя описанія реальныхъ фактовъ, и ихъ отношеній, могутъ достигать *изящества*, не утрачивая своего характера реальной рефлексіи индивидуальныхъ свойствъ и отношеній дѣйствительности.

РЕАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ТИПОВЪ, ИЛИ МЫСЛЕННЫХЪ ОБОБЩЕНІЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

429. Нѣкоторыя обобщенія дѣйствительности служатъ косвеннымъ средствомъ къ ея обособленію· такъ, умственная коллигація разрозненныхъ частей одного и того же реальнаго факта, служитъ средствомъ къ образованію его цѣльной единичной идеи; такъ, сравненіе двухъ реальныхъ фактовъ, другъ съ другомъ, дозволяетъ

оттѣнить ихъ разницы,—а уподобленіе одного факта другому, болѣе извѣстному, помогаетъ умственному начертанію свойствъ перваго изъ нихъ. Поэтому, самая символика такого рода обобщеній не выходитъ изъ предѣловъ единичныхъ описаній. — Реальная символика мысленныхъ *обобщеній* дѣйствительности отдѣляется отъ символики реальныхъ *фактовъ*, только какъ символика мысленныхъ или умственныхъ *типовъ* дѣйствительности.

Символика умственныхъ типовъ дѣйствительности можетъ быть раздѣлена на *простую*, и *художественную*. Простая символика типовъ можетъ быть, въ свою очередь, подраздѣлена на символику *народной мудрости*, и *символику науки*.

Символика народной мудрости.—Эту символику представляютъ всѣ народныя обобщенія дѣйствительности, данныя въ народныхъ *пословицахъ*, *примѣтахъ*, *повѣрьяхъ*, *правилахъ*.—Высшій видъ народной мудрости представляютъ *письменные законы* народа. — Символика народной мудрости предшествуетъ символикѣ науки: послѣдняя, во многихъ отношеніяхъ, замѣщаетъ первую, вслѣдствіе своихъ рѣшительныхъ преимуществъ передъ нею. Символика народной мудрости, во всѣхъ ея видахъ, кромѣ письменнаго законодательства, ограничена по своимъ формамъ, — именно сводится къ общимъ описаніямъ, и формуламъ—большею частію практическаго характера: т. е., она не *опредѣляетъ*, и не *доказываетъ*. Отсюда, ея неясность, безотчетность; отсюда, обнаруженная наукою, несостоятельность большинства народныхъ примѣтъ и повѣрій.—Письменное законодательство народа, возвышается, по своимъ формамъ, надъ

другими видами символики народной мудрости, благодаря преимущественно успѣхамъ и вліянію науки.

430. Символика науки.—Символику *науки* можно раздѣлить на *отвлеченную*, и *конкретную*. Къ первой принадлежитъ символика *научной литературы*; ко второй—символика *научныхъ рисунковъ*, *моделей*, *образцовыхъ вещей*; и т. д.—

Основными *формами* отвлеченной символики науки являются слѣдующія. *общія описанія, дефиниціи* или *опредѣленія*, *формулы*, и *доказательства*.

Общія описанія, изъ которыхъ преимущественно состоятъ такъ-называемыя науки *описательныя* и *сравнительныя*, — каковы напримѣръ: систематика минераловъ, растеній и животныхъ, анатомія человѣческаго тѣла, сравнительная анатомія растеній и животныхъ, сравнительная психологія дѣтскаго возраста и женскаго пола, общія характеристики историческихъ лицъ, происшествій, учрежденій, произведеній искуства,—и т. д. — представляютъ реальную символику мысленныхъ *типовъ явленій*, *вещей*, и *отношеній* ихъ *сосуществованія* и *преемства*. Такимъ образомъ, систематика минераловъ, растеній и животныхъ, представляетъ, въ своихъ классахъ, типы вещей минеральнаго, растительнаго и животнаго царства. Анатомія тѣла здороваго человѣка, и патологическая анатомія человѣческаго тѣла, предлагаютъ типъ тѣла,—первая—здороваго,—вторая—больного человѣка. Сравнительная психологія дѣтскаго возраста стремится представить типъ психическаго развитія, или психической исторіи человѣка, въ дѣтскомъ возрастѣ. Ха-

рактеристика историческихъ лицъ стремится изобразить историческіе типы человѣческой личности, или сосуществованія личныхъ свойствъ.—Стремленіемъ къ изображенію типическаго—въ явленіяхъ, вещахъ и ихъ отношеніяхъ сосуществованія и преемства, общія описанія и отличаются отъ единичныхъ.

431. Символика *дефиницій*, или *опредѣленій*, имѣетъ много сходнаго съ символикою общихъ описаній, и составляетъ основу символики многихъ формулъ и доказательствъ. Символика дефиницій стремится представить, въ *одномъ предложеніи*, полный очеркъ всякаго существующаго, или впервые создаваемаго, умственнаго типа явленія, или вещи. — Научныя *формулы*, составляющія послѣднюю цѣль всѣхъ научныхъ работъ, и занимающія первое мѣсто въ такъ-называемыхъ наукахъ *теоретическихъ*, или *демонстративныхъ*, представляютъ типы двоякаго рода отношеній во-первыхъ, *равенства* и *пропорціи;* и во-вторыхъ, *причинной* связи. Научныя формулы предлагаютъ типы отношеній, называемые по преимуществу *законами природы*, и *нормами дѣятельности*. Часть научныхъ формулъ пріобрѣтается путемъ корреляцій идей или терминовъ (§ 263 и слѣд.), и часть путемъ реально-очевидныхъ доказательствъ (§§ 277, 278).

Символика *научныхъ доказательствъ* стремится создать *образцовыя* или *типическія доказательства* отношеній корреляціи идей, и причинной связи фактовъ. Главные типы доказательствъ причинной связи даны въ такъ-называемыхъ *индукціяхъ* и *дедукціяхъ*.

432. По различію представляемыхъ типовъ дѣйствительности, отвлеченная символика науки можетъ быть раздѣлена на два отдѣла *умозрительную*, и *практическую*. Умозрительная имѣетъ дѣло съ типами дѣйствительности, открываемыми въ *природѣ* человѣка, и окружающихъ его вещей, и называемыми *законами природы;* практическая имѣетъ своимъ предметомъ типы дѣйствительности, открываемые въ *методахъ* достиженія разнообразныхъ цѣлей произвольной дѣятельности человѣка, и называемые *нормами послѣдней.*—Отдѣлъ отвлеченной умозрительной символики науки, или отдѣлъ наукъ умозрительныхъ, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ древнихъ мыслителей, можно назвать *физикою,* въ указанномъ прежде (§ 136) широкомъ смыслѣ изученія *законовъ природы.*—Отдѣлъ наукъ практическихъ можно назвать *методикою*, въ широкомъ смыслѣ изученія *методовъ* произвольной дѣятельности.

Къ отдѣлу *физики* принадлежатъ такія науки, какъ *космографія*, *географія*, *естественная исторія,* и *исторія человѣка*,—первобытнаго и цивилизованнаго,—науки, составленныя по преимуществу изъ *общихъ описаній;* и далѣе, такія науки, какъ *физика*, въ принятомъ нынѣ, тѣсномъ смыслѣ слова,—*химія*, *біологія*, *психологія* (человѣка), и *соціологія* или *теоретическая политика,*— словомъ сказать, науки состоящія по преимуществу изъ *научныхъ формулъ.*

Къ отдѣлу методики принадлежатъ: во-первыхъ, науки устанавливающія методы произвольной *умственной* дѣятельности, — каковы *математика* и *механика*, имѣющія дѣло съ методами измѣренія и исчисленія; *ло-*

гика, имѣющая дѣло съ методами общихъ описаній, дефиницій, формулъ и доказательствъ,—т. е. съ основными формами науки; и наконецъ, *метафизика*, устанавливающая методы мыслимости нефеноменальнаго бытія, согласно съ религіозною вѣрою и наукою.—Во-вторыхъ, науки, устанавливающія методы произвольной реальной дѣятельности человѣка, — и притомъ *спеціальной* или *профессіональной*, и *общей*. Методы спеціальной дѣятельности опредѣляются такими науками, какъ теоріи спеціальныхъ искуствъ, медицина, педагогія, практическая политика; методы общей или обобщающейся дѣятельности, опредѣляются такими науками, какъ грамматика, реторика, эстетика, теорія нравственности, и теорія права.

433. *Конкретная* символика науки дается во всѣхъ *научныхъ пособіяхъ* символическаго характера. Сюда относятся слѣдующіе отдѣлы реальной символики. во-первыхъ, вся *графическая* символика науки,—включая сюда космографическіе и географическіе атласы и карты,—рисунки естественной исторіи, анатоміи человѣческаго тѣла, политической исторіи, исторіи искуствъ,—рисунки машинъ и препаратовъ, и т. д.; во-вторыхъ, вся *пластическая* символика науки,—какъ *слѣпки*, *манекены*, *модели*; и въ-третьихъ, *образцы* вещей, явленій, и ихъ отношеній,—представленные въ самыхъ вещахъ и явленіяхъ,—каковы научные эксперименты *физики*, *химіи*, *физіологіи*,—приготовленные образцы растеній и животныхъ, въ гербаріяхъ и чучелахъ, — равно какъ препараты ихъ органовъ и тканей—и наконецъ, *собранія* образцовъ самыхъ вещей, минераловъ, растеній и животныхъ—

въ минералогическихъ кабинетахъ; въ ботаническихъ и зоологическихъ садахъ, и акваріумахъ; — собранія монетъ, произведеній изящныхъ искуствъ, и разнаго рода древностей; собранія машинъ, съ показаніемъ ихъ примѣрной работы; и т. д. — Во всѣхъ этихъ видахъ конкретной символики науки, не утрачивается ея характеръ, какъ символики типовъ или обобщеній,—даже и тогда, когда эти типы представлены снимками съ единичныхъ вещей, или и самыми единичными вещами: потому что эти вещи играютъ здѣсь роль *экземпляровъ*,—т. е. реальныхъ знаковъ умственныхъ типовъ дѣйствительности.

434. Художественная символика типовъ. — Художественная символика типовъ представляетъ сочетаніе *символики* съ *изящнымъ искуствомъ*. — Изящное искуство можетъ обходиться безъ символики. Во всѣхъ родахъ изящныхъ произведеній есть художественные или эстетическіе элементы, чуждые символическаго характера, и заключающіеся, напримѣръ, въ *гармоніи* цвѣтовъ (въ живописи) и тоновъ (въ музыкѣ),—въ *прелести* формъ (въ архитектурѣ) и движеній (въ танцахъ); и т. д. Но произведенія изящнаго искуства, не имѣющія символическаго характера, представляютъ *низшую* ступень, въ развитіи этого искуства (§ 399): *высшую* ступень составляютъ изящныя произведенія, въ которыхъ реальныя условія красоты, соединены съ условіями мысленными, *идеями*,—или несимволическіе элементы этихъ произведеній, съ ихъ элементами символическими. Изящныя искуства достигаютъ вершины своего развитія, только какъ *изящная*, или художественная символика. *Художественная* символика человѣка представляетъ харак-

теръ основныхъ видовъ реальной символики мышленія, или дѣйствительности,—вырабатывающійся то раньше, то позже, *простого*, *нехудожественнаго* ея характера. Поэтому, художественная символика имѣетъ всѣ основные виды реальной символики. Есть, какъ было замѣчено, изящныя изображенія отдѣльныхъ реальныхъ *фактовъ:*—таковы изящныя иллюстраціи историческихъ событій, или изящныя словесныя описанія явленій природы, составляемыя путешественниками; и т. д. Это самый низшій видъ художественной символики. — Есть, далѣе, художественная символика умственныхъ *типовъ* дѣйствительности, и наконецъ, такая же символика идей бытія *нефеноменальнаго*.

435. *Художественная* символика типовъ состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ символикою *науки*, и можетъ быть раздѣлена, точно также, на *конкретную*, и *отвлеченную*. Къ первой принадлежатъ произведенія *живописи*, *ваянія*, *зодчества*,—*сценическія декораціи*, *танцы*, изящная *мимика*, *декламація*, изящныя *музыкальныя композиціи*, и изящная *музыка*, *вокальная* и *инструментальная;* ко второй — изящныя произведенія *словесности* и *литературы*. — Преимущества конкретной художественной символики типовъ, передъ отвлеченною, замѣтны, опять, въ изображеніи утственныхъ типовъ той дѣйствительности, которая не выходитъ изъ предѣловъ доступнаго зрѣнію и слуху. Живописныя изображенія восхода солнца, въ горахъ Альпъ или Кавказа, — лунной ночи, въ Венеціи, или на берегахъ Крыма, — осенней бури, на Черномъ морѣ, и т. д., могутъ передать типическія черты этихъ явленій лучше всякихъ словесныхъ,

или литературныхъ изображеній.—Точно также, нѣжный топъ рѣчей, звуки соловья, передаются музыкою лучше, чѣмъ словесностью и литературою.—Но изящная словесность и литература возвышаются неизмѣримо, надъ всѣми видами конкретной художественной символики типовъ,—въ изображеніи умственныхъ типовъ дѣйствительности выходящей изъ предѣловъ зрѣнія и слуха, и всѣхъ типовъ реальныхъ отношеній,—т. е. законовъ сосуществованія, преемства и причинной связи. Живопись, ваяніе, музыка, безъ сопровождающихъ ихъ словесныхъ поясненій, или текста, не могутъ передавать типическаго теченія многихъ отдѣловъ реальныхъ фактовъ,—и передаютъ, гдѣ могутъ, вообще только въ чертахъ весьма неясныхъ но поэзіи, изящной прозѣ, вполнѣ доступна судьба людей, и окружающей ихъ природы.

436. Художественная символика типовъ имѣетъ то общее съ произведеніями народной мудрости, что она не *опредѣляетъ*, и не *доказываетъ*, въ научномъ смыслѣ этихъ словъ: всякая попытка дефиницій и аргументовъ въ строгомъ смыслѣ, лишаетъ символику типовъ ея художественнаго характера.—Такимъ образомъ, естественныя формы художественной символики типовъ сводятся къ двумъ: во-первыхъ, къ художественнымъ *описаніямъ;* и во-вторыхъ, къ художественнымъ представленіямъ *законовъ природы*, и нормъ *произвольной* дѣятельности. Художественныя изображенія типовъ явленій, вещей, и ихъ отношеній сосуществованія и преемства, — составляютъ главное содержаніе *описательныхъ* произведеній изящнаго искуства:—произведеній описательной *поэзіи*,—каковы, напр., поэтическія описанія *утра*

весны, моря, горъ, — военныхъ подвиговъ, пиршествъ;— произведенія такъ-называемой поэзіи *антологической*, *пасторальной*, и всей поэзіи *лирической*, насколько она передаетъ типическія черты психическаго существованія лица;—далѣе, произведеній описательной *живописи*,—*портретной*, *жанровой*, *исторической;* описательнаго *ваянія*,—въ статуяхъ животныхъ, историческихъ личностей;—описательной *музыки*,—въ музыкальныхъ подражаніяхъ пѣнью соловья, шуму водопада, грому оружія, бури; и т. д.—Между всѣми художественными описаніями, первое мѣсто принадлежитъ художественной символикѣ типовъ человѣка,—напр., дѣтскаго возраста, женскаго пола, характеровъ, общественныхъ положеній и состояній; и т. д.—Художественная символика законовъ природы и нормъ дѣятельности составляетъ содержаніе *дидактической* поэзіи и изящной прозы; чистѣйшимъ типомъ ея представляются: поэтическія сентенціи, притчи, басни, сатиры (и церковныя проповѣди).—Соединеніе того и другого вида художественной символики типовъ составляетъ содержаніе высшихъ родовъ поэзіи,—именно, *эпической* и *драматической*, включая сюда поэмы, трагедіи, комедіи, драмы въ тѣсномъ смыслѣ,—и художественной прозы,—какъ-то художественныхъ очерковъ, разсказовъ, повѣстей, романовъ.—Сопровожденіе отвлеченной художественной символики конкретною представляютъ *сложныя* произведенія изящнаго искуства: оперы, или музыкальныя драмы; оратоpіи, или музыкальныя поэмы; сценическія представленія, гдѣ словесная или литературная символика иллюстрируется всѣми средствами архитектуры; ваянія, живописи, мимики, декламаціи, музыки,—художественныя, именно живописныя, иллюстраціи произведеній поэзіи и изящной прозы.

РЕАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ИДЕЙ БЫТІЯ НЕФЕНОМЕНАЛЬНАГО

437. Реальная символика идей бытія нефеноменальнаго раздѣляется, подобно символикѣ типовъ, на *простую* и *художественную*.

Простая символика нефеноменальнаго бытія дѣлится, въ свою очередь, на *отвлеченную* и *конкретную*,—а отвлеченная, на *народную* и *наукообразную*.

Простая отвлеченная народная символика нефеноменальнаго дана въ народныхъ *суевѣріяхъ*, *заклинаніяхъ*, *чудесныхъ преданіяхъ*, *легендахъ*, *сагахъ*.—Простая отвлеченная наукообразная символика нефеноменальнаго бытія дается въ такъ-называемыхъ *богословскихъ* наукахъ и изслѣдованіяхъ.—Богословскую символику мы называемъ не *научною*, а *наукообразною*, по той причинѣ, что предметъ ея отдѣляется отъ предмета науки, но формы ея—тѣже формы науки *общія описанія* (въ церковной исторіи), *формулы* (въ догматахъ и правилахъ), *опредѣленія* и *доказательства* (во всѣхъ наукахъ).—*Простая конкретная* символика идей нефеноменальнаго дана въ простыхъ графическихъ изображеніяхъ,—каковы первыя миніатюры Библіи, передающія идеи Троицы, Бога-Слова, Бога-Духа Святаго, и чуждыя всякой художественности;—далѣе, въ символическихъ *движеніяхъ* и *дѣйствіяхъ*, входящихъ въ составъ *обрядовъ;*—въ произведеніяхъ *религіозной пластики*, также чуждой художественности,—каковы: христіанскіе образцы креста, изъ дерева и металловъ, — крестообразная форма церковныхъ храмовъ и т. д.

Художественная символика нефеноменальнаго бытія должна быть раздѣлена, опять, на *отвлеченную* и *конкретную*. Къ художественной *отвлеченной* символикѣ нефеноменальнаго принадлежатъ изящныя произведенія словесности и литературы, изображающія предметы и отношенія нефеноменальнаго бытія. Сюда относятся, во-первыхъ, произведенія поэзіи, пропикнутыя идеями анимистическихъ воззрѣній,—каковы *героическія поэмы* народовъ, *баллады*, *сказки*, *поэтическія преданія*; во-вторыхъ, поэтическія произведенія *мифологическаго* характера,—каковы мифы народовъ Востока, мифы древнихъ грековъ;—и наконецъ, такія же произведенія принадлежащія *богословскому* періоду развитія религіозной вѣры,—каковы напр., христіанскія поэмы Данта, Мильтона.—*Конкретная* художественная символика заключаетъ въ себѣ всѣ художественныя произведенія архитектуры, живописи, ваянія и музыки, имѣющія своимъ предметомъ тоже нефеноменальное бытіе.—Всѣ виды этой конкретной художественной символики достигали высшаго развитія у древнихъ грековъ, и у христіанъ. Греки создали конкретную художественную символику мифологіи; христіанскіе художники достигли значительнаго успѣха въ изображеніи идей богословскихъ. И если, въ архитектурѣ, живописи, и ваяніи, греческая художественная символика мифовъ осталась непревосходимою,—то, въ религіозной музыкѣ, христіанскіе художники, очевидно, пошли дальше древнихъ грековъ.

438. Чтобы заключить наше изложеніе основныхъ видовъ реальной символики, замѣтимъ, что реальная символика бываетъ *первичною*, и *вторичною*. Послѣдняя

есть собственно *символика символики*,—т. е. косвенная символика—мышленія или дѣйствительности, и прямая—*данной символики* послѣдней. Вторичная реальная символика имѣетъ слѣдующія основныя формы: во-первыхъ *изложеній*, или *очерковъ* символическихъ произведеній,—напр., очерковъ трагедій Софокла, разговоровъ Платона,—во-вторыхъ, *анализа*,—напр., въ формѣ разбора *характеровъ*, выведенныхъ въ трагедіяхъ Софокла,—ученій о *мірѣ*, и о *душѣ человѣка*, въ разговорахъ Платона;—въ-третьихъ, *объясненія*—темныхъ или непонятныхъ пунктовъ, въ содержаніи символическихъ произведеній;—въ-четвертыхъ, *критики*, — напр., достоинства произведеній науки, или художественныхъ произведеній изящнаго искуства;—и въ-пятыхъ, *примѣненія* къ руководству въ частныхъ случаяхъ, — какъ *литературная пропаганда* идей науки, религіи; и т. д.—Вся эта символическая работа совершается преимущественно надъ произведеніями отвлеченной символики; но распространяется и на всѣ виды конкретной: — произведенія архитектуры, ваянія, живописи, музыки, сценическаго исполненія и т. д.— Разсматривая характеръ этихъ пяти отдѣловъ вторичной реальной символики, найдемъ, что они не уклоняются отъ основныхъ формъ послѣдней, преимущественно научныхъ·—напр., *изложеніе* и *анализъ*—отъ единичныхъ или общихъ *описаній;—объясненія*—отъ научныхъ *опредѣленій*; *критика*, и *примѣненіе* къ частнымъ случаямъ—отъ *дедуктивной* формы *доказательствъ*; и т. д.

439. Мы окончили изложеніе основныхъ видовъ реальной символики, или реальныхъ произведеній символическаго творчества. Въ трехъ основныхъ видахъ реаль-

ной символики такъ отчетливо выступаютъ основныя направленія мышленія, или работа законовъ ассоціаціи, что вопросъ сводится не къ тому, откуда возникаютъ основныя направленія человѣческаго *вдохновенія*, открываемаго въ *символическихъ произведеніяхъ* человѣка,—а къ тому, чѣмъ явленія вдохновенія, наблюдаемаго въ трехъ видахъ реальной символики, отличаются отъ общихъ явленій основныхъ направленій мышленія?—Вдохновеніе, въ фактахъ символическаго творчества, есть мышленіе *символическое*. Эта спеціальная черта изслѣдуемаго нами вдохновенія отличаетъ послѣднее отъ общихъ направленій мышленія: историческаго, логическаго и трансцендентнаго,—основныя явленія которыхъ не нуждаются въ символикѣ, или въ символахъ. — Чтобы понять указанную особенность вдохновенія, слѣдуетъ имѣть въ виду ассоціаціи идей и знаковъ, отвлеченныхъ и конкретныхъ. Творчество въ области идей дѣйствительности не составляетъ всего вдохновенія выражающагося въ реальной символикѣ; оригинальныя ассоціаціи идей сопровождаются оригинальными ассоціаціями знаковъ,—конечно, въ идеяхъ знаковъ.—Художественныя рѣчи; стихи, съ ихъ размѣрами и рифмами; художественныя формы описаній, басни, драмы, поэмы, романа; эскизы картинъ, и формы статуй; музыкальныя формы романса, сонаты, симфоніи, оперы и т. д.,—всѣ эти символическіе элементы и формы входятъ въ составъ самаго вдохновенія, выражающагося въ произведеніяхъ символическаго творчества,—и сообщаютъ ему характеръ мышленія символическаго. Эта именно черта придаетъ характеръ умственнаго творчества, не только произведеніямъ науки, или реальной символикѣ типовъ, но даже и символикѣ фактовъ, или единичнымъ

описаніямъ. Такимъ образомъ, простое припоминаніе сдѣланнаго путешествія будетъ умственнымъ явленіемъ историческаго направленія мышленія; но литературное описаніе его, какъ бы оно точно не передавало всѣхъ его подробностей и порядка, всегда будетъ заключать въ себѣ умственное творчество, именно, символическаго характера—т. е., при общей работѣ законовъ ассоціаціи, наблюдаемой въ основныхъ направленіяхъ мышленія,—еще спеціальную работу ихъ, открываемую только въ произведеніяхъ символическаго творчества.

Образованіе произвольныхъ направленій символическаго творчества человѣка.

440 Символическое творчество человѣка, подчиненное законамъ ассоціаціи, управляется въ то же время *закономъ произвольности*, *мотиваціи* или *самосохраненія*. (§ 159) Какъ вдохновеніе, или творчество *невольное*, оно подчиняется законамъ ассоціаціи; но какъ дѣятельность произвольная, управляется закономъ произвольности.

Какъ вдохновеніе, какъ невольное теченіе идей и умственныхъ операцій творческаго характера, символическое творчество имѣетъ характеръ *случайности* или *безцѣльности*, — иначе сказать, не обнаруживаетъ признаковъ той экономіи произвольной дѣятельности, которая вносится въ нее впервые закономъ произвольности или мотиваціи, и заключается въ ея *цѣлесообразности*.

Обращаясь къ послѣднимъ цѣлямъ символическаго творчества, направляемаго закономъ произвольности или самосохраненія, мы находимъ, что онѣ не уклоняются

отъ основныхъ цѣлей всей произвольной дѣятельности человѣка,—именно, *сохраненія*, и *культуры*—его самого, и окружающей его природы. Отсюда, произвольныя направленія символическаго творчества раздѣляются на два порядка *консервативныя*, и *прогрессивныя* или *культурныя*.

КОНСЕРВАТИВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ СИМВОЛИЧЕСКАГО ТВОРЧЕСТВА.

441. Консервативныя направленія произвольной дѣятельности человѣка преслѣдуютъ сохраненіе человѣка какъ *индивидума*, и какъ *рода*. Консервативно-индивидуальная дѣятельность человѣка стремится къ сохраненію его индивидуальности, во-первыхъ, какъ *отдѣльнаго животнаго организма* и, во-вторыхъ, какъ *лица*. Такимъ образомъ, консервативно-индивидуальная дѣятельность человѣка имѣетъ два направленія, изъ которыхъ высшимъ является послѣднее, т. е. *консервативно-личное*.—Консервативныя направленія *символическаго творчества* человѣка составляютъ отдѣльные виды полнаго *консервативно-личнаго* направленія произвольной дѣятельности человѣка.

Символическое творчество человѣка представляетъ одну изъ тѣхъ формъ его личности, которыя мы назвали (§ 49) *высшими*, *гуманными*, *культурными*, *разумными*,—и притомъ самую чистую между ними. Существенный характеръ всякаго творчества, а слѣдовательно и символическаго, есть *оригинальность*, *самобытность*, *самостоятельность* (§ 14): гдѣ нѣтъ оригинальности, тамъ нѣтъ и творчества,—тамъ одно *воспроизведеніе*, по законамъ ассоціаціи. Между тѣмъ, извѣстная *оригиналь-*

ность, самобытность, самостоятельность индивидуальныхъ психическихъ явленій, и есть то, что называется ихъ *личнымъ* характеромъ, или составляетъ *личность* человѣка. Такимъ образомъ, сохраненіе символическаго творчества человѣка является важнѣйшею составною частью полной цѣли—сохраненія личности человѣка,—иначе сказать, цѣли его *консервативно-личной* дѣятельности.

442. Консервативно-личныя направленія символическаго творчества, или стремленія къ сохраненію послѣдняго, какъ самой чистой формы культурной личности человѣка, подлежатъ наблюденію, какъ въ *исторіи* отдѣльныхъ символическихъ *произведеній*, такъ и въ исторіи *символической производительности* отдѣльныхъ лицъ.

Въ *исторіи* каждаго отдѣльнаго *реальнаго произведенія* символическаго творчества наблюдается весьма отчетливо общая всѣмъ моментамъ его развитія черта,—именно, стремленіе къ *сохраненію* каждаго *явленія* вдохновенія или *символическаго творчества*, какъ чистѣйшаго явленія *личности*. Каждое отдѣльное явленіе символическаго творчества представляетъ процессъ *развитія творческихъ ассоціацій* идей, въ какой нибудь опредѣленной *реальной формѣ*. Это развитіе проходитъ свои фазисы и имѣетъ свое естественное окончаніе. Такимъ образомъ, сохраненіе отдѣльнаго явленія символическаго творчества означаетъ сохраненіе его *развитія* или *образованія*,—иначе сохраненіе его во всѣхъ моментахъ его теченія. Это сохраненіе достигается, во-первыхъ, охраненіемъ его отъ *остановки* и *перерывовъ;* во-вторыхъ, сохраненіемъ его *правильности;* и въ-третьихъ, отрѣ-

шеніемъ окончательной формы его, отъ *случайностей* явленій индивидуальнаго существованія. Охраненіе отъ *остановки*, и *перерывовъ* развитія дается въ той жаждѣ творчества, которая овладѣваетъ лицомъ, въ нѣкоторые моменты творчества, угрожающіе остановками или перерывами, и которая обнаруживаетъ всѣ степени интенсивности,—смотря по особенностямъ лица и самого развивающагося явленія творчества, — начиная нѣкоторою *заботою*, или *безпокойствомъ* творчества, и оканчивая тѣми энергическими *порывами* послѣдняго, которые ставятъ, на второй планъ, всѣ другія отрасли произвольной дѣятельности. — *Правильность* развитія обезпечивается непрерывнымъ *контролемъ* надъ послѣднимъ,—заключающимъ въ себѣ, съ одной стороны, *критику* каждаго акта развитія символическаго произведенія, а съ другой, ея *положительное* и *отрицательное* вліяніе на ихъ *послѣдовательность*, заявляющее себя фактами развитія, отвѣчающими критикѣ. — Наконецъ, отрѣшеніе окончательной формы развитія символическаго произведенія отъ *случайностей* индивидуальнаго существованія достигается *реальнымъ* характеромъ этой формы, преобразующимъ индивидуальное психическое произведеніе — въ универсальный и постоянный элементъ индивидуальнаго вліянія на исторію общества.

443. Разсматривая происхожденіе, указанныхъ нами, трехъ гарантій сохраненія отдѣльныхъ явленій символическаго творчества, мы убѣждаемся, что эти явленія охраняются, именно какъ лучшія явленія личности. Потому что источникомъ этихъ гарантій служитъ вліяніе чувствъ психическаго *стѣсненія* и психической *свободы*,—

или спеціальныхъ чувствъ *личности:* личность человѣка опредѣляемая положительно, какъ извѣстная *самостоятельность* психическихъ явленій его существованія, — съ точки зрѣнія отрицательной, есть ничто иное, какъ его извѣстная психическая свобода (§ 23). Что развитіе явленій символическаго творчества охраняется отъ остановокъ и перерывовъ, оберегается въ своей правильности, и отрѣшается, въ своей окончательной формѣ, отъ случайностей индивидуальности человѣка, благодаря вліянію чувствъ стѣсненія и свободы, управляемому закономъ мотивации, произвольности или самосохраненія, — это доказывается—фактами *присутствія* такихъ чувствъ, въ процессѣ развитія символическаго произведенія; далѣе, обстоятельствами ихъ *происхожденія;* и наконецъ, ихъ *ролью,* въ ходѣ этого процесса.

Присутствіе чувствъ *стѣсненія* и *свободы,* въ процессѣ постепеннаго развитія явленій символическаго творчества, есть фактъ весьма извѣстный: чувство психическаго стѣсненія, сопровождающее образованіе символическаго произведенія, достигаетъ иногда такой тяжести, которая позволяетъ ихъ сравнивать съ муками рожденія. По общему правилу, уменьшеніе тяжолыхъ чувствъ стѣсненія сопровождается чувствами *облегченія* или нѣкоторой внутренней психической *свободы*, пріятность которыхъ бываетъ пропорціональна пережитой тяжести внутренняго стѣсненія. Такъ какъ чувства стѣсненія и облегченія сопровождаютъ процессъ творчества, или послѣдовательность творческихъ дѣйствій, входящихъ въ исторію развитія символическаго произведенія· то ясно, что эти чувства, обладающія непріятнымъ и пріятнымъ качествомъ, не могутъ не оказывать обратнаго вліянія на вызыва-

ющія ихъ творческія дѣйствія,—поощряя, въ концѣ, то развитіе ихъ, которое доставило пріятныя чувства облегченія, или уменьшенія тяжолыхъ чувствъ стѣсненія. Этихъ поощреній къ продолженію развитія, — болѣе или менѣе сильныхъ, смотря по степени чувствуемаго стѣсненія,— совершенно достаточно, для объясненія наблюдаемой въ процессѣ символическаго творчества, такъ-называемой *жажды творчества*, охраняющей развитіе его явленій— отъ *остановокъ* и *перерывовъ*.

444. Но спрашивается откуда берутъ свое начало *чувства стѣсненія*, вызываемыя развитіемъ явленій символическаго творчества? Что обусловливаетъ ихъ, въ ходѣ этого развитія? — Тяжолыя чувства стѣсненія испытываются впервые въ тѣ моменты развитія символическихъ произведеній, которые обозначаются переходомъ *умственной рефлексіи* дѣйствительности, въ *умственную символику* этой рефлексіи,—и дальнѣйшимъ переходомъ ея умственной символики—въ *реальную*. Явленія символическаго творчества, не достигшія реальной формы, слагаются, какъ было замѣчено (§ 439), изъ двухъ порядковъ умственныхъ ассоціацій: первый состоитъ изъ ассоціацій *идей дѣйствительности*, принадлежащихъ къ явленіямъ основныхъ направленій мышленія; второй— изъ ассоціацій *знаковъ* той же дѣйствительности, или ея идей. Развитіе *идей* дѣйствительности, — историческаго, логическаго, или трансцендентнаго направленія,—способно вызывать чувства стѣсненія, какъ противное *личнымъ потребностямъ*, — т. е. намѣреніямъ, вкусамъ, склонностямъ,—или *личнымъ силамъ*,—т. е. свойствамъ, способностямъ, знаніямъ, навыкамъ. Но эти стѣсненія почти

не замѣтны при другихъ,—связанныхъ, прежде всего, съ развитіемъ ассоціацій знаковъ, или символической формы тѣхъ идей. Ассоціаціи знаковъ, составляющія умственную символику идей дѣйствительности, сами состоятъ изъ *идей знаковъ*, и притомъ такой незначительной интенсивности, которая ихъ сближаетъ съ идеями—въ явленіяхъ *памяти* и *забвенія* (§ 318), и дѣлаетъ неясною антиципаціею символики реальной. Развитіе такихъ ассоціацій знаковъ сопровождается чувствами стѣсненія отъ многихъ обстоятельствъ,—и прежде всего, отъ ихъ несоотвѣтствія выражаемымъ идеямъ, отъ внутренней несообразности ихъ, какъ составныхъ частей одного и того же, антиципируемаго въ нихъ, реальнаго произведенія, — и отъ недостаточной ясности, живости, или наглядности.— Наконецъ, третьимъ источникомъ чувствъ стѣсненія служитъ переходъ символическихъ ассоціацій въ реальное символическое произведеніе. Здѣсь, стѣсненія разнообразятся, по разницѣ самыхъ видовъ и формъ реальной символики. Тамъ, гдѣ дозволяетъ природа реальныхъ знаковъ, — напр., въ произведеніяхъ словесности и музыки,—нѣкоторыя идеи знаковъ могутъ сопровождаться самыми реальными знаками, въ формѣ словъ, фразъ, звуковъ голоса. Такіе реальные знаки могутъ сдѣлаться первыми элементами образующейся реальной символики, какъ окончательной формы явленія символическаго творчества. Но они могутъ также оказаться въ несоотвѣтствіи съ умственною символикою выражаемою ими, или съ идеями послѣдней. Притомъ, взятые сами по себѣ, такіе сопутствующіе реальные знаки представляютъ, на первый разъ, *безсвязную* или *безпорядочную* массу.—Въ другихъ областяхъ реальной символики, затрудненія вы-

ступаютъ преимущественно въ трудностяхъ техническихъ, побѣждаемыхъ техническимъ образованіемъ, и настойчивымъ трудомъ.

445. Таковы разнообразныя условія чувствъ стѣсненія, сопутствующихъ символическому творчеству, въ развитіи его отдѣльныхъ явленій. Вмѣстѣ съ этимъ становится ясно, въ чемъ заключаются условія облеченія и окончательнаго освобожденія отъ этихъ стѣсненій. Они состоятъ въ приведеніи идей или умственной рефлексіи дѣйствительности, въ гармонію съ личными потребностями и личными силами; въ приведеніи символическихъ ассоціацій, въ гармонію съ представляемою ими дѣйствительностью, или съ ея идеями, и во внутреннюю гармонію ихъ отдѣльныхъ знаковыхъ элементовъ; наконецъ, въ преобразованіи неясной умственной символики, въ наглядную реальную, и въ приведеніи послѣдней, въ гармонію съ первою, и съ выражаемыми идеями дѣйствительности,— равно какъ и въ гармоническомъ согласованіи всѣхъ частей реальнаго символическаго произведенія. — Чѣмъ достигается осуществленіе этихъ условій облегченія и освобожденія?—Къ этому можетъ привести, конечно, *творческая опытность*, дозволяющая, по опыту или извѣстнымъ правиламъ, опредѣлять или отыскивать условія стѣсненія, и средства къ ихъ устраненію. Но опытность есть послѣдствіе прямыхъ уроковъ творчества: мотивы мысленные суть отраженіе мотивовъ реальныхъ, — живыхъ чувствъ, вызываемыхъ опытами творческой дѣятельности освобождающейся отъ испытанныхъ ею стѣсненій, — т. е. чувствъ увеличенія свободы, иначе облегченія, и чувствъ ея полнаго наступленія. Въ разнообразныхъ чув-

ствахъ гармоніи, сопровождающихъ случайные шаги развитія символическаго произведенія, заключаются эти чувства внутренней свободы, смѣняющей внутреннее стѣсненіе. Обратное вліяніе этихъ пріятныхъ чувствъ, благопріятствующихъ полной гармоніи символическаго произведенія во всѣхъ его элементахъ, умственныхъ и реальныхъ, и со всѣми индивидуальными психическими потенціями,— и доставляетъ тотъ *контроль*, которымъ обезпечивается *правильность* развитія каждаго явленія символическаго творчества; оно же, прежде всего, доводитъ ихъ развитіе до той *окончательной*, т. е. реальной формы, которая даетъ имъ характеръ *всемірно-историческій*, или *традиціонный*.

Отсюда ясно, что основные мотивы развитія явленій символическаго творчества заключаются въ чувствахъ индивидуальной психической свободы человѣка, или преслѣдуютъ сохраненіе этихъ явленій, какъ чистыхъ и высшихъ явленій его *личности*.

446. Въ исторіи *символической производительности* отдѣльныхъ людей замѣчается также *консервативно-личное* направленіе символическаго творчества,—а именно, стремленіе къ сохраненію его, какъ самой чистой *формы* ихъ *личности*.

Различныя формы реальной символики имѣютъ историческое происхожденіе, и вырабатывались медленно, съ величайшею постепенностью. Ясное доказательство тому представляетъ образованіе общихъ и спеціальныхъ формъ *науки*, равно какъ и образованіе того вида художественной символики типовъ, который называютъ *романомъ*. Такимъ образомъ, съ незапамятныхъ временъ, творцы

реальныхъ символическихъ произведеній встрѣчаютъ готовыя формы реальной символики, въ готовыхъ произведеніяхъ этого рода. Поэтому, творческой символической дѣятельности всегда предшествуетъ воспроизведеніе чужихъ произведеній, или ихъ изученіе. Начало символическаго творчества бываетъ у всѣхъ *подражательнаго* характера Подражанія—не воспроизведенія, но со значительною долею послѣднихъ. Отъ подражаній всегда стремятся къ *оригинальности*, или *самобытности*, во всѣхъ отрасляхъ реальной символики. Въ символикѣ изящныхъ искуствъ,—напр., въ художественной символикѣ типовъ, стремленіе къ оригинальности представляетъ явленіе наблюдаемое у всѣхъ художниковъ. Оно менѣе замѣтно въ другихъ отдѣлахъ реальной символики,—однако, присуще и здѣсь. Въ символикѣ описаній оно заявляетъ себя стремленіемъ къ описаніямъ новыхъ фактовъ; въ символикѣ наукъ теоретическихъ—къ изложенію новыхъ опредѣленій, вновь открытыхъ законовъ и созданныхъ доказательствъ, въ символикѣ нефеноменальнаго — тоже стремленіе къ оригинальности, не только въ отдѣлахъ художественныхъ, но и простыхъ.

Изъ этого ясно, что символическое творчество отдѣльнаго лица, въ исторіи его послѣдовательнаго развитія, направлено именно къ отрѣшенію отъ элементовъ подражательныхъ, — иначе сказать, къ поддержанію его самобытности, оригинальности,—слѣдовательно, къ сохраненію символическаго творчества отдѣльнаго человѣка, какъ формы его личности.

ПРОГРЕССИВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ СИМВОЛИЧЕСКАГО ТВОРЧЕСТВА

447. Прогрессивныя направленія символическаго творчества преслѣдуютъ *культуру* его явленій, или произведеній. *Культура* произведеній символическаго творчества заключается въ обращеніи этихъ явленій личности человѣка, въ *органъ* достиженія *сторонних*ъ имъ, или ихъ консервативному направленію,—цѣлей его произвольной дѣятельности. Культура реальной символики достигается въ силу вліянія *закона произвольности*, или *мотивацiи*, иначе *самосохраненія*, — именно путемъ *приспособленій* этой символики къ достиженію сторонних*ъ* ей цѣлей, — приспособленій, совершающихся подъ вліяніемъ сторонних*ъ* ей *мотивовъ*,—т. е чувствъ, вызываемыхъ другими явленіями произвольной дѣятельности человѣка (§ 219).

Отдѣленіемъ символическаго творчества, отъ остальныхъ цѣлей произвольной дѣятельности,—какъ органа ихъ достиженія, количество основныхъ цѣлей этой дѣятельности не уменьшается. Онѣ сводятся къ *сохраненію*, и *культурѣ*, *человѣка* и окружающей его *природы*.

Разсматривая эту *сумму цѣлей*, какъ сосуществующихъ, и достиженіе каждой изъ нихъ, въ предѣлахъ сосуществованія ея съ остальными, можно выразить всѣ положительныя и отрицательныя черты полнаго идеала произвольной дѣятельности въ слѣдующемъ предложеніи; *сохраненіе и культура личности человѣка, при достиженіи безличныхъ цѣлей его произвольной дѣятельности* (§ 236).

448. *Сохраненіе личности* человѣка, при достиженіи безличныхъ цѣлей его произвольной дѣятельности, означаетъ *развитіе* личности, въ *предѣлахъ допускаемыхъ* достиженіемъ безличныхъ цѣлей его дѣятельности. *Развитіе* личности означаетъ *развитіе личнаго характера* индивидуальныхъ явленій психическаго существованія человѣка, т. е. ихъ извѣстной *самобытности*, *оригинальности*, *самостоятельности*, — иначе сказать, извѣстной индивидуальной психической свободы человѣка (§ 23). *Безличныя* цѣли произвольной дѣятельности человѣка, составляющія естественные предѣлы развитія личности, сводятся къ сохраненію и культурѣ во-первыхъ, его *безличной индивидуальности*; во-вторыхъ, его *общественности* и вообще *родового быта;* и въ-третьихъ окружающей его *природы*, какъ органа его собственнаго сохраненія и культуры. Такимъ образомъ, развитіе личности, въ предѣлахъ допускаемыхъ достиженіемъ безличныхъ цѣлей, означаетъ развитіе извѣстной индивидуальной психической самостоятельности или свободы человѣка, въ *предѣлахъ* ея *совмѣстимости* съ сохраненіемъ и культурою его безличной индивидуальности, его общественности и вообще родового быта и, наконецъ, окружающей его природы.

449. *Предѣлы совмѣстимости* развитія личности, съ достиженіемъ безличныхъ цѣлей его произвольной дѣятельности, заключаются въ тѣхъ ступеняхъ развитія личности, которыя совмѣстимы съ сохраненіемъ *работы* всѣхъ безличныхъ законовъ, физическихъ и психическихъ, и съ ея культурою. Такое совмѣщеніе развитія личности или извѣстной психической самостоятельности, иначе свободы

человѣка,—съ сохраненіемъ и культурою работы безличныхъ законовъ его индивидуальности, общественности и вообще родового быта, и окружающей его природы, достигается *подчиненіемъ этой работы—человѣческой личности*, — *личной власти*, *личному контролю* и *управленію* человѣка. Такимъ образомъ, сохраненіе и культура *безличной индивидуальности* человѣка означаетъ сохраненіе и культуру работы безличныхъ законовъ его *физическаго* существованія,—напр., законовъ *движеній, питанія*, — и *психическаго*, — напр., законовъ *ассоціаціи*.—Сохраненіе работы этихъ законовъ достигается соразмѣрнымъ ея развитіемъ; культура той же работы получается вслѣдствіе ея приспособленій къ достиженію сторонныхъ ей цѣлей. Подчиненіе работы безличныхъ законовъ индивидуальнаго существованія человѣка его личной власти, есть несомнѣнно развитіе личности, или индивидуальной психической самостоятельности человѣка, и въ тоже время, не только не препятствуетъ сохраненію и культурѣ этой работы, но и составляетъ могущественное вспомогательное средство къ тому: въ этомъ убѣждаетъ работа тѣхъ же законовъ, не руководимая личностью человѣка, и наблюдаемая въ состояніяхъ сна, тѣлесныхъ и душевныхъ болѣзней.

Тѣ же замѣчанія прилагаются къ предѣламъ совмѣстимости развитія личности, съ сохраненіемъ и культурою общественнаго и вообще родового быта человѣка, и окружающей его природы. Совмѣщеніе развитія личности, съ достиженіемъ этихъ безличныхъ цѣлей произвольной дѣятельности, означаетъ и здѣсь развитіе личности—до степеней не препятствующихъ сохраненію и культурѣ работы безличныхъ законовъ общественнаго и родового

быта, и окружающей природы. А это развитіе достигается, опять, подчиненіемъ работы этихъ законовъ, контролю и управленію личности человѣка такое подчиненіе есть, несомнѣнно, новое расширеніе индивидуальной психической самостоятельности человѣка, въ двухъ направленіяхъ,—но опять, не только не препятствуетъ сохраненію и культурѣ работы этихъ законовъ, но является однимъ изъ могущественныхъ ея средствъ.

450. *Культура личности* человѣка, при достиженіи безличныхъ цѣлей его произвольныхъ дѣйствій, означаетъ *приспособленія* личности къ достиженію безличныхъ цѣлей, въ предѣлахъ *требуемыхъ* послѣднимъ, — т. е. *необходимыя* для сохраненія и культуры его безличной индивидуальности, его общественнаго и родового быта, и окружающей его природы.

Приспособленія личности, необходимыя для достиженія безличныхъ цѣлей его произвольной дѣятельности, ограничиваются развитіемъ въ немъ такихъ *свойствъ*, въ которыхъ заключается *подчиненіе* человѣка *силъ* безличныхъ законовъ его существованія, равно какъ и окружающей его природы, – силѣ, не поддающейся его *личной власти*, или *личному господству*. Такимъ образомъ, работа безличныхъ законовъ ассоціаціи должна быть подчинена *руководству* личности, или личному контролю и управленію, но личная власть не должна покушаться на силу этихъ законовъ ей недоступную, – напр., на *основныя направленія* ихъ работы,—т. е. человѣческаго мышленія.

Такимъ образомъ, сохраненіе и культура личности человѣка, при достиженіи безличныхъ цѣлей его произвольной дѣятельности, означаютъ, въ концѣ, *развитіе*

личной власти человѣка, въ границахъ личнаго, свободнаго подчиненія непреодолимой силѣ безличныхъ законовъ его собственнаго существованія, и существованія окружающей его природы.—Таково--раздѣльное выраженіе высшаго идеала произвольной дѣятельности человѣка, или суммы его основныхъ цѣлей

Символическое творчество человѣка, какъ органъ достиженія сторонпихъ его консервативному направленію цѣлей, преслѣдуетъ идеалъ развитія *личной власти* человѣка, въ границахъ его *неизбѣжнаго подчиненія*. Это мы наблюдаемъ въ *культурныхъ направленіяхъ основныхъ видовъ* реальной символики человѣка.

451. Культурныя направленія реальной символики фактовъ.

Расширеніе личной власти человѣка, надъ работою безличныхъ законовъ существованія, въ границахъ неизбѣжнаго подчиненія ихъ непреодолимой силѣ, обусловливается *точными знаніями* безличныхъ законовъ всего существующаго,—законовъ, управляющихъ исторіею образованія окружающей человѣка природы, и собственною исторіею его безличнаго развитія, какъ индивидума и какъ рода. Такія точныя знанія безличныхъ законовъ пріобрѣтаются при помощи глубокаго и точнаго знанія *отдѣльныхъ фактовъ* исторіи природы и человѣка, и ихъ единичныхъ отношеній, — слѣдовательно, того что дается *реальною символикою* фактовъ, или *единичныхъ описаній*.

Этимъ опредѣляются основныя культурныя направленія реальной символики фактовъ. во-первыхъ, распространеніе наблюденій, доставляющихъ матеріалъ для этихъ

описаній, на всѣ области существованія природы и человѣка; и во-вторыхъ, изобрѣтеніе *искуственныхъ средствъ* къ *углубленію* и *точности* этихъ наблюденій.

Не взирая на чисто матеріальный характеръ реальной символики фактовъ, она не чужда и другихъ культурныхъ направленій, — напр. *культурно-родовыхъ*. Это замѣтно и въ символикѣ фактовъ природы; но еще замѣтнѣе въ реальной символикѣ фактовъ исторіи человѣка. Ранніе опыты послѣдней, въ формахъ *хроникъ*, всегда проникнуты цѣлями сохраненія и культуры народности и общественности.

452. Культурныя направленія реальной символики типовъ.

Между всѣми видами реальной символики типовъ, какъ органа знанія законовъ существующаго, первое мѣсто принадлежитъ *наукѣ*. Поэтому, наука есть высшій способъ къ достиженію идеала произвольной дѣятельности,—т. е. къ расширенію личной власти человѣка, въ предѣлахъ его неизбѣжнаго подчиненія силѣ безличныхъ законовъ природы.

Всѣ науки, какъ мы видѣли, состоятъ изъ общихъ описаній, опредѣленій, формулъ и доказательствъ. — Доказательства приводятъ къ формуламъ, или объясненію изъ нихъ. Общія описанія предлагаютъ законы сосуществованія и преемства, дефиниціи—преобразованіе общихъ описаній; формулы—строгіе законы равенства и причинной связи, называемые законами природы и нормами дѣятельности. Въ строгихъ законахъ природы точно опредѣляется непреодолимая сила этихъ законовъ, рядомъ съ обстоятельствами, доступными власти человѣка.

Въ нормахъ дѣятельности опредѣляются—и *объемъ* власти, доступной человѣку въ предѣлахъ безличной работы законовъ его собственной индивидуальности, общественности, и окружающей природы,—и *неизбѣжное* подчиненіе его—ихъ непреодолимой силѣ. Можно сказать, также, что первое излагается въ наукахъ *физическихъ*, въ широкомъ смыслѣ этого слова, второе—въ наукахъ *методическихъ*.

Но, рядомъ съ наукою, не лишены культурнаго значенія—какъ *народная мудрость*, такъ и *художественная символика* типовъ. Первая замѣняетъ науку, въ ранній періодъ цивилизаціи человѣка, и обнимаетъ собою какъ представленіе безличныхъ законовъ природы, такъ и начертаніе *законовъ личности*. Послѣднее видно особенно въ *законодательствѣ*. — Вторая составляетъ одно изъ лучшихъ средствъ ознакомленія съ открытіями науки, а иногда даетъ антиципацію послѣднихъ.

Болѣе спеціальныя культурныя черты реальной символики типовъ частію опредѣляются изъ общихъ,—частію независимы отъ нихъ.

Такимъ образомъ, спеціальныя культурныя направленія науки.—*опытное*, по первымъ матеріаламъ; и *положительное*, по методамъ ихъ обработки.—Такія же направленія художественной символики типовъ· *реализмъ*, въ изображеніи безличныхъ законовъ существующаго, и *идеализмъ*, въ изображеніи *правилъ* произвольной дѣятельности человѣка.

453. Культурныя направленія реальной символики идей нефеноменальнаго бытія.

Реальная символика этого вида является органомъ религіознаго воспитанія человѣка,—т. е. его смиреннаго *подчиненія* безличнымъ законамъ своей индивидуальной психической природы, создающимъ его *религіозную вѣру*.

Подчиненіе это не лишаетъ человѣка его индивидуальной психической свободы, въ предѣлахъ совмѣстимыхъ съ сохраненіемъ и культурою трансцендентнаго направленія мышленія, т. е. оставляетъ ему нѣкоторую долю личной власти, въ распоряженіи его явленіями.

Этимъ объясняются основныя культурныя направленія реальной символики идей нефеноменальнаго бытія:— именно, съ одной стороны, ея *традиціонность;* — съ другой,—*наукообразность*, въ ея отвлеченныхъ формахъ, и ея *реально-идеалистическій* характеръ, въ формахъ конкретныхъ.

Что касается *вторичныхъ* видовъ реальной символики,—т. е. изложеній, анализовъ, объясненій, критики, и примѣненій—*первичныхъ* ея видовъ, или ихъ данныхъ. то эти вторичные виды имѣютъ попреимуществу направленія *культурно-народное*, и *культурно-общественное*.

ГЛАВА VI.

ПРОСТѢЙШІЯ РАЗНИЦЫ ЯВЛЕНІЙ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСІИ, И ИХЪ УСЛОВІЯ.

Простѣйшія разницы интенсивности психической рефлексіи. — Простѣйшія разницы твердости психической рефлексіи. — Простѣйшія разницы скорости психической рефлексіи

454. Есть *разницы* явленій психической рефлексіи, свопственныя ея обоимъ основнымъ видамъ,—т. е., какъ рефлексіи дѣйствительности въ мышленіи, такъ и рефлексіи мышленія въ дѣйствительности. Разсматривая, до сихъ поръ, оба вида психической рефлексіи порознь, мы не могли остановиться на этихъ, общихъ имъ, разницахъ. Такія разницы, какъ болѣе общія, сравнительно съ тѣми, которыми занимались до сихъ поръ, мы и называемъ *простѣйшими* разницами психической рефлексіи. Къ нимъ мы относимъ. во-первыхъ, простѣйшія разницы *интенсивности* психической рефлексіи; во-вторыхъ, такія же разницы ея *твердости* и, въ-третьихъ, *скорости*.— Изучая условія указанныхъ разницъ, мы начнемъ изслѣдованіе, съ простѣйшихъ разницъ *интенсивности* психической рефлексіи.

ПРОСТѢЙШІЯ РАЗНИЦЫ ИНТЕНСИВНОСТИ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСІИ.

455. Къ *условіямъ* простѣйшихъ разницъ *интенсивности* явленій психической рефлексіи относятся во-первыхъ, *интенсивность* обусловливающихъ эти явленія, *реальныхъ* психическихъ *фактовъ*, и *идей*; и во-вторыхъ, *скорость* текущихъ *умственныхъ операцій*.

Интенсивность реальныхъ психическихъ фактовъ, и идей, какъ условіе интенсивности ихъ рефлексіи.

Начнемъ съ интенсивности *реальныхъ психическихъ фактовъ*, прошлыхъ и текущихъ.

Рефлексія *прошлыхъ* реальныхъ психическихъ фактовъ, по степени своей живости, или интенсивности, стоитъ прежде всего въ зависимости отъ живости или интенсивности этихъ фактовъ. А именно, какъ скоро прошлые реальные психическіе факты отражаются въ мышленіи, по закону смежности,—мысленная рефлексія ихъ сохраняетъ *историческія* черты ихъ интенсивности, если къ этому не встрѣтится какихъ нибудь препятствій—т. е., прошлые реальные психическіе факты отражаются въ мышленіи, со всѣми разницами своей интенсивности, или ея степеней. Послѣднее доказывается и прямо, и косвенно. Косвенное доказательство состоитъ въ слѣдующимъ разсужденіи, вполнѣ подтверждаемомъ фактами. Одна изъ основныхъ разницъ, между реальнымъ психическимъ фактомъ, и его *идеею*, заключается въ разницѣ степени ихъ интенсивности а именно, при обыкновенныхъ условіяхъ, живость умственнаго воспроизведенія реальнаго факта

никогда не достигаетъ живости самаго факта. Теперь, если справедливо, что интенсивность умственной рефлексіи стремится, по закону смежности, къ соотвѣтствію живости отражаемыхъ прошлыхъ фактовъ· то ясно, что прошлые реальные психическіе факты, обладавшіе слабымъ напряженіемъ, должны отражаться, въ мышленіи, съ такою незначительною интенсивностью, что присутствіе ихъ идей, въ ряду другихъ идей — смежныхъ съ ними реальныхъ фактовъ, можетъ быть совершенно незамѣтно, а содержаніе ихъ совершенно утрачено, въ смыслѣ раздѣльнаго или различимаго матеріала умственныхъ операцій. Слѣдовательно, цѣлыя области умственнаго сознанія, или идей, могутъ навсегда оставаться *темными*, если только новые опыты отражаемыхъ ими реальныхъ фактовъ, не сообщатъ имъ высшей интенсивности. Спрашивается существуетъ ли, въ сознаніи, такая темная, или неразличимая по своему содержанію, область, и точно ли она соотвѣтствуетъ крайне низкимъ степенямъ живости прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ?

456. Такая темная область умственнаго сознанія существуетъ для каждаго. Когда мы сравникаемъ наши воспоминанія о предметахъ природы, или искуства, съ нашими наблюденіями надъ ними, то всегда поражаемся тѣмъ контрастомъ между послѣдними и первыми, который замѣчается въ сравнительной роскоши содержанія послѣднихъ, и сравнительной скудости содержанія первыхъ: нѣкоторая доля такихъ наблюденій какъ будто оставляется вами, на мѣстахъ самыхъ наблюденій, или пропадаетъ безслѣдно для нашихъ воспоминаній. Мышленіе по смежности,—историческое мышленіе, всегда скуднѣе отражаемаго имъ опыта.

Теперь, если бы мы спросили что́ же обыкновенно пропадаетъ для такихъ раздѣльныхъ воспоминаній, при всѣхъ нашихъ реальныхъ психическихъ опытахъ — то нашли бы, что этому подвергается именно та часть нашихъ опытовъ или наблюденій, которая отличается, отъ другихъ смежныхъ съ нею частей, наименьшимъ напряженіемъ, или наименьшею живостью — въ области зрительныхъ впечатлѣній, наиболѣе слабые оттѣнки цвѣтовъ, въ области слуха, — масса слабыхъ, едва уловимыхъ звуковъ, въ области обоянія, масса слабо различаемыхъ запаховъ; и т. д.

Остается по этому поводу одинъ вопросъ: почему такія части нашихъ реальныхъ опытовъ мы считаемъ пропадающими только для нашихъ *воспоминаній*, а не для *памяти* вообще, — иначе сказать, полагаемъ, что онѣ остаются въ памяти, въ формѣ идей *темныхъ*, или темнаго умственнаго сознанія?

Общій отвѣтъ на это данъ нами въ ученіи о законѣ смежности (§ 295). Здѣсь мы ограничимся слѣдующими замѣчаніями.

Присутствіе темныхъ идей, или темнаго сознанія,— крайне слабыхъ реальныхъ опытовъ, доказывается, прежде всего, самымъ *чувствомъ контраста*, между роскошнымъ содержаніемъ наблюденій, и скуднымъ содержаніемъ воспоминаній. Чувство контраста основано на умственномъ сравненіи содержанія тѣхъ и другихъ; а такое сравненіе было бы невозможно, если бы содержаніе наблюденій не было дано, въ нашей памяти, количественно роскошнѣе, чѣмъ въ нашихъ ясныхъ воспоминаніяхъ — Тоже самое доказывается, во-вторыхъ, сознаніемъ *мысли* забытаго

нами, въ ряду вещей припоминаемыхъ. Вещи ясно припоминаемыя выступаютъ на темномъ фонѣ забытаго, а вещи забытыя служатъ темною связью для вещей припоминаемыхъ.

Мы чувствуемъ, что нѣкоторыя зрительныя ощущенія, испытанныя нами при послѣдовательномъ разсматриваніи какой нибудь широкой мѣстности, или далекой перспективы, ускользнули для нашихъ воспоминаній, или не выступаютъ въ ряду другихъ возвращающихся въ нихъ впечатлѣній. Но при этомъ мы чувствуемъ также, въ какихъ мѣстахъ оказались пробѣлы нашихъ воспоминаній; слѣдовательно, чувствуемъ утраченныя для воспоминаній впечатлѣнія, въ порядкѣ ихъ смежности съ другими, припоминаемыми отчетливо. Это чувство доказываетъ, что впечатлѣнія *забытыя* не изглаживаются безусловно изъ нашей памяти; что дѣйствіе закона смежности простирается не только на впечатлѣнія, вернувшіяся въ воспоминаніяхъ, но и на тѣ, которыя мы находимъ забытыми. Отсюда слѣдуетъ, что «забытыя» впечатлѣнія также возвращаются въ формѣ идей, въ порядкѣ своей смежности съ другими впечатлѣніями; но идеи такихъ забытыхъ впечатлѣній, по слабости своей интенсивности, остаются неразличимыми, въ ряду другихъ идей, составляющихъ воспоминанія, — и присутствіе ихъ ничего не прибавляетъ къ отчетливости, или раздѣльности мысленнаго воспроизведенія видѣнныхъ предметовъ.

457. Перейдемъ къ *текущимъ* реальнымъ фактамъ.— Текущіе реальные факты являются первыми отрицательными условіями теченія идей по смежности. Вмѣшательство *текущихъ* фактовъ, то затрудняетъ воспоминанія,

то совершенно ихъ обрываетъ, то прерываетъ на время. При этомъ замѣчается отрицательное вліяніе живости текущихъ реальныхъ психическихъ опытовъ, на интенсивность умственной рефлексіи по смежности. Чѣмъ слабѣе текущіе реальные опыты, тѣмъ они менѣе вредятъ живости мышленія по смежности; и наоборотъ, чѣмъ они интенсивнѣе, тѣмъ болѣе ослабляется ими живость идей, текущихъ по смежности. Этимъ объясняется любовь къ *уединенію,* мыслителей и поэтовъ, въ минуты ихъ усиленной умственной работы, или творчества.— *Молчаніе* присутствующихъ, въ теченіи чужого разсказа, вызывается между прочимъ тѣмъ же обстоятельствомъ. Вмѣшательство чужой рѣчи есть одинъ изъ обыкновенныхъ поводовъ перерыва, и обрыва нити передаваемыхъ воспоминаній.

458. Рефлексія прошлыхъ реальныхъ фактовъ зависитъ, далѣе, по своей интенсивности, отъ живости обусловливающихъ ея явленія *идей*.—А именно, если прошлые реальные психическіе факты отражаются въ мышленіи, по сходству съ фактами уже данными въ идеяхъ то какова бы ни была ихъ способность къ рефлексіи по закону смежности, — отражаемые по сходству съ фактами данными въ идеяхъ, они будутъ, по своей живости, зависѣть отъ живости послѣднихъ. А именно, рефлексія ихъ будетъ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ сильнѣе будутъ вызывающія ее идеи; и тѣмъ слабѣе, чѣмъ слабѣе будутъ послѣднія. Доказательства тому представляетъ рефлексія прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, вызываемая идеями, во-первыхъ, *слабой,* и во-вторыхъ, *сильной* интенсивности.

При нѣкоторой слабости ощущеній органическихъ, мускульныхъ, вкуса, обоняпія, осязанія, слуха и зрѣнія, мы не можемъ узнать ихъ, какъ бы они ни были намъ знакомы изъ прежнихъ опытовъ,—т. е. въ порядкѣ смежности съ другими ощущеніями, теперь не испытываемыми. Такимъ образомъ, испытывая слабое страданіе головы, не можемъ узнать, что это за боль,—есть ли это угаръ, утомленіе, приливъ крови и т. д. Неузнаваніе не означаетъ отсутствіе опытовъ узнаванія, но опыты не состоявшіеся, — вслѣдствіе того, что слабое текущее страданіе слабо напоминаетъ прошлыя,—или возобновляетъ ихъ также въ слабой степени

459. Это вліяніе идей, вызывающихъ умственную рефлексію прошлыхъ фактовъ, на степень ея живости, доказывается наглядпѣе тѣми случаями, когда вызывающія идеи обладаютъ значительною интенсивностью. Здѣсь мы замѣчаемъ то любопытное обстоятельство, что, при указанномъ условіи, вызываемые въ мысляхъ прошлые факты могутъ получить живость, какой они никогда не имѣли прежде, возобновляемые въ порядкѣ смежности. Сюда относятся всѣ тѣ случаи, когда прошлые факты представляются намъ съ особенною живостью, именно благодаря подмѣченному нами ихъ сходству съ текущими.

Такимъ образомъ, поздпія открытія интриги, заговора, тайны,—способны напоминать многіе прошлые факты, служащіе ихъ показателями, и притомъ съ такою живостью, съ какою они прежде не припоминались. Это будетъ работою умственной коллигаціи разрозненныхъ частей того же факта,—иначе, дѣйствіемъ закона сходства. — Тоже наблюдается въ примѣрахъ развивающихся

подозрѣній,—при чемъ иные факты могутъ пріобрѣтать въ мышленіи излишнюю, или вредную живость.

460. Третье доказательство вліянія вызывающихъ идей, на интенсивность умственной рефлексіи, дается слѣдующими опытами. Выше было говорено, что реальные психическіе факты отличаются отъ ихъ идей, прежде всего, своею высшею степенью живости Поэтому, если доказываемое нами предложеніе вѣрно, то живость идей вызываемыхъ по сходству съ текущими фактами, должна быть различна, смотря потому, вызываются ли онѣ текущими идеями, или текущими реальными фактами Наблюденія вполнѣ подтверждаютъ эту разницу. Они именно привели къ постановкѣ такъ-называемаго *закона оживленія* идей текущими впечатлѣніями. Велика разница между воспроизведеніемъ разсказовъ по однимъ книгамъ, и, кромѣ того, съ помощью наблюденій самой мѣстности, памятниковъ и т. д., о которыхъ идетъ разсказъ. Отсюда, важный интересъ путешествій, для историковъ, этнографовъ, романистовъ.

Скорость умственныхъ операцій, какъ условіе интенсивности идей, или страдательной умственной рефлексіи.

461. Въ умственныхъ операціяхъ воспоминаній, представленій, воображенія, антиципаціи и т. д.,—идеи, составляющія содержаніе этихъ операцій, протекаютъ съ различною скоростью, и разницы скорости ихъ теченія отзываются соотвѣтственными разницами ихъ интенсивности, или живости. А именно съ возрастаніемъ скорости теченія идей въ умственныхъ операціяхъ, живость идей соотвѣтственно уменьшается. Мы можемъ повѣрить

это, произвольно увеличивая скорость или быстроту теченія, напр., нашихъ воспоминаній о проведенномъ днѣ, или недѣлѣ. Возобновляя въ мысляхъ тотъ же рядъ воспоминаній съ возрастающею скоростью, мы замѣтимъ, что живость припоминаемыхъ фактовъ соразмѣрно ослабѣваетъ. Отсюда слѣдуетъ, что, при крайней скорости теченія идей въ умственныхъ операціяхъ, управляемаго закономъ смежности,—даже такія идеи, которыя отражаютъ реальные факты высокой интенсивности, могутъ проходить, въ сознаніи, въ формѣ идей темныхъ, не дающихъ различимаго матеріала умственныхъ операцій

Съ убывающею скоростью теченія идей, интенсивность ихъ соотвѣтственно увеличивается. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ тѣхъ же примѣровъ, изъ которыхъ мы узнали фактъ противоположный. Прошедши быстро, и слитно, рядъ какихъ нибудь воспоминаній, мы можемъ, возвращаясь къ его началу, и проходя вновь съ меньшею скоростью, замѣтить, что вмѣстѣ съ этимъ темныя воспоминанія начинаютъ проясняться, или пріобрѣтать болѣе и болѣе живости, иначе различимости своихъ подробностей.

462. Противъ такого объясненія, можно сдѣлать только одно возраженіе. почему, и въ настоящемъ случаѣ, мы допускаемъ только одну неразличимость идей, и слѣдовательно, скрытное присутствіе ихъ, въ ряду другихъ идей? Не слѣдуетъ ли думать, напротивъ, что съ возрастающею скоростью теченія идей въ умственныхъ операціяхъ, иныя идеи выпадаютъ безусловно изъ ряда идей, къ которому онѣ принадлежатъ, по смежности отражаемыхъ въ нихъ реальныхъ опытовъ, — иначе сказать, не возвращаются безусловно?

На это отвѣчаемъ слѣдующее. Во-первыхъ, послѣднее предположеніе рѣшительно расходится съ доказаннымъ дѣйствіемъ закона смежности; во-вторыхъ, противъ него говорятъ, опять, самыя обстоятельства разсматриваемыхъ разницъ умственной рефлексіи. При возрастающей скорости теченія идей въ умственныхъ операціяхъ, съ которою уменьшается ихъ различимость, чувство разницы въ количествѣ различимыхъ идей,—именно чувство убыванія ихъ, при каждомъ повтореніи, сохраняется. — Точно также, сохраняется и темное чувство *ихъ* ускользнувшихъ, отъ скорости теченія, идей, въ ряду другихъ идей, не потерявшихъ своей различимости. А это было бы не возможно, если бъ ускользающія изъ различимаго содержанія умственныхъ операцій—идеи, не продолжали возвращаться вмѣстѣ съ остальными, въ формѣ ихъ *скрытныхъ* сопровожденій.

ПРОСТѢЙШІЯ РАЗНИЦЫ ТВЕРДОСТИ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСІИ.

463. Обратимся къ простѣйшимъ разницамъ *твердости* психической рефлексіи.

Чѣмъ чаще психическіе реальные факты встрѣчаются между собою въ порядкѣ смежности, т. е. преемства и современности,—тѣмъ *тверже* становится психическая рефлексія ихъ.

Твердость психической рефлексіи означаетъ качество послѣдней, противоположное другому,—ея *нетвердости*,—именно, когда рефлексія психическихъ фактовъ связана съ чувствомъ *трудности*, преодолѣваемой при этомъ вос-

произведеніи, — трудности, доходящей до *неспособности* воспроизведенія членовъ преемства и современности.

Возрастаніе твердости рефлексіи, зависящее отъ повторенія отражаемыхъ фактовъ, особенно наглядно въ образованіи *навыковъ дѣйствій и движеній*,—какъ нечленораздѣльныхъ, такъ и членораздѣльныхъ.

Такимъ образомъ, мы твердо припоминаемъ имена нашихъ родныхъ и знакомыхъ, которыя у насъ часто на языкѣ, но не съ разу усвоиваемъ имена новыя, непривычныя, — лицъ, мѣстностей, вещей. Часто, желая назвать по имени новаго знакомаго, со стѣсненіемъ замѣчаемъ, что этого имени, которое сами недавно произносили, мы уже не помнимъ. припоминаемъ лицо, но не его имя. — Бываетъ и наоборотъ произносимое имя не напоминаемъ намъ лицо, о которомъ идетъ рѣчь.

Этотъ недостатокъ твердости ассоціацій имени съ предметомъ постепенно исчезаетъ, вмѣстѣ съ повтореніемъ преемственнаго слѣдованія фактовъ — наблюденія лица, и его названія.

Тотъ же успѣхъ укрѣпленія рефлексіи существуетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда дитя, повторяя свой урокъ, затверживаетъ въ такой степени, что можетъ произносить его, не стѣсняясь присутствіемъ ни учителя, ни товарищей.

464. Тоже прилагается и къ движеніямъ *нечленораздѣльнымъ*. Игра на инструментахъ начинается разучиваніемъ, въ которомъ съ трудомъ одни звуки слѣдуютъ за другими, и притомъ, при постоянномъ контролѣ, со стороны зрѣнія, обращеннаго къ нотамъ. По мѣрѣ разучиванія, навыкъ преемственнаго воспроизведенія тоновъ воз-

растаетъ, — такъ что исполненіе можетъ итти съ закрытыми глазами, или въ потьмахъ, съ совершенною вѣрностью. Вѣрность обезпечена твердостью ассоціацій движеній игры.—Женщины могутъ вязать, и вести другія ручныя работы, въ потьмахъ, предаваясь разговорамъ и думамъ. — Особенно изумительна твердость движеній, достигаемая практикою у гимнастовъ.

Что сказано о движеніяхъ и дѣйствіяхъ, или рефлексіи реальной, тоже прилагается и къ умственной рефлексіи. Ряды и группы ощущеній отражаются въ идеяхъ съ надлежащею твердостью, только послѣ повторенія опытовъ этихъ ощущеній. Такъ пестрыя картины какой нибудь улицы, площади, внутренности храма, сельской мѣстности и т. д., возстаютъ въ духѣ, со всею легкостью, дѣлающею воспроизведеніе ихъ нечувствительнымъ, — только послѣ многихъ опытовъ наблюденія ихъ.

465. Элементарное воспитаніе и обученіе. — Разницы твердости психической рефлексіи, данныя въ ассоціаціяхъ элементарныхъ, сохраняются и въ сложныхъ. Это—руководительное начало элементарнаго воспитанія и обученія. По этому правилу, основательность всякаго воспитанія и обученія считается достигнутою только тогда, когда вполнѣ закончено надлежащее элементарное воспитаніе,—т. е. когда элементарныя ассоціаціи достигли надлежащей твердости.

Таково преемство въ обученіи чтенію, письму, игрѣ на инструментахъ, танцамъ, словеснымъ произведеніямъ, работѣ научной, механической, дѣйствіямъ управленія и т. д. Въ грамматикѣ, начинаютъ обученіе съ буквъ, сло-

говъ, словъ и предложеній, въ ботаникѣ—съ частей растеній; въ анатоміи животныхъ, съ частей тѣла животныхъ; въ искуствѣ танца, съ шаговъ, или *па;* въ музыкѣ, съ гаммъ, или школы; и т. д. Усвоеніе элементовъ, т. е. твердость ихъ воспроизведенія, достигнутая съ помощью повтореній, облегчаетъ изученіе вещей болѣе сложныхъ. въ составѣ которыхъ они находятся. Такимъ образомъ, при изученіи музыкальныхъ гаммъ, или школы, затверживаются сравнительно немногія преемства движеній, сопровождающія преемства нотъ, или музыкальныхъ знаковъ. Но если изученіе достигло твердости этихъ элементарныхъ ассоціацій движеній оконечностей, съ видимыми музыкальными знаками то изучивший музыкальную школу способенъ съ легкостью исполнять не игранныя прежде пьесы, или, какъ говорятъ, играть à livre ouvert. Потому что, играя въ первый разъ какую нибудь пьесу, по составу ея сложныхъ фразъ, онъ будетъ играть ее же въ десятый или сотый, по составу ея двучленныхъ, трехчленныхъ, или другихъ, менѣе простыхъ элементовъ.—Такимъ же образомъ, навыкши произносить слоги, изъ которыхъ состоятъ слова, дитя начинаетъ читать самыя слова, и предложенія.—При этомъ разницы въ твердости элементарныхъ ассоціацій, не замедлятъ обнаружиться, при изученіи вещей сложныхъ:—нетвердость первыхъ будетъ заключать въ себѣ недостаточную подготовленность къ послѣднимъ.

ПРОСТѢЙШІЯ РАЗНИЦЫ СКОРОСТИ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСІИ.

466. Разницы *скорости* психической рефлексіи зависятъ отъ многихъ условій. Къ нимъ относятся. *повтореніе* отражаемыхъ фактовъ въ порядкѣ смежности; *количество* смежныхъ связей отражаемаго факта съ другими; *интенсивность* и *объемъ* отражаемыхъ фактовъ; *степень сходства* ихъ съ текущими, и т. д.

Повтореніе отражаемыхъ фактовъ въ порядкѣ смежности, какъ условіе скорости ихъ рефлексіи.

Въ существованіи этого условія мы убѣждаемся изслѣдованіемъ явленій, прежде всего, *реальной* рефлексіи. Во всякомъ умѣньи, заключающемъ въ себѣ скорость или быстроту движеній, начинаютъ движеніями медленными. Такимъ образомъ, начинающій брать уроки музыки, играетъ всѣ ноты съ одинаковою медленностью, не овладѣвая разницами ихъ продолженія, какъ тактовъ, полутактовъ, четвертей и т. д. Но, съ повтореніемъ, возрастаетъ стремленіе къ игрѣ быстрой,—такъ что нужно нѣкоторое противодѣйствіе ему, чтобы скорость игры отвѣчала въ тоже время разницамъ продолженія нотъ, какъ тактовъ, четвертей и т. д. — Такимъ же образомъ, дитя заучивающее свой урокъ, воспроизводитъ его сначала медленно, потомъ все быстрѣе,—пока ему не замѣтятъ, что онъ читаетъ слишкомъ скоро. —Такъ, и во всякомъ сложномъ дѣйствіи, движенія новичка медленны, вялы;

но движенія опытнаго, не только тверды, увѣренны, но и быстры, скоры. Какъ далеко можетъ итти возрастаніе скорости движеній, отъ повторенія,—доказываютъ многіе такъ-называемые *фокусы*, и *передергиваніе* картъ, въ карточныхъ играхъ.

467. По тоже возрастаніе скорости рефлексіи, отъ повторенія отражаемыхъ фактовъ, мы наблюдаемъ и въ явленіяхъ *умственной* рефлексіи. Такимъ образомъ, *умственныя* впечатлѣнія зрѣнія и осязанія, послѣ неоднократныхъ опытовъ ихъ повторенія, возвращаются въ мышленіи какъ *совершенныя*. Съ возрастающею скоростью повторяемыхъ послѣдовательныхъ ощущеній зрѣнія и слуха, умственныя воспроизведенія ихъ одного за другимъ, слѣдуютъ съ такою быстротою. что мы перестаемъ чувствовать *послѣдовательность* ихъ воспроизведенія. Намъ кажется, что они возращаются къ намъ, въ мысляхъ, всѣ разомъ, или въ одно и то же время.

Положимъ, что вы переѣзжаете, изъ города, на новую дачу, въ невиданной вами прежде мѣстности. Передъ вами развертывается постепенно перспектива вашей дороги,—улицы города, и загородныя мѣстности, съ ихъ лѣсами, горами, равнинами, лугами, полями, пастбищами, рѣчками, озерами, селами или деревнями и т. д. Послѣ первой поѣздки, чувствуетя *богатство* впечатлѣній, смѣняющихъ одно другое: т. е. впечатлѣнія воспроизводятся въ мысляхъ, одно за другимъ медленно. Но чѣмъ чаще совершается поѣздка по той же дорогѣ, тѣмъ испытываемыя впечатлѣнія кажутся скуднѣе. впечатлѣнія возвращаются въ мысляхъ, одно за другимъ, все съ большею скоростью,—и наконецъ, при одномъ названіи этой поѣзд-

ки, вся дорога, туда и обратно, воспроизводится въ духѣ, какъ одна цѣльная картина, сразу видѣнная вами. Словомъ, она представляется вамъ такъ, какъ будто бы всю дорогу вы видѣли сразу, съ какого нибудь высокаго пункта, обозрѣвая однимъ взоромъ все ея протяженіе.

468. Вслѣдствіе возрастающей скорости умственнаго воспроизведенія зрительныхъ впечатлѣній, образуются навыки *современнаго* воспроизведенія того, что мы наблюдали, при различныхъ обстоятельствахъ, только *преемственно*. Лицо, съ достаточною опытностью, возстановляетъ, въ своемъ умѣ, наружный видъ вещи, вмѣстѣ съ расположеніемъ ея внутреннихъ частей, которыя приходилось наблюдать послѣдовательно,—напр., частей большихъ зданій,—домовъ, мостовъ, храмовъ, площадей,—или улицъ, горъ, замковъ, береговъ озера, моря. Скорость воспроизведеній превращаетъ преемственное въ современное. Наглядными примѣромъ того, могутъ служить тѣ мѣста, гдѣ мы провели наше первое дѣтство. Не смотря на обширность ихъ, позволявшую разсматривать ихъ только преемственно, они способны заразъ возставать въ нашихъ мысляхъ, вслѣдствіе той быстроты возвращенія, къ какой они способны, отъ многочисленныхъ повтореній ихъ наблюденій, въ теченіи дѣтства.

Преемство *осязательныхъ* ощущеній, у людей обладающихъ зрѣніемъ, не отличаются тѣмъ богатствомъ, какое свойственно ощущеніямъ зрительнымъ; поэтому, и примѣры указываемаго нами превращенія скуднѣе; тѣмъ не менѣе они есть. Ощупью, мы отличаемъ одни линіи отъ другихъ, одни поверхности отъ другихъ, одни фигуры отъ другихъ. Опыты осязанія всегда послѣдовательны, но

вслѣдствіе повторенія, умственная рефлексія ихъ получаетъ такую скорость, при которой сравниваемыя линіи, поверхности, фигуры, представляются, въ мышленіи, совершенно какъ *современныя*.

Количество смежныхъ отношеній отражаемаго факта, какъ условіе скорости его рефлексіи.

469. Если отражаемый фактъ находился въ связи, не съ однимъ, а съ многими фактами, въ порядкѣ смежности то умственное воспроизведеніе послѣднихъ, въ различномъ количествѣ, вноситъ соотвѣтственную разницу въ скорость рефлексіи перваго. Чѣмъ больше фактовъ, вызывающихъ по смежности какой нибудь иной фактъ, тѣмъ рефлексія послѣдняго, умственная или реальная, произойдетъ скорѣе.

Этою особенностью психической рефлексіи мы пользуемся въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ нужно что нибудь хорошо запомнить. Такимъ образомъ, запоминая квартиру новаго знакомаго, мы обращаемъ вниманіе, на форму дома, въ которомъ она помѣщена, лавки или магазины въ этомъ домѣ, дома сосѣдніе съ нимъ и противоположные ему; площадь, или церковь, по близости; и т. д. Позднѣе, всѣ эти обстоятельства играютъ роль въ скорости нашихъ воспоминаній. Напр., наружность дома, сама по себѣ, не даетъ намъ увѣренности, что въ немъ именно и есть квартира нашего новаго знакомаго. Но осматриваясь кругомъ, на дома сосѣдніе, домъ противоположный, площадь по близости, и другія вещи, мы пріобрѣтаемъ полную увѣренность въ этомъ. Всѣ эти зданія и мѣстности мы связали раньше, въ мысляхъ, съ квартирою

нашего знакомаго, и чѣмъ больше теперь видимъ ихъ, тѣмъ скорѣе они напоминаютъ намъ искомую квартиру.

Точно также, забывая названіе какого нибудь лица или мѣста, мы возвращаемся, въ мысляхъ, къ обстоятельствамъ, при которыхъ его слышали, или произносили; и наконецъ, масса ихъ напоминаетъ намъ то, чего не въ состояніи была сдѣлать одна идея лица, или мѣстности.— Точно также, совокупность признаковъ напоминаетъ врачу болѣзнь, удручающую его пациента, наводитъ насъ на чужія чувства и замыслы, доставляетъ суду улики противъ виновныхъ, выводитъ насъ изъ превратныхъ или мечтательныхъ взглядовъ—на нашу собственную личность, относительно возраста, состоянія, положенія въ обществѣ, — на окружающія насъ измѣненія въ природѣ, — напр., времена года, — равно какъ и на совершившіяся перемѣны въ обществѣ.

Интенсивность и объемъ отражаемыхъ фактовъ, какъ условіе скорости ихъ рефлексіи.

470. Различная степень *интенсивности* отражаемыхъ фактовъ вноситъ соотвѣтственную разницу, не только въ степень живости (§ 455) но и въ степень скорости рефлексіи ихъ въ умственныхъ операціяхъ,—напр., *воспоминаніяхъ*. Скорѣе другихъ воспроизводятся, въ мышленіи, реальные психическіе факты, отличавшіеся высшимъ напряженіемъ. Когда заходитъ рѣчь о какой нибудь прочитанной повѣсти, видѣнной пьесѣ,—сцены болѣе поразившія насъ, выступаютъ въ нашихъ воспоминаніяхъ скорѣе, чѣмъ другія. Это не значитъ, чтобы наши впечатлѣнія отражались не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ

слѣдовали въ памяти нашей они проходятъ въ своей непрерывной послѣдовательности, но въ нашихъ воспоминаніяхъ выступаютъ скорѣе тѣ, которыя отличались высшимъ напряженіемъ. Это и даетъ тотъ умственный обманъ, какъ будто впечатлѣнія возобновляются въ духѣ безъ всякаго историческаго порядка, одни забѣгаютъ впередъ, а другія отстаютъ. Что такая скорость рефлексіи не обусловлена качествомъ пріятности или непріятности впечатлѣній, видно изъ того, что ею обладаютъ всѣ впечатлѣнія высшей интенсивности, не взирая на ихъ качество,—будутъ ли то сильныя чувства страха, гнѣва, или любви, нѣжности, успѣха Возвращаясь съ прогулки, обыкновенно передаютъ прежде всего то, что особенно поразило —явленія бури, дождя, молніи, паденья причинившаго страданія, — пожара, веселой сцены; и т. д.

Факты отличающіеся высшимъ *объемомъ* отражаются въ мысляхъ скорѣе, чѣмъ предметы малаго объема. При воспоминаніи о какомъ нибудь путешествіи, скорѣе другихъ припоминаются широкіе и далекіе виды, большія рѣки, зданія и т. д.

Сходство текущихъ фактовъ съ отражаемыми (прошлыми), какъ условіе скорости ихъ рефлексіи.

471 Степень сходства текущихъ психическихъ фактовъ съ прошлыми, сопровождается разницами и въ степени скорости умственной рефлексіи послѣднихъ, по закону сходства. Доказательства тому мы находимъ прежде всего въ явленіяхъ *узнаванія* вещей.

Состоявшіяся явленія узнаванія, основаны на чув-

ствѣ полнаго тожества или совпаденія впечатлѣній текущихъ, съ напоминаемыми ими прошлыми. Теперь, если выставляемое нами предложеніе справедливо то текущія впечатлѣнія должны, прежде всего, напоминать такія прошлыя, которыя имѣютъ съ ними сходство полное,— или что первымъ умственнымъ явленіемъ, при встрѣчѣ съ вещами, должно быть явленіе ихъ *узнаванія*. — Такъ ли это? Дѣйствительно ли, текущія впечатлѣнія напоминаютъ, прежде всего, тожественныя съ ними прошлыя?

Отвѣчаемъ утвердительно. Основанное на полномъ тожествѣ текущаго съ прошлымъ, узнаваніе предметовъ, повторяемое много разъ, не вызываетъ въ насъ никакихъ качественныхъ чувствъ, — чувствъ новости, удивленія и т. д. Таковъ обыкновенный взглядъ на вещи взрослаго человѣка: онъ встрѣчаетъ ихъ съ чувствами совершенно нейтральными, или съ полнымъ равнодушіемъ, и разсѣянно,—безъ прикованнаго вниманія. Присутствіе иныхъ чувствъ—показатель *новой встрѣчи*, или встрѣчи съ предметами въ первый разъ. Такимъ образомъ, мы можемъ судить о присутствіи явленій узнаванія, по присутствію и отсутствію нѣкоторыхъ чувствъ. Это-то обстоятельство и даетъ намъ основаніе утверждать, что явленіе узнаванія вещей есть первое, при встрѣчѣ съ вещами; иначе сказать, текущія впечатлѣнія вызываютъ въ умѣ, прежде всего, тожественныя съ ними прошлыя.

Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивая явленія узнаванія, съ другими умственными явленіями *обобщенія*. Акты *сравненія*, *различенія*, основанные на неполныхъ сходствахъ, требуютъ, впереди себя, *узнаванія* сравниваемыхъ или различаемыхъ вещей. Всего позже, или

медленнѣе, вызываются въ мышленіи, по сходству, вещи мало сходныя съ текущими. Такимъ образомъ, всѣ уподобленія принадлежатъ къ классу *занимательныхъ* сближеній. Сюда особенно относятся всѣ *поэтическія* уподобленія или сравненія.

472. Послѣдствія различной скорости умственной рефлексіи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ.

Такъ какъ прошлые факты возвращаются въ идеяхъ, по сходству съ текущими, не съ одинаковою скоростью то отсюда происходятъ слѣдующія умственныя явленія.

При равной скорости возвращенія прошлыхъ фактовъ, послѣдніе не могутъ выступать въ порядкѣ *преемства*, — или должны отражаться *современно*, — въ одной сложной идеѣ.

При различной скорости воспроизведенія по сходству, сходные прошлые факты должны выступать въ идеяхъ, *преемственно* слѣдующихъ одна за другою; причемъ разницы скорости должны имѣть вліяніе на самую раздѣльность идей. Выступая, одна за другою, послѣ отчетливо сознаваемыхъ промежутковъ времени, идеи дадутъ болѣе живыя чувства ихъ раздѣльности. Напротивъ, при ничтожной разницѣ своей скорости, идеи должны слѣдовать одна за другою съ быстротою, дѣлающею ихъ содержаніе темнымъ, или мало различимымъ.

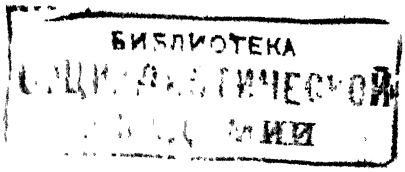
473. Эти-то явленія рефлексіи по сходству, обусловленныя различною скоростью послѣдней, должны лежать въ основаніи образованія такъ-называемыхъ общихъ идей, и общихъ понятій.

Общая идея можетъ быть *общею схемою* многихъ сходныхъ вещей, когда бываетъ послѣдствіемъ встрѣчи многихъ идей, вызываемыхъ по сходству съ одинаковою скоростью.

Общая идея можетъ быть *рядомъ сходныхъ идей*, представляющимъ типъ класса вещей или явленій,—когда эти идеи вызываются, по сходству, послѣдовательно, или одна за другою.

Наконецъ, общая идея можетъ состоять изъ *одной идеи*,—въ отсутствіи другихъ, или при ихъ медленномъ возвращеніи.

Въ образованіи *общихъ понятій*, кромѣ сходства участвуетъ *смежность*, съ тѣми же разницами скорости. По смежности и сходству, слова могутъ вызывать идеи вещей съ различною скоростью. Разницы скорости дадутъ и здѣсь тѣ же послѣдствія, въ различныхъ формахъ *понятій*. — именно, то въ формѣ *общихъ схемъ*; то въ формѣ *рядовъ идей;* то въ формѣ идей *однокихъ*, какъ образцовъ (§ 253).


БИБЛІОТЕКА

ОПЕЧАТКИ.

		Напечатано	*Слѣдуетъ читать*
стр	строка		
4	3	Соотношенія идеи.	Соотношенія идей.
48	16	эллипсиса,	эллипсоида;
97	11	понорама	панорама
144	9	а именно	а именно, будетъ отмѣчать
276	3	пиршествъ;—	пиршествъ,—
—	31	архитектуры;	архитектуры,